

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала – издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница - 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал распространяется в Москве, Петербурге, Калининграде, Казани, Нижнем Новгороде и Перми, а также через Передвижную книжную лавку писателей Живого журнала (подробнее - см. на официальном сайте). Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор – Алексей Караковский.
Литературный редактор – Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор – Анна Герасимова.
Вёрстка – Алексей Караковский.
Фото – Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) – прозаик, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения», член Союза писателей Москвы.

Лиене Ацтиня (Саулкрасты, Латвия) – поэтесса, главный редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Алексей Караковский (Москва) – прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Елена Бондаренко (Блонди) (Железнодорожный) – прозаик, главный редактор Интернет-проекта «Книгозавр».

Андрей Моисеев (Москва) – критик, эссеист.

Анна Никольская-Эксели (Барнаул) – детский писатель, Посол Мира «Конвента Народной Дипломатии» в России.

Ольга Таир (Новозыбков) – прозаик, критик, эссеист. Модератор сообщества «Мир книг» books_world.

Дэн Шорин (Тула) – писатель-фантаст, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) – поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) – руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) – руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) – кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.04.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА». Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9. тел.: (495) 510 32 98. www.maska.su, info@maska.su

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

ВНОМЕРЕ:

... Дело поэта, который в форме слова перемещает похищенное из немоты, из хаоса, из небытия, — несомненная КОНТРАБАНДА.

Георгий Ефремов, «Любой пустяк в порядке», «Дружба Народов» 2000, №8.

Телега	2
Лермонтов на Кавказе	
Рецепты чтения	7
Алексей Караковский. Мария-страница	
Перечитывая классику	20
Кирилл Ковальджи. Поэты и судьбы.	
Виктор Кузнецов. Максимиллиан Волошин: «Молюсь за тех и за других...»	
Сценография	9
Елена Зейферт. Жить у границы или пересечь её?	
Наталья Радько. Смерть на сцене.	
История песен	15
Алексей Караковский. «Вилли О'Винсбери»	
Библиотека поэтического рока	15
Дмитрий Румянцев. Долгий разговор в поезде: Борис Гребенщиков и Андрей Макаревич.	
Сетевые раскопки	31
Андрей Гришин. Слова идут на звук.	
Кают-компания	25
Игорь Гергенрёдер: «Я смотрю на советский строй объективно».	
Портрет писателя в интерьере	30
Олег Смагин. Миша Цук: «Иных на земле никогда и не помнили»	
Точные координаты	38
Елена Рышкова. Русская литература в Германии.	
Елена Рышкова. О конкурсе русский Stil - 2008.	
Результаты конкурса русский Stil - 2008.	
Стихи победителей конкурса русский Stil - 2008	
Кунсткамера	32
Лиене Ацтиня. Пособие по написанию правильной слезодавилки	
Дикий гон	32
Сергей Алхутов. Жизнеописание Сергея Алхутова, сделанная его позднорождённым потомком Фань Ли-Ху на русской языке	
Безумный словарь	34
Альтернативный энциклопедический словарь. Огненная гигиена	
Контрабандное чтение	42
Наталья Егорова. Есть идея!	
Кирилл Романовский. Стихи.	
Анна Стром. Стихи	
Литературный кроссворд	64

Вот и готов шестой номер «Контрабанды», впервые в нашей долгой пока ещё практике посвящённый стране дальнего зарубежья. В том, что первой стала Германия, нет ничего удивительного: эта страна последние двадцать лет является одним из самых близких экономических, культурных и политических партнёров России. Так было и при Российской империи, пока амбиции германского императора в 1914 году не уничтожили русско-немецкую внешнюю торговлю на корню. И хотя две мировые войны наложили самый серьёзный отпечаток на отношения двух стран, сближение было достигнуто.

В России традиционно ценились немецкие специалисты, начиная со времён Петра Первого, приезжающие на работу в самых разнообразных отраслях. Их обрусевшим потомкам, вернувшимся на родину предков, приходится гораздо тяжелее; во всяком случае, с работой у них проблем точно больше. И это, конечно, является серьёзным фактором, влияющим на жизнь и состояние духа в стране, которая является родной не столько тебе, сколько твоим предкам.

И всё равно русскоязычных авторов в Германии настолько много, что едва ли возможно создать точную базу данных по ним. Даже новости до нас доходят плохо. Что я знаю о литературных событиях в стране, откуда, кстати, когда-то приехали и мои предки-крестьяне, будущие обитатели потёмкинской деревни? Слышал, в Германии несколько лет назад умер известный поэт и автор песен Владимир Ланцберг. Вот, пожалуй, и всё.

Невозможно посветить номер стране целиком — особенно в случае с большой страной, которой является Германия. Поэтому этот номер журнала расскажет об одном-единственном событии в немецкой литературной жизни — международном литературном конкурсе «Русский Stil — 2008», в котором мне было предложено участвовать в качестве члена жюри. И хотя мне понравились далеко не все тексты (в том числе, победившие — сам я переживал за произведения, оставшиеся недооценёнными), я готов подтвердить высочайший уровень проекта. Немецкие организаторы показали прекрасную постановку дела и серьёзность намерений, а русскоязычные авторы разных стран — то, что им есть чем похвастаться.

Читая подборку лучших текстов, я быстро оказался перед проблемой: для публикации в номере хотелось взять сразу всё, и побольше. Но ведь задача номера состоит лишь в кратком анонсе конкурса. Да и как поместить такой объём в наше небольшое издание? Пришлось ограничиться лишь несколькими текстами от каждого автора, сделав акцент на особенно удавшейся поэтической рубрике.

Ещё хотелось бы отметить, что первая презентация номера состоится в Одессе — городе, которому был посвящён первый же номер «Контрабанды». Это очень отраднейший факт говорит, что знаменитый черноморский город постепенно вспоминает о том, что он — культурная столица региона, и если в этой части Европы намечается что-то значительное, то лучше места, чем Одесса, для проведения литературного мероприятия просто не найти. Эту репутацию городу во многом вернули авторы-одесситы, участники «ЛИТО.ОДЕССА» — молодые ребята, у которых всё впереди.

Уверен, что пока мы молоды, мы не заставим наших читателей скучать. А когда мы состаримся, мы найдём в себе другие достоинства, и «Контрабанда» вам всё равно понравится.

**ACHTUNG!
RUSSKIE!!**

ЛЕРМОНТОВ НА КАВКАЗЕ

Проехав четыре метра галопом, Михаил Лермонтов выпал из седла и, зацепившись ногой за стремя, пропахал носом по песку ещё шесть метров тормозного пути, после чего лошадь резко стала и, с видимым наслаждением унавозила тело поэта. Возмущённо плюясь кровью, поручик лейб-гвардии гусарского полка вскочил на ноги и, размахивая шпагой, стал изрекать проклятия по-французски. Однако, лошадь была обучена черкесами и скрылась в горах, весело помахиывая хвостом. «Убежала», — неприязненно подумал Лермонтов. Это была одиннадцатая лошадь за неделю, доверенная ему в служебное пользование.

Расстроенный Лермонтов угрюмо побрёл на съёмную квартиру в селение с лирическим названием Гудермес. Прохожие, завидев вдалеке поэта, тут же убегали с просёлочной дороги: Михаил Юрьевич прожил здесь уже неделю, и горцы успели осознать, что с ним лучше не связываться.

С каждым новым прохожим настроение Лермонтова ухудшалось. По дороге он успел несколько раз зацепиться штаниной за какие-то сучки и порвать дорогое английское сукно армейских брюк. Иногда деревья, обладавшие этими сучками падали на крыши деревенских домов. Рассерженные хозяева выбегали с ружьями, но, завидев Лермонтова, расплывались в неестественных улыбках и спешили смьтсья подальше.

Казалось, день был испорчен окончательно, но вдруг вдалеке показался сослуживец Лермонтова поручик фон Патиссон, насвистывающий шансоньетку. Обрадовавшись, Лермонтов побежал к знакомому поручику, размахивая руками и крича. Фон Патиссон обернулся. Легкомысленное выражение тут же покинуло его лицо. «Мама!», — закричал он и бросился бежать. «Не может быть, чтобы он не был рад меня видеть. Это какая-то ошибка!», — подумал Лермонтов и ринулся следом.

Перемахнув чей-то забор, фон Патиссон сделал вынужденное четверное сальто и затаился в кустах крыжовника. «Фон Патиссон должен быть где-то рядом и он, конечно, жутко рад меня видеть! Все немцы практичные люди, а фон Патиссон — немец, так зачем зря терять время?», — подумал Лермонтов и, проломив забор, упал в крыжовник. «Чёрт!», — подумал Лермонтов, вытаскивая из носа колючки. «Gott mit uns!», — завизжал фон Патиссон, пулей вылетая из кустов.

В ответ на неразумный демарш фон Патиссона Лермонтов попытался протянуть в его сторону руки, умощённые конским навозом и утыканные колючками. Однако, поручик легко перемахнул забор и побежал вглубь Гудермеса. Проломив забор второй раз, Лермонтов бросился за ним вслед, элегантно помахиывая крыжовенным кустом, так и оставшимся на брюках английского сукна.

МАРИЯ-СТРАННИЦА

Представьте себе умную красивую русскую женщину, уверенную в своих силах, но оказавшуюся в неподходящее время в неподходящей для себя стране. Что делать? Если время, как ни старайся, не изменишь, остаётся менять страну.

Мария Полянская, молодой филолог, закончившая в конце восьмидесятых МГУ, так и поступила. Да и что делать в нищем, только начинающем строить заново свою политику и экономику государстве, когда твоя специальность — нидерландский язык? Естественно, ехать на родину Брейгеля и Рубенса, страну твоей мечты.

Полянскую не назовёшь космополитом. Мария ощущает свою русскость постоянно и неизбежно. Всё это — несмотря на нюансы, рассказанные в новелле «Еврейское счастье»; ведь в Европе любого русскоговорящего человека зовут русским, будь ты татарин или русский немец. Но тут возникает другая проблема: если ты знаешь нидерландский и разбираешься в культуре страны гораздо больше любого среднестатистического обывателя, то кем быть тебе среди этих обывателей, род которых здравствует на своей Родине задолго до Брейгеля, и потому его представители полностью уверены в своей правоте? Особенно, учитывая, что переселенка из другой страны не имеет никаких гражданских прав и поневоле вынуждена смотреть на окружающую тебя социокультурную ситуацию со стороны.

Поиск места, раз уж не повезло со временем — устойчивое состояние писательницы и героини. Одинокая женщина напоминает бездомную кошку, которая давно разочаровалась в мечте о добрых и ласковых хозяевах и мечтает лишь о тёплом угле, где можно было бы свернуться клубком, среди других, подобных тебе бродяжек. «Чужестранка» (так называлась первая книга Марии Полянской, вышедшая ещё в середине девяностых) — это больше, чем рефлексия, самоощущение, роль. Это устойчивая жизненная ситуация, в которой оказываются непохожие друг на друга люди, объединённые поиском (или, точнее, потерей) дома. И в их жизни есть место всей гамме хорошего и плохого — депрессии и любви, одиночеству и отчаянному гедонизму как способу со-существования с реальностью.

Потом, конечно, наступит прозрение, пугающее своей простотой: «А что же я тут делаю, вдали от дома?» — и, как следствие, возвращение на Родину. Но для того, чтобы прийти к этой стадии, сильная и смелая Мария должна сначала пройти все стадии испытания. Потом они, возможно, станут сном, «сном городского воробья» или сказкой для маленькой дочки. А, может, про-сто новой книжкой, написание которой потребовалось целых десять лет кропотливого поиска нужных слов, метафор.

Издательство «Литкон» наметило выпуск второй книги Марии Полянской на сентябрь 2008 года, но сайт, посвящённый изданию работает уже сейчас (www.mpolnaska.ru). Книжку можно будет купить в книжных магазинах Москвы, в Литинституте, на презентациях. Станет ли она литературным событием года пока неизвестно (хотелось бы верить, что станет), но одно можно прогнозировать достаточно смело: прочитав «Сон городского воробья», вы не останетесь равнодушными и будете возвращаться к этой книжке ещё и ещё.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ПОЭТЫ И СУДЬБЫ

Павел Антокольский

Он меня лет в восемнадцать поразил поэмой «Сын», вспышками пронзительной боли и поэтического напряжения. Потом, при личном знакомстве, неизменно облучал меня своим энергетическим полем, заряжал, он, умеющий до преклонных лет жить вкусно, горячо, интенсивно.

Правда, стихами он больше не порадовал меня. Помню один из его последних авторских вечеров в Большом зале ЦДЛ. Он держался молодцом: глубокий старик, он молодел на сцене, голос набирал силу и твердость, жест руки был гордый и властный, выпрямилась осанка, он словно стал выше ростом. Но при всем блистательном напряжении его жизненной силы, стихи не очень-то трогали аудиторию, под конец кое-кто стал уходить из зала, он заметил, сказал вслед что-то горькое...

Ближе и чаще общался я с ним, когда готовил для журнала «Произведения и мнения», которым в ту пору ведал, публикацию французских переводов Марины Цветаевой из Пушкина. Тексты мне предоставила Ариадна Сергеевна Эфрон (договорился с ней по телефону, получил от нее письмо, но — увы! — так и не удосужился с ней познакомиться лично).

Павел Григорьевич охотно откликнулся на мою просьбу написать предисловие к переводам Цветаевой. Сидели мы с ним в ЦДЛ, он попил коньяк и попыхивал трубочкой. Говорил про Марину Ивановну: «я был ее первым мужем» (!?) — петушился, но с таким искренним порывом, что это не выглядело хвастливо и пошло.

Не раз видел его с молодой поэтессой Полиной (Сталиной) Рожковой. Он при ней мило матерился, куражился, пил, курил — был завидно жив к восьмидесяти годам. Над ним потешались, сплетничали, а он в ус не дул. Как-то при мне в ЦДЛ, обращаясь с какой-то просьбой в связи с той же Рожковой к Ю. Кузьменко, инструктору отдела пропаганды ЦК, он приговаривал: «вы чего не подумайте, в моем возрасте об этом нечего думать, она мне как дочка, если хотите...» и т.д. А сплетничали как раз о том, что он попробовал на ней жениться, но ему отказали в загсе, тогда он решил ее удочерить..

Что бы не болтали — он был восхитителен. Если так впадают в детство, то дай Бог каждому. Он как маленькая шаровая молния плыл среди ЦДЛ-ского сухостоя. Он заряжал энергией так, что однажды я, вернувшись домой после встречи с ним, тут же сел за стол и с удивительной легкостью накатал страниц восемь (начальных) «Истории от Аристида». А еще в последние годы он говорил мне, что пишет стихи взахлеб. «У меня стихотворный понос!» — воскликнул с притворным ужасом. Действительно ли ему тогда писалось? Что-то нет посмертных публикаций (как, например, у Слуцкого).

С ним прощались в Малом зале, его почти не было видно из-за венков и цветов. Народу было немного, но поэтов достаточно. Более всего запомнился Симонов, он говорил с усталой болью о покойнике как об учителе, наставнике, друге, связующем поколения. Может, потому так запомнился Симонов, что какая-то тень лежала на его лице, жить ему, как оказалось, оставалось недолго...

Рассказывали, что Антокольский умирал трудно. Очнувшись, вдруг сказал про умирание: «какая гадость!». Похоже, что так и было, такие слова мог сказать только он (в пику Л. Толстому и любому заранее приготовлявшемуся к смерти). Говорят, что Светлов и Паустовский плакали, расставаясь с жизнью. Мартынов перед смертью, замирая от ужаса,

пророчил страшные времена. А Мариетта Шагинян, придя в сознание, заявила: «Разум мне отказывает, можете считать, что я умерла...»

Ярослав Смеляков

Неудивительно, что именно Евтушенко написал статью «Смеляков — классик советской поэзии». Смеляков был окружен почтительной и опасливой любовью (пострадал, талантлив и груб, особо во хмелю). Его репутация одного из лучших советских поэтов была устойчива и привычна, потому в свое время я удивлялся, что Новелла Матвеева сердито отвергала Смелякова, называя его поэзию жесткой и деланной. Действительно, когда вышел его однотомник в «Большой библиотеке поэта», я с недоумением увидел его бездуховность. Поразительно много плохих сухих стихов: успешная борьба с собственным талантом во имя государственного признания.

Смелякову «приснилось», что он чугуном стал. Евтушенко видит этот будущий памятник рядом с Маяковским: «Памятника Смелякову еще нет. Но ощущение этого памятника нарастает.» Увы, ничего подобного.

Мне жалко Смелякова. Он упорно хотел быть советским, рабоче-крестьянским. Вопреки гибели его друзей — Павла Васильева и Бориса Корнилова. Вопреки собственным отсидкам и плену. Его стихи отрицали его ломаную-переломанную биографию. Недаром он так зло и много пил.

Яркий был человек. Талант, характер, судьба... Но читателей уже теперь маловато, а завтра и вовсе не станет. К Маяковскому еще вернуться, к Смелякову — вряд ли. Он второстепенный в лучшем случае. В каком-то заграничном издании в последние брежневские годы мне попала резкая и точная статья Коржавина о Смелякове — полная противоположность евтушенковской...

Я с Ярославом Васильевичем встретился впервые в 1951 году перед его арестом. Мы к нему пошли — студенты Литинститута Федя Сухов, Ваня Краснов и я. Смеляков был молодой, гладкий, крутой. Пили водку, читали стихи. Среди мной прочитанного он выделил стихотворение «Я угадал», добавил: «Рифма перевешивает. С такими стихами можно попасть и в лауреаты, и в тюрьму»... В этом, так и не опубликованном стихотворении, были такие строки:

...Красавице слава нравится.
Шляхтич на русской земле,
Чтоб славу добыть красавице,
Рубит, привстав в седле.
Надо варшавской женщине
Громкой любви короля,
Пожара Москвы бревенчатой,
Поклона башен Кремля... и т.д.

Я не знал тогда его трудной биографии. Его арест меня весьма удивил, я расспрашивал знакомых, но в основном бытовала сплетня, что он дал пощечину Назыму Хикмету, осмелившемуся покритиковать его переводы... Хикмет ходил тогда в героях, немудрено.

Спустя много лет, после возвращения Смелякова, говорю ему в Кинешине (очень мне тогда нравилась «Строгая любовь»):

— Почему не перепечатываете «Любку Фейгельман»? Я ее знаю наизусть. И не только я...

— Да как-то неудобно. Не тот уже возраст...

Через какое-то время решился, перепечатал. Но снял (или ему сняли) строфу:

Мы еще не жили, а уж нас разводят,
А уж нам сказали: «Пожили. Пора»...
Мне передавали, что с тобою ходят,
Нагло усмехаясь, наши фраера...

В ЦДЛ за столиком с Евтушенко. Смеляков Жене: «Как ты мне надоел!». Евтушенко восхищенно подмигивает мне: «Каков, а?».

Однажды для «Дня поэзии» я предложил стихи, среди которых была и «Баллада о стуле». Я прочитал вслух (стихотворение кончалось так: «Про тех, кто в тюрьме, говорят, что — сидят. Ты тоже сидишь. И не рыпайся, брат. Сам виноват»). Он поморщился: — Не надо!

Заведовал поэзией в «Дружбе народов». Шли стихи Андрея Лупана в моих переводах. Я подобрал политически резковатые стихи. Он фыркнул: «Академик... Позволяет себе».

Отклонил как-то поэму одного кавказского классика. Тот стал возмущаться. Смеляков выхватил у него рукопись, молча порвал ее и выбросил через форточку (первый этаж, окно выходило на улицу Воровского). Классик в ужасе побежал подбирать клочки...

О Николае Тихонове

Как-то при Светлове кто-то из студентов Литинститута презрительно отозвался о современных стихах Тихонова. Михаил Аркадьевич криво усмехнулся и прошипел: «Он заработал право писать плохо!». Насладившись произведенным впечатлением, Светлов добавил: «Вот вы напишите «Орду» и «Брагу», а потом полвека сползайте...».

Как подумаешь, действительно — за что-то ж Багрицкий ставил его на первое место: Тихонов, Сельвинский, Пастернак... В юности я был очарован его стихотворением о финском танце: «тулен-тулет...»

В мае 1960-ого он на декаде молдавской литературы говорил добрые слова о моих стихах, в частности выделил «Совсем закружили дела...», но посоветовал убрать последнее четверостишие («О том ли, что есть на свете...»). Мне было жаль этих строк, однако при переиздании все-таки снял их. Он был прав.

Помню, как ночью сгорела его дача в Переделкино (мы раньше на ней жили, как в общежитии, потом ее вернули Тихонову). Все суетились, бегали, что-то вытаскивали, а он стоял неподвижно и смотрел. Сановитый, скорбный, седой... Огонь пожирающий. И его глаза... Похоже на некий символ: жизнь его сгорала.

Когда он умер, распространился слух, что после него осталась тайная лирика — десятки прекрасных неопубликованных стихотворений. Оказалось — миф...

Воспоминания о Чичибабине

«Вы уже очищены через слово...» (от Иоанна 15,3)

Я поздно познакомился с Борисом Чичибабиным, хотя давно мечтал о том, да как-то пути наши не пересекались.

Весной 1991-ого года я напечатал в кишиневском журнале «Русский язык» небольшую статью о нем, о его «Колоколе». И решился послать ему этот журнал в Харьков. С нетерпением ждал отклика, но его почему-то не последовало. Я был смущен: мне-то казалось, что есть у нас какое-то родство душ, пусть он крупней и сильнее меня как художник, но мы одной группы крови, недаром меня лично, по-человечески

так тянет к нему (например, я люблю стихи Ахматовой, но у меня не возникло настоящего желания познакомиться с ней, хотя представился однажды удобный случай в Комарове, в 1964 году — мне оказалось достаточно восхищенно смотреть на нее, не слишком приближаясь).

И вот летом того же года в Ялте слышу: приехал Чичибабин с Лилей Семеновной, женой. Понятное дело, я обрадовался и, волнуясь, предвкушал нашу встречу: теперь уж он от меня никуда не денется... И действительно — образовалась небольшая компания, появилась водочка, кто-то меня представил (или я назвал себя — не помню), и вдруг он как-то по-детски просиял, улыбнулся:

— Как же, знаю, помню. Вы чуть ли не первый упомянули меня в центральной печати. Еще в начале шестидесятых годов.

— Где? — удивился я.

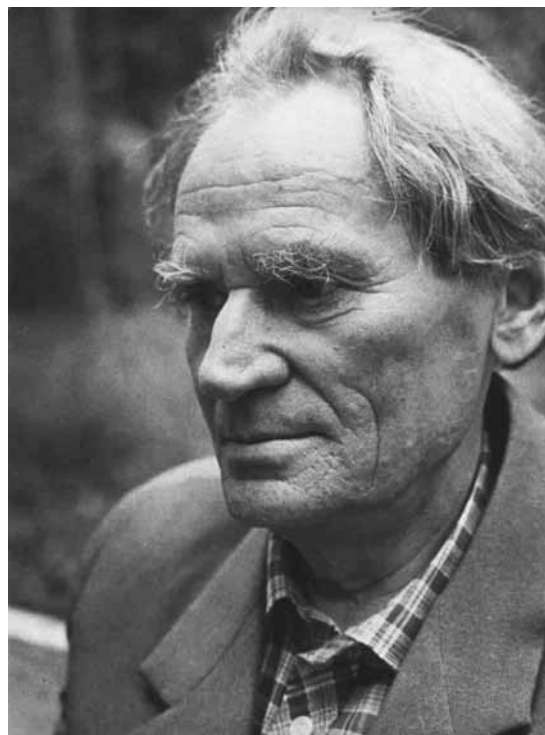
— В «Вопросах литературы». Спасибо вам.

Дома я нашел тот старый журнал. Действительно, там я упомянул Чичибабина, говоря о новых именах в поэзии. Узнал же я о нем от молодого харьковского критика Грицаца. Он дал мне первые два сборника Чичибабина — я поразился, сразу почуяв настоящего поэта. При упоминании об этих книжках Борис Алексеевич поморщился. В них было всякое, но были ведь и настоящие жемчужины!

Разговорились. Прямотой и естественностью Бориса Алексеевича с первой же минуты была снята дистанция между нами, я осмелел и даже в спор ввязался: не мог согласиться с гневным осуждением Петра Первого в одном из стихотворений Чичибабина, незадолго до этого опубликованных в «Новом мире». Я сослался на пушкинскую оценку эпохи Петра. Но Борис Алексеевич остался при своем. При всей своей доброте, предупредительности и даже застенчивости Борис Алексеевич весьма упорен и неуступчив, когда дело касалось его убеждений. У него был бесстрашный, честный, но и пристрастный ум. Для него не годилась диалектика спокойного анализа — он был прав правдой поэта, а не историка. Потому, наверное, Чичибабин и стал крупным поэтом, что к его таланту приложился глубоко определенный и сильный характер. Ранимый, совестно скромный в личном и общественном поведении, Борис Алексеевич вовсе не был скромнен как поэт. Он откровенно чувствовал свою роль в русской поэзии, верил в ее значительность, отвечал за нее.

Ближе мы сошлись в сентябре 1992 года в Коктебеле. Это были незабываемые дни. Позволю себе привести начало письма Бориса Алексеевича ко мне:

«Дорогой Кирилл! Всё происходящее с нами и вокруг так бесперспективно, безумно и бессмысленно, что в нашей с Лилей жизни до сих пор единственным утешительно-милым и радостным светом остаются наши коктебельские дни. У меня сочинились стихи, которые я посвятил вам, что требует разъяснения. В Коктебеле мы были в прошлом, и в позапрошлом году, места эти — волошинский дом у моря и всё, что его окружает и с ним связано, — для нас издавна дороги и священны, но вот уже несколько лет они не вызывали во мне стихотворного отклика и давно уже нам не было там так хорошо, как в этом году. В значительной мере это связано с тем, что там были вы. Я это чувствовал и тогда, — за нашим столом в столовой, на «вечерах сонетов» у Фоняковых, в наших редких прогулках по набережной, — но еще лучше понимаю сейчас. Мы с Лилей часто вспоминаем вас и нам часто не хватает вашего понимающего и доброжелательного сочувствия, ваших советов и реплик. В стихотворении, посвященном вам, ничего этого нет, как нет в немни вашего имени, ни облика, но ваше

Борис Чичибабин

присутствие в нем для нас совершенно несомненно, без вас его просто не было бы, послушайте сами.»

И дальше шло переписанное его удивительным почерком стихотворение «Оснежись, голова! Черт-те что в мировом чертеже.» Оно было впоследствии опубликовано и вошло в его последнюю книжку «Цветение картошки». Я ответил на эти стихи стихами же, и он успел их прочитать в свой последний приезд в Москву. Как успел получить и сигнальные экземпляры упомянутой книжки, вышедшей в издательстве «Московский рабочий». Помню, мы сидели вечером у Александра Юдахина, Борис Алексеевич внимательно перелистывал книжку, как бы поглаживая каждую ее страницу, и тихо сказал: «Хорошая книжка...».

Она действительно хороша. И особенно тем, что вышла точно в таком виде, как поэт хотел, никаких изменений в составе и расположении стихов редакция не делала. У Александра Юдахина был как раз день дождения. Борис Алексеевич надписал ему сборник — может быть, это первая и последняя книжка, которую Чичибабин подарил в Москве — в этом смысле у Юдахина уникальный экземпляр!

12 ноября 1994 года (так случилось, что это была последняя встреча) я провожал Бориса Алексеевича до метро после его выступления в киноконцертном зале «Октябрь». Вдруг он, после долгого молчания, сказал негромко: «Я уже хочу умереть...». Я не знал насколько он болен, видел только, что он очень устал и мучительно переживает наше смутное время. Я попытался отвлечь его от мрачных мыслей — сегодня Москва так сердечно рукоплескала поэту, сегодня он получил сигнальный экземпляр сборника своих новых стихотворений. Он слабо улыбнулся, как бы извиняясь: «Да, да. Сегодня я должен радоваться...».

У него в кармане лежали мои стихи, те, которыми я ответил на его стихотворение. Я верил, что летом мы опять увидимся в Коктебеле. Никогда не думал, что придется печатать эти стихи в горьком контексте утраты и боли. И все-таки в стихах — правда: он для меня остается живым, как остается навсегда в русской поэзии.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН: “МОЛЮСЬ ЗА ТЕХ И ЗА ДРУГИХ...”

Станным образом две части фамилии русского поэта, едва ли не наиболее полно вникшего в смысл и дух русской революции, стали на пороге XXI века фамилиями политиков, воплощающих квинтэссенцию номенклатурной демократии...

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин (1877-1932) не только молился за красных и белых одновременно, но еще и спасал тех и других от взаимных преследований. Мне кажется, мы до сих пор недооценили гражданскую мудрость и мужество этого замечательного человека. Музей Волошина — на украинской территории, а в России вряд ли сыщешь памятник, улицу, мемориальную доску...

Но лучшим памятником ему стало бы осознание бесперспективности любых гражданских войн, ведущих к истощению нации, а то и к полной ее деградации. Давайте представим на минутку, что в 1919 или 1920 году Россия каким-то чудом пришла к гражданскому перемирию. Установились бы две или более системы власти, во многом различные, но вряд ли уж так непримиримо враждебные. Может быть, большевикам пришлось бы умерить свой экстремизм в экономике за год или два до того, как полная разруха и Кронштадт заставили ввести НЭП? Может быть, число эмигрантов не было бы столь велико, и мыслящая Россия осталась бы большей частью на родине? Наконец, потенциал свирепости к врагам, ударивший очень скоро уже по своим, был бы не таким мощным и долговременным? И может быть, расколота Россия рано или поздно нашла бы путь к единству, тот пресловутый третий путь, о котором многие мечтают сегодня. Сегодня, когда гражданская война еще бушует во многих головах...

Утопия, опять утопия! — скажет иной читатель. А разве не утопией было обоюдное стремление красных и белых навязать всей России не только максимальную территориальную целостность, но и добить врага вплоть до полного уничтожения? Думаю, вряд ли белый террор, сумей Деникин взять Москву, был бы многим лучше красного террора — при всем уважении к личным качествам этого генерала.

А главное, не будь таких людей, как Волошин, русское сознание окончательно погрязло бы в самоубийственных идеях борьбы до победного конца, поиска скрытых врагов в рядах друзей; недоверия к самим себе и прочая, и прочая. Идея, а точнее, поведенческая установка Волошина крайне актуальна сегодня, когда в России волна за волной нарастают ненависть и ожесточение. Но нужно, на мой взгляд, правильно понять позицию поэта и не спутать ее с обычным нейтраллизмом, пацифизмом или, тем более, с практикой поддержки всех, кто против власти.

Начнем с последнего. Прекрасное слово — правозащитник, и крайне благородна обозначаемая им деятельность. Но можно ли называть правозащитником того, кто однозначно занял сторону, например, чеченских сепаратистов? Если бы Максимилиан Волошин вдруг оказался где-нибудь в Гудермесе 2001 года, что бы он делал, исходя из его поведения в 1920-м? Укрывал бы от репрессий и боевиков, и служащих администрации Кадырова, и солдат Российской Армии, попади они во вражеский тыл. Похоже это на практику тех, кто, защищая право на самоопределение малочисленной нации, оправдывает вооруженную борьбу против федерального правительства, но ни разу не осудил жестокость борцов за свободу, не потребовал от их вождей освободить захваченных заложников, не заявил о попрании прав человека ОБОИМИ сторонами конфликта?

Я намеренно не называю конкретных имен, ибо позиция каждого критика федеральной власти может быть не столь однозначной и одно-

линейной. Но общая направленность “правозащитной” установки по отношению к Чечне, увы, гораздо ближе к нарисованной выше, чем к позиции Волошина. Можно спорить о том, почему наши бывшие и настоящие диссиденты столь политизированы — мне кажется, это оттого, что прежняя власть упрямо загоняла их в политику и внушала отвращение к действиям государства. Соответственно, любой противник государства в их глазах приобретал положительный имидж...

Может быть, наши правозащитники на самом деле стараются помочь всем, кто страдает от той и другой силы? Тогда почему они не стремятся опровергать обвинения в односторонней поддержке сепаратистов? Неужели считают, что террор огромной государственной машины есть имманентное ей зло, а террор “партизан” — не более чем перегибы?

Сейчас модно рассуждать о поисках баланса между принципом нерушимости границ и правом народов на самоопределение. Лучше бы подумали о том, как уберечь минимальные права тех жителей, что оказались между молотом и наковальней двух видов террора — державного и “освободительного”. Трудно видеть без содрогания разрушаемый бомбами и снарядами город, но как назвать тех, кто сознательно решил использовать его в качестве крепости? Если это защитники мирных жителей, то почему они не оставили город, взяв с собой только тех, кто их поддерживает? Нет, во имя идеи независимости они готовы обречь город на уничтожение вместе с населением...

Недавно один известный правозащитник сказал, что сам бы пошел в партизаны, если бы его дом разорила армия. Привел в пример не только чеченских боевиков, но и литовских лесных братьев. Опять-таки апеллируем к Волошину: можно ли его представить в боевом отряде, с винтовкой? Вероятно, правозащитник перехлестнул в пылу эмоций, но сам подход не уберешь — обиженный властью должен ополчиться против нее...

Сторонников покорения всей Чечни силой оружия в России предостаточно. Выступающих за переговоры, свободные выборы, самоопределение без условий тоже хватает. В каждом из этих лагерей господствует установка на обличение зверств одной стороны и индальгенцию другой. Есть и так называемые нейтраллисты, которым происходящее по большому счету безразлично. Они ни за тех, ни за других, и надругательство над правами людей для них вообще вещь абстрактная. Наконец, существуют пацифисты — этим главное установить мир любой ценой. Под миром они понимают почему-то вывод правительственных войск, но не разоружение “полевых командиров” (во времена Волошина подобных тоже было в избытке).

Ради чего стоит сегодня вспоминать завет старого поэта? Ради того, чтобы отыскать верный тон, верный путь в очень непростой ситуации, когда мир и война, свобода и насилие, государство и народ сплошь и рядом трудно различимы. Дело ведь не только в кавказских войнах и не только в войнах вообще. Когда люди во имя каких-то идей, принципов, материальной выгоды и т. п. отдают себя на службу государствам, корпорациям или просто хищным стаям, то важно не только выяснить, на чьей стороне правота, чья правда выше и чья ложь менее опасна. Важно еще отделить каждого человека от использующей его силы (и от используемой им), и при оценке дерущихся решительно встать на сторону тех, у кого трещат чубы. Для Волошина, кстати, было безразлично, пан это или холоп — в его доме укрывались “и красный вождь, и белый офицер”...

Виктор КУЗНЕЦОВ

ЖИТЬ У ГРАНИЦЫ ИЛИ ПЕРЕСЕЧЬ ЕЁ?

Люди всегда живут у границы чего-либо. И нередко переходят рубеж — границы дозволенного, черту бедности, тонкую грань между жизнью и смертью... Мы не хотим жить в определённых рамках. Нам тесно. Об этом и о многом другом — фильм режиссёра Ганса Христиана Шмида "Lichter" ("Огни"). В 2003 г. на Берлинском фестивале кино фильм "Lichter" получил награду в номинации "Немецкий фильм" и международную премию кинокритиков "За искусное мастерство в изображении драмы на польско-германской границе и талантливую структуру повествования". В фильме заняты немецкие, польские и русские актёры — Себастьян Урзендовский, Аугуст Диль, Мария Симон, Иван Шведов, Сергей Фролов, Збигнев Замаховский, Анна Яновская и др.

Режиссёр Ханс Христиан Шмид родился в 1965 г. в Альтётинге. Учился в Мюнхенской высшей школе телевидения и кино. Стал стипендиатом сценарной мастерской в Мюнхене. По линии Немецкой службы академических обменов учился в Южно-Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В 1989 г. Шмид снял свой первый фильм "Шампанское или газировка" (о любителях игровых автоматов), который был отмечен премией на Независимых днях кино в Оснабрюкке. Следующими удачами стали короткометражная лента "Смеющаяся буря" и документальный фильм "Механика чуда". Настоящую известность Шмиду принесла комедия "После пяти в джунглях". В 1999 г. Ханс Христиан Шмид снял киноверсию реальной истории хакера Карла Коха под названием "23". В 2000 г. Шмид экранизирует роман Бенджамина Лебертса "Crazy". "Lichter" — ещё одна и, пожалуй, на данный момент самая блестящая удача режиссёра.

"Lichter" в переводе с немецкого значит "огни". Огни большого города, манящие к себе? Или человеческие судьбы, вспыхивающие как огоньки и гаснущие от холодного ветра судьбы?..

Местом действия в фильме "Lichter" являются два берега реки Одер. На одном берегу находится немецкий город Франкфурт-на-Одере, на другом — польский город Слубице. Фильм строится по шести сюжетным линиям, не все из которых прямо связаны между собой. Слияние всех линий создаётся благодаря единой напряжённой тональности фильма.

Группа украинцев решает бежать в Германию. Среди них — молодая семья с маленьким ребёнком. Проводник берёт у "русаков" деньги, но обманывает. Вместо Берлина семья оказывается на польском берегу Одера.

Польская семья. Он таксист, она домохозяйка. Их дочь готовится к первому причастию. Девочке необходимо нарядное белое платье. Но у семьи нет на это денег. И мать, и отец находятся в подавленном состоянии и мучительно ищут возможность подарить ребёнку радость. Жена изводит мужа скандалами. Таксист даёт временный приют молодой украинской семье и соглашается за деньги переправить их через Одер.

Один украинец всё же пробирается в Германию и оказывается в полиции. Его возвращают в Польшу. Сердобольная переводчица-немка, присутствовавшая на допросе, решает помочь ему. Она просит о помощи своего друга. Разумный немец разыскивает украинца и даёт ему денег, чтобы тот нанял проводника. Но украинец прячется

в багажнике автомобиля переводчицы. Она ссорится с "жестокосердным" другом и решается сама перевести несчастного украинца в Германию.

Другая переводчица-полька на другом берегу Одера встречает своего бывшего возлюбленного-немца. Он архитектор, участвует в строительстве фабрики на берегу Одера, она переводчица между польской и немецкой сторонами. Молодой архитектор пытается вернуть былую любовь, потерянную в своё время по недоразумению. Но девушка — уже не прежняя романтическая особа. В её обязанности входит не только перевод, но и организация досуга клиентов. Синхронно кинозритель становится свидетелем разорения молодого немецкого бизнесмена, продавца матрасов. Возле него — верная сотрудница. Может быть, это шанс на счастье?

И особая линия фильма — жизнь и злоключения германских подростков. Девочка-сирота и её сверстник участвуют в контрабандном провозе сигарет. Мальчик везёт их поездом. Не доезжая до таможенной проверки, он выбрасывает блоки сигарет в окно, а девочка на велосипеде подбирает коробки. Между ними — "деловые" отношения и секс. А младший брат мальчишки романтично влюблён в девочку. Её отправляют в приют, который по режиму и условиям пребывания скорее похож на колонию. Влюблённый мальчик героически спасает избранницу.

Перед нами двое суток из жизни этих людей. Двое суток сжаты в энергетический комок, крепко держащий в сознании кинозрителя все шесть линий. Главный герой здесь собирательный. Это типаж человека, живущего у границы, мечтающего пересечь границу. Именно это объединяет всех героев, будь то украинцы, поляки, немцы.

Режиссёр верен документализму, жёсткому воспроизведению реальности. Он пишет с натуры. Все герои фильма, совершающие добро, наказаны. Переводчица, рискуя собственным положением, перевозит украинца в Германию, он благодарит её... и незаметно уносит с собой её фотоаппарат. Он обещал брату прислать фотографии с видами Германии! Как сумасшедший, новоиспечённый житель Германии носится по улицам и, без усталости щёлкая фотоаппаратом, снимает возделенную красоту. Мальчик вызволяет из приюта девочку, но она предпочитает ему другого, чёрствого и непорядочного. Вдобавок отец жестоко наказывает доброго мальчишку ремнём. И мальчик мстит. Он звонит в полицию, и юных контрабандистов берут с поличным.

Доброта человеческая предстаёт в фильме как слабость, с которой ожесточённо борются окружающие. Низринутые в этой борьбе, становятся на путь порока и порядочные люди.

СМЕРТЬ НА СЦЕНЕ

Ирина Метлицкая. Чёрная вуаль звезды

Поляк, дочь которого ждёт первое причастие, соглашается за деньги помочь молодой украинской семье перебраться за Одер в Германию. Но переход вброд чуть не заканчивается гибелью молодого украинца. Однако деньги поляку нужны... И когда жена украинца снимает с него мокрую куртку, поляк потихоньку вытаскивает из кармана куртки последние деньги молодой семьи. И на эти деньги покупает платье своей дочурке.

Но совершённый грех оказывается ненужным. Отец с коробкой, в которой лежит вожделенное платье, мчится в церковь. Церемония причастия уже началась. И дочурка его одета не хуже других — на ней воздушное белое платье с воланами. Оказывается, его жена ночью, пока он пытался заработать деньги, сшила дочке наряд из своего свадебного платья.

Жестокий быт убивает романтику. Такова жизнь тех, кто, увы, ведёт детей к причастию, убивая реликвии. Скандала, стервенея, провоцирует близкого человека на преступление. Умирая от стыда, крадёт деньги у беженцев. Любя всем сердцем, доносит в полицию. Вместо благодарности грабит спасительницу. В присутствии любимого человека не препятствует объёмам чужих рук. И просто пытается ЖИТЬ в нелёгком, рассечённом границами мире.

“Я хочу домой”, — говорит жена молодого украинца, сжимая в руках уставшего, голодного ребёнка. Но манят, манят огни за Одером... Слубице — край света или ворота в рай? А вдруг не существует счастья ни на одном берегу Одера и дома действительно лучше?.. Но это уже не важно для тех, чьё чувство дома, родины, патриотизма искалечено сменой общественных строев.

Поляк — добрый человек. Ведь это именно он вначале в тайне от суровой жены дал приют украинским беженцам, которым некуда было деться. И честно пытался помочь им перебраться за границу. Но не смог... Можно представить, с каким тяжёлым чувством вины он будет жить теперь на свете, молодые украинцы не раз посетят его тревожные сны. Дорого, очень дорого он привёл свою дочь к Богу... Когда он крал деньги у украинцев, он был и неимоверно далёк от Бога, и невероятно близок к Нему: да, тяжело согрешил, но больная, виновная душа его, быть может, станет пристальным объектом Божьего внимания. Сложно понять эту диалектику, но думается, что грех этого человека станет началом его очищения, его тяжкого катарсиса.

Одна из главных задач фильма — научить человека сохранять порядочность в самых трудных обстоятельствах. В нашем страшном мире, где царит неблагодарность, предательство, нищета, злость. 6 трагедий разыгрывается на наших глазах. 6 шансов стать или остаться людьми бросает людям судьба. Как вызов. Как нож, уклоняться от удара которого человек не имеет права.

Увы, не каждому на пути встретится сердобольная переводчица. Так что же нас ждёт? Впрочем, мир, где немец трепетно любит польку, польская девочка с благоговением принимает первое причастие, немка бескорыстно помогает украинцу, не так и плох... Тем более что где-то горят огни светлого мира.

В русском прокате фильм известен как “Далёкие огни”. Огни вдалеке. Они как мечта, которая всегда вдалеке. Но всё же она светит и манит к себе.

Елена ЗЕЙФЕРТ

Она была создана из солнечного луча, хрустала и стали. Никто из тех, кто вспоминает отпущенные ей 35 лет жизни, не был свидетелем конфликтной ситуации, сцены отчаяния, ссоры с ее участием. Никто не вспомнит дурного слова, сказанного ею или о ней. Если, конечно, не считать таковым прозвище «Метла», как для сокращения и шутки ради называли Ирину Метлицкую коллеги. Талантливую актрису красоты настолько невероятной, что она могла бы стать первой и в Голливуде.

Сенсацией Московского кинофестиваля 1995 года стала ведущая — актриса Ирина Метлицкая. Через четыре месяца ей должно было исполниться 36 лет. Все думали, что это ее звездный час. Когда Роман Виктюк пригласил актрису на роль Анны Карениной, Михаил Барышников, игравший Вронского, мельком взглянув на нее, сказал режиссеру: «Это попадание в десятку». Сергей Соловьев, считавший Ирину олицетворением «космической женственности мира», видел такое трио в будущем фильме «Анна Каренина»: Метлицкая, Домогаров, Филатов.

За год, когда обнаружилась болезнь и был установлен окончательный диагноз — острый лейкоз, Ирина снялась в трех фильмах, играла в нескольких театральных постановках. Никто из коллег не замечал напряжения в ее работе. Лишь оператор Борис Брожковский, снимая фильм «Черная вуаль», подолгу держал в кадре ее глаза, наполненные слезами, отчаянием и болью. Впрочем, такая трагическая подача образа соответствовала сюжету. В картине «Любовь, предвестие печали» героиня Метлицкой погибает вместе с любовником — Андреем Соколовым. Он потом честно скажет, что боялся сцены собственной смерти. А ей бояться было нечего. Ей жизнь вынесла приговор неизвестно за что.

Ирина Метлицкая родилась в 1961 году в Северодвинске в скромной семье. Хорошо училась и собиралась, как советовали учителя, поступать на физико-математический факультет. Но однажды в школу заглянул режиссер Игорь Добровольский, увидел высокую девушку, окутанную роскошными волосами, и не сразу оторвался от ее больших, выразительных глаз. Так за Ирой пришла судьба, и она сыграла в фильме «Расписание на послезавтра». Снимаясь, и на физмат поступила, но потом пришла на экзамен в Щукинское училище, куда ее приняли с первого раза. А на четвертом курсе училища Метлицкую пригласили на работу в самый модный театр — «Современник».

На сцене Метлицкая обращала на себя внимание необычной, аристократической внешностью и шлейфом печали, несмотря на то, что театральные работы были и гротескными, и парадоксальными. А ее коллеги, люди, встречавшиеся с Метлицкой каждый день, рассказывают о ней как о человеке простом, светлом, жизнерадостном. «Иру любили в театре. Она была легкая, блистательная, красивая и всегда улыбалась», — говорит Лия Ахеджакова. — Я никогда не видела ее депрессивной».

Актер и режиссер Сергей Газаров, отправляясь в командировку в Минск, лишь в поезде узнал, что там у него будет новая партнерша — студентка Щуки. «Хорошенькая?», — небрежно спросил Сергей. Позже он стоял на балконе своего номера гостиницы и, увидев девушку, проходившую внизу, чуть не свалился ей под ноги. Он сразу понял, что это его новая партнерша. «Просто красивых женщин много. Но Ирина была не просто красивой, в ней была тайна, о которой мечтает каждый мужчина. Я спросил у нее: «Я же не первый человек, который от тебя обалдел. Скажи, в чем

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОЛЬГИ ТАИР

секрет?» — «Не надо в этом копаться, — ответила она. — Если узнаешь меня до конца, все очарование пропадет». Мы прожили 14 абсолютно счастливых лет, а тайна так и осталась неразгаданной». Актеры рассказывали, как загорались глаза Сергея, когда он видел свою жену, как от его света зажигалось что-то в ней, и делали единственный вывод: это не просто роман, это настоящая, редкая любовь. О них даже не сплетничали.

До замужества Ирина снимала в Москве маленькую комнату в коммуналке на первом этаже. Мужчин, как водится, водить не велели. Влюбленный Газаров после спектакля пробирался к ней через окно. Скучающее коммунальное братство как-то подстерегло его и повокло в милицию. Но закончилось все на удивление благополучно, как это бывало под знаком Ирины. На следующий вечер соседи сами закивали Сергея в окно. Они поженились. В одном из июлей, когда закончился сезон, Ирина родила первого сына — Никиту. Точно так же появился Петя. «Все делала легко, — говорит Ахеджакова. — Легкое дыхание».

Метлицкая девять лет украшала труппу «Современника». Красота часто мешала ей получить глубокие, характерные, возрастные роли. Но если она такую роль получала, ее не пугал ни страшный грим, ни костюм, состоящий из рваной телогрейки и валенок. Столько всего было заложено в этой богатой личности, что можно лишь предполагать, как она могла еще проявить себя в искусстве. Если бы могла...

Однажды Ирина Метлицкая приняла совершенно неожиданное предложение: сыграть набоковскую Лолиту в спектакле Романа Виктюка. Взрослая женщина за тридцать, воспитывающая двух сыновей, согласилась перевоплотиться в девочку — нимфетку. Страшно опасную девочку — развязную, избалованную, порочную. И эта тайна, которой нет ни в одной исполнительнице роли Лолиты.

Партнер Метлицкой по спектаклю «Мадам Баттерфляй» Сергей Маковецкий рассказывает, что весь спектакль, по сути, стоял лицом к залу, а она находилась у него за спиной. Но он чувствовал ее появление, каждое движение по сцене: так влюблено замирал зал. Она вытворяла что-то невысказанное, болтаясь на трапеции вниз головой, рассыпав по полу свои прекрасные волосы. И говорила циничный, хулиганский текст. «Я чувствовал, какая звезда рождается рядом со мной на сцене».

Это чувствовали многие. Многие завидовали. Красоте, семейному счастью, мифическому богатству. На самом деле свои роскошные платья она шила сама. Свадебный костюм мужу — тоже. Детские вещи — само собой. И это ни на чем не сказывалось, она никогда никуда не опаздывала, не выглядела невыспавшейся. Действительно все давалось легко? Легче, чем другим женщинам? Так же. Рожала с болью, воспитывала с проблемами, любовь берегла с трудом из-за сумасшедшей ревности мужа, который не знал уже, что делать из-за воздыхателей, прохожих на улице. Он ездил за ней на съемки, а если не получалось, постоянно искал по телефону и всегда находил. А она сияла и улыбалась.

«Знали бы вы, как она тяжело умирала!», — вырвалось у матери во время похорон. Только она и сказала, что ее дочь страшно страдала. Уже после смерти Ирины Сергей Маковецкий вспомнит, что его удивило, как она сама тщательно гримируется во время съемок «Черной вуали». У гримера никогда не было с ней проблем. Ирине Метлицкой пришлось прятать следы подбиравшейся смерти.

Когда-то, еще ничего не зная о своей болезни, она внимательно посмотрела мужу в глаза и сказала: «А ведь ты похоронишь меня». Может, это и было ее тайной — мистическое предчувствие раннего ухода? Рядом с могой Ирины Сергей оставил место для себя. Он верит, что они встретятся.

● СЦЕНОГРАФИЯ

Елена Майорова. Девочка без кожи

В начале 1960 годов на кровати с панцирной сеткой прыгала маленькая девочка и звонко кричала: «Я буду артисткой!». Лет через тридцать красивая, известная женщина печально скажет: «Я стала артисткой. Только прыгать мне больше не хочется...». И она решила взлететь. Туда, где райские сады, написанные мужем-художником, где на израненные души льется целебный бальзам... Судьба Елены Майоровой — это не сказка про Золушку, потому что никакие феи рядом не стояли. Просто у нее была цель, и она к ней шла. А не потерять, не утопить идею в комплексах помогала упрямый характер, человеческая незаурядность и, конечно, талант, спать которому мешала редкая, огнем горевшая эмоциональность.

Лена Майорова родилась в Южно-Сахалинске 30 мая 1958 года. Ее отец работал на автобазе, мать — на мясокомбинате. В 1975 году девушка приехала в Москву и подала документы во все театральные вузы. Облом был полным. Позже многие вспомнят нелепую провинциалку в белых гольфах, платье-самостроке. Она громко говорила, ходила широким шагом, а ее простое лицо с правильными чертами скрывало свою тайну. Хорошие режиссеры и кинокамера со временем превратят неброскую миловидность в яркую красоту.

Но до этой метаморфозы Лене пришлось год пручиться в ПТУ. Она училась лучше всех, получила красный диплом и добросовестно делала порученную ей работу: зимой обкладывала трубы стекловатой, обматывала проволокой и обмазывала бетоном. Во время этого будничного подвига она простудилась, и врачи вынесли вердикт: детей у нее не будет.

После такой творческой практики Елена Майорова сразу поступила в ГИТИС. Настырную провинциалку взял на свой курс Олег Табаков. В 1982 году ее приняли в «Современник». Она стала часто сниматься в кино. Нет числа простым девочкам, проводницам, лимитчицам, протитуткам, которых сыграла Майорова. А потом появились «Макаров» Владимира Хотиненко, «Скорый поезд» Бориса Яшина, главная роль в спектакле «Орестей». Вот тогда и заговорили о необычайной, роковой красоте актрисы. Три года гастролей по свету с «Орестеей» принесли Майоровой мировую известность. Ее сравнивали с Гретой Гарбо.

К этому времени Майорова уже была обладательницей московской прописки. Еще в ГИТИСе у нее случился полуфиктивный брак. Его устроил Олег Табаков для того, чтобы любимая студентка смогла остаться в Москве. Было все, как положено: ЗАГС, скромная вечеринка. Молодым предоставили комнатку в общежитии театра. Но вскоре муж не выдержал божественной жизни и убежал к маме. Трагедией для Лены это не стало.

В «Современнике» для молодой актрисы оказалась слишком сложной закулисная обстановка: примы ее не приняли. Зато Олег Ефремов пригласил во МХАТ и предложил сразу все главные роли.

Однажды после спектакля Лену познакомили с молодым художником Сергеем Шерстюком. Она взглянула на него и сразу поняла, что это ее мужчина. Сергей оказался сыном генерала, жил в четырехкомнатной квартире на Тверской. Сначала она обрадовалась и удивилась, но предметом гордости эти фамильные апартаменты не стали. Лена становилась все красивее, спокойнее, печальнее, она любила мужа, ей нравилась его семья, но свои проблемы она предпочитала решать в одиночку. Сергей обожал жену еще и как совершенную модель для своих картин. Он писал изысканные и странные ее портреты. Например, лицо, усыпанное лепестками цветов. Это сильная работа, но друг семьи однажды сказал: «Зачем ты это сделал? Если посмотреть внезапно, то впечатление такое, будто у нее кожа сползает с лица». Как в воду глядел.

«ВИЛЛИ О'ВИНСБЕРИ»

Одной из проблем Елены Майоровой стал главный режиссер МХАТа Олег Ефремов. Он ввел ее в лучшие спектакли, но не устал напоминать, кому она этим обязана. На вечеринках Ефремов произносил в честь Елены комплиментарные речи, но стоило им остаться вдвоем, начинал просить Шерстюка: «Сереж, ну отдай мне Лену». Она будто бы шутя отвечала, что любит мужа. Сергей не принимал всерьез приставания Ефремова: «Ему семьдесят лет, он пьет и сошел с ума». В этом треугольнике выпивали все и вряд ли от большой радости. «Как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево», говоря языком Бродского. Жизнь Лены Майоровой уже так качалась на ветру, что на земле ей удерживаться было все сложнее.

Очередным несчастьем стала режиссер Наталья Пьянова, предложившая ей роль проститутки в картине «Странное время». Фильм был заявлен как эротическая драма. Актеры должны были сниматься обнаженными. Муж, не почувствовав беды, пожал плечами: «Соглашайся. Ты красивая». Она попала в омут: сценарий оказался пустышкой, режиссер сама не знала, чего хочет. Актеры снимались пьяными «для правды жизни».

Лену Майорову понесло. Она ответила взаимностью на влюбленность своего 27-летнего партнера Олега, блондина с зелеными глазами. На «Кинотавре» поселилась с ним в одном номере, они демонстративно прогуливались у моря, держась за руки. В Москве любовник явился к Майоровой домой с букетом — поздравить с днем рождения. Актерская тусовка уже с удовольствием пережевывала новую сплетню. Сергей сказал: «Я так понял, что ты украл у меня жену». Конечно, такая кража была не по плечу мальчику из неудавшегося эротического фильма. Лена осталась с Сергеем, потому что любила только его. Но что-то происходило с ее нервами, душой, утомленным мозгом. Она все больше пила и страшно страдала. Знать бы точно, почему...

Сергея мучили глобальные вопросы: судьба России, жизнь и смерть, любовь к Лене в космическом формате. Он вел дневник и порой так далеко уходил в свои исторические, философские, эстетические поиски, что не замечал главного: с женой что-то происходит. Она то впадала в задумчивость, то беспричинно смеялась. Но в любом случае он не мог предположить, к какому страшному решению идет русская Грета Гарбо.

23 августа 1997 года Елена не поехала с мужем на дачу. Она металась по квартире и посылала сумбурные, тревожные сообщения Олегу. А потом... Потом из подъезда дома на Тверской вышла высокая, обнаженная, обугленная женщина. Она прошла сто пятьдесят шагов до Театра Моссовета и упала. Врачи «Скорой помощи» констатировали 85 процентов ожога. «Она похожа на одну актрису, — вгляделась в нее медсестра Склифа. «А я и есть актриса», — прошептала Лена. Это были ее последние слова.

Разговоры о том, было это самоубийство или несчастный случай, не прекратились до сих пор. Хотя есть заключение экспертов, показания свидетелей. Она облила себя с ног до головы керосином, вышла на площадку, закрыла металлическую дверь на два замка, после чего стала зажигать спички, одну за другой. Синтетическое платье все не загоралось, но она не отказалась от своей идеи. И, вспыхнув, молча шла босиком по ступеням, по земле, оставляя за собой куски опаленной кожи и кровь...

Сергей Шерстюк не прекратил диалога со своей любимой и после ее смерти. Он каждый день обращался к ней со страниц своего дневника: «Мы с тобой ссорились, я тебя обижал, не понимая, что этого нельзя делать вовсе. Ты была живая рана, девочка без кожи, чище тебя я не знаю...». Он умер от рака через девять месяцев после гибели Лены. Перед смертью рассказывал близким, что во время его операции в операционную вошла она и прошептала, что ждет.

Наталья РАДЬКО

Традиционная шотландская баллада «Вилли О'Винсбери» из коллекции Фрэнсиса Джеймса Чайльда была написана не позднее 1775 года и существует во множестве вариантов («Лорд Томас Вайнсбери», «Том Цирюльник» и др.). Наиболее известная версия песни была зафиксирована в 1968 году ирландским фолк-музыкантом Энди Ирвайном и его коллегами по группе «Sweeney's Men» (Суини — это имя, принадлежащее двум легендарным ирландским королям).

Энди Ирвайн, прекрасно умеющий обращаться с гитарой, мандолиной, банджо и лютней, существенно облагородил мелодию песни. В 1971 году Энн Бригз, девушка Джонни Мойнихэна, бывшего участника «Sweeney's Men», записала более близкий к оригиналу и, как следствие, упрощенный вариант старинной баллады. Одновременно с этим известная британская фолк-группа «Fairport convention» выпустила свою версию «Вилли О'Винсбери» на основе мелодии Ирвайна с заново написанным текстом — под названием «Farewell, farewell». Авторство получившейся песни было полностью приписано гитаристу группы Ричарду Томпсону; вокальную партию исполнила звезда английской фолк-сцены Санди Дэнни. После того, как несчастная Санди погибла в возрасте 31 года, упав с лестницы, «Farewell, farewell» стала невероятно популярной, а шотландский оригинал был постепенно отодвинут на второй план. Впрочем, в 2007 году американская фолк-певица Мэг Бэйрд, дальний потомок Айзека Грира, создателя Архива американской народной музыки при Библиотеке Конгресса, записала новую версию песни «Вилли О'Винсбери» даже в более архаичной аранжировке, чем у Энн Бригз.

В оригинале песня невероятно длинна и обладает диалоговой структурой. Каждый куплет представляет отдельный вопрос, заданный королем, на который почти теми же словами по очереди отвечают то принцесса Джанет, то Вилли О'Винсбери. Русский текст не сохраняет эту особенность: для того, чтобы сохранить динамику сюжета, песня не столько переведена, сколько пересказана.

The king had been a prisoner
And a prisoner long in Spain,
And Willie of the Winsbury
Has lain long with his daughter at home.

“What ails ye, what ails ye, my daughter Janet,
Why you look so pale and wan?
Oh have you had any sore sickness
Or yet been sleeping with a man?”

“I have not had any sore sickness
Nor yet been sleeping wi' a man.
It is for you, my father dear,
For biding so long in Spain.”

“Oh, was it with a lord or a duke or a knight
Or a man of birth and fame?
Or was it with one of me serving men
That's lately come out of Spain?”

“No, it wasn't with a lord, nor a duke, nor a knight,
Or a man of birth and fame.

● СЦЕНОГРАФИЯ

But it was with Willie of Winsbury,
I could bide no longer alone."

And the king he has called on his merry men all,
By thirty and by three,
Says, "Fetch me this Willie of Winsbury,
For hanged he shall be."

But when he came the king before,
He was clad all in the red silk.
His hair was like the strands of gold,
His skin was as white as the milk.

"And it is no wonder," said the king,
"That my daughter's love you did win.
If I was a woman, as I am a man,
My bedfellow you would have been."

"And will you marry my daughter Janet
By the truth of your right hand?
Oh, will you marry my daughter Janet?
I'll make you the lord of my land."

"Yes, I will marry your daughter Janet
By the truth of my right hand.
Yes I will marry your daughter Janet,
But I'll not be the lord of your land."

And he's mounted her on a milk-white steed
And himself on a dapple grey.

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

He has made her the lady of as much land
As she'll ride in a long summer's day.

Король, вступив в неравный бой, попал в испанский плен,
И через год спешит домой, не чая перемен.

Народ ликует, высший свет встречает короля,
И только дочь его, Джанет, печальна и бледна.

«Ах, что с тобой случилось вдруг? Не рада ты отцу?
И слёзы почему текут по нежному лицу?»

«Свершилось чудо из чудес: ты здесь стоишь, живой.
От счастья плачу я, отец, что ты пришёл домой.

«Джанет, ну что за глупый вздор? Я не желаю зла!
Скажи мне: рыцарь или лорд пленил твои глаза?»

«О нет, не рыцарь и не лорд, а Вилли Винсбери,
И хоть безвестен его род, о нём мечты мои».

Тогда король созвал солдат, и через день в горах
Шотландца разыскал отряд, и Вилли — в кандалах.

Его приводят во дворец, одет он в красный шёлк.
Прекрасней жениха отец нигде бы не нашёл.

«Я вижу, ты хорош собой, и стоишь двух в бою —
Готов ли ты владеть страной, взять в жёны дочь мою?».

«Король, в роду Винсбери нет и не было дворян,
Готов я в жёны взять Джанет, но трон — оставлю Вам».

И он подвёл её к коню, чтоб увести скорей
В свою волшебную страну гор, леса и морей.

**Перевод и комментарий
Алексея КАРАКОВСКОГО**

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ: БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ И АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

Русский рок: исторический экскурс

Точкой отсчета в истории русской рок-поэзии следует считать начало 70-х годов прошлого века. В это время советские музыканты, пройдя этап слепого копирования англоязычных рок-образцов, впервые рискнули адаптировать западную музыкальную форму к русскому языку. Проще говоря, рискнули петь рок-н-ролл на великом и могучем. Говорить о поэтическом качестве этих первых опытов не приходится. Слова несли чисто вспомогательную функцию и были откровенно наивны. Могло случиться, что текст в отечественной рок-музыке и остался бы на вторых ролях, однако, к счастью, немногим раньше Советский Союз всколыхнули имена Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы и Александра Галича. Именно бардовская традиция с ее приматом поэзии над музыкальной составляющей стала тем фундаментом, на котором возник феномен отечественной рок-поэзии. К середине 70-х по бардовскому образу и подобию построили свои поэтические системы такие музыканты как Андрей Макаревич (группа «Машина Времени»), Алексей Романов и Константин Никольский (группа «Воскресение»), образовав так называемую «московскую школу» русского рока.

Рафинированный литературный язык, отсутствие сленга и маргинальных типов речи, отсутствие конкретики (реки, мосты, костры, лес), вневременной характер лирики, классическая силлабо-тоническая форма стиха — вот основные приметы «московской школы».

Примерно в это же время в Ленинграде, словно в противовес, зарождается собственная рок-школа, самыми яркими представителями которой становятся Борис Гребенщиков (группа «Аквариум») и Майк Науменко (группа «Зоопарк»). Науменко и Гребенщиков заговорили на языке сформировавшейся уже к тому времени субкультуры («системы»), широко используя разговорную речь, сленг, табуированные темы, в частности, секса, ненормативную лексику. Их тексты предельно конкретны и насыщены деталями, по которым можно четко опознать окружающее их культурное пространство. К тому же через ленинградцев в русский рок вливается западная культура со своей стихотворной традицией. Появляются культурные пересказы песен Боба Дилана и Джима Моррисона («Железнодорожная вода» Гребенщикова, «Уездный город N» и «Странные дни» Майка). Ленинградский рок становится проводником философских экзистенциалистских идей и диковинных для того времени религий (буддизма, кришнаизма, индуизма, растафарианства). Ну и наконец питерские рок-музыканты используют свой спектр культурных аллюзий. Песни Макаревича отсылают к Высоцкому и Галичу, тексты «Аквариума» — к Саше Черному, Блоку, Вертинскому, обэриутам. К последним, в частности, тяготеет Джордж Гуницкий.

Итак, к концу 70-х в Советском Союзе по большому счету существуют только эти две школы, обживающихся в рамках местной субкультуры, и отдельные группы, которые, по тем или иным причинам к ним причислить нельзя. Однако уже в начале 80-х субкультура начинает стремительно расширяться и завоевывает провинцию. В Сибири появляются уникальные рок-поэты: язык русского рока тесно переплетается в их творчестве с национальной фольклорной традицией и мифологией, возвращаясь к языковой памяти. Помимо фольклора здешняя

школа актуализирует авангардную поэтическую струю — авангардная парадигма становится «несущей балкой» многих текстов таких столпов сибирского рока, как Егор Летов и Дмитрий Ревякин (в меньшей степени у Янки Дягилевой, которая больше тяготеет к фольклору). Лидеры «Калинова Моста» и «Гражданской обороны» отталкиваются от поэтического авангарда 10-20-х годов и заставляют вспомнить имена Хлебникова, Туфанова, Каменского, Крученых. Летов и Ревякин строят свои поэтические системы на неологизмах, словотворчестве, зауми, звукописи, абсурде, алогичности. Постоянные эксперименты с языком делают «почвенническую» школу поистине уникальной.

Говоря о развитии рока в провинции, нельзя не упомянуть о «свердловской школе» и отдельных авторах, в рамки школ не укладываемых. Я имею в виду Илью Кормильцева, Александра Башлачева и Юрия Шевчука. Замешанная на бардовском влиянии, тяготеющая к традиционному силлабо-тоническому стиху, поэзия Кормильцева, Башлачева и Шевчука (в отличие от поэзии «московской» школы) приобретает явную социально-критическую окраску. В центре внимания этих поэтов — убожество быта и беспросветность провинциального существования. Поэты предельно конкретны, как и ленинградцы, однако в отличие от них обращены не к узкому кругу субкультуры, но к обществу в целом.

Отдельно стоит сказать о приеме, который вне зависимости от школы присущ всей рок-поэзии: это постмодернистская «цитатность», использование «чужого слова» с последующим — часто ироническим — переосмыслением. Башлачев, скажем, в песне «Не позволяй душе лениться» каламбурит с советскими штампами, как литературными, так и «жизненными», смешивая их с цитатами из классики. Эта игра, по замечанию исследователя, выражает принципиальную мировоззренческую установку автора.

В 1986 году русский рок вступает в новую фазу своего существования. Перешагнув границы субкультуры, он выходит из подполья и становится контркультурой. Начинается «героическая эпоха» русского рока, короткая и разрушительная. В рок-текстах слышнее становятся революционные мотивы, знакомые по поэзии начала XX века (Маяковский, Бедный): революционная риторика, отсутствие полутонов, антитеза, контраст (мы — они). Увеличивается роль афористичной фразы. Тексты политизируются. Именно это время порождает миф о том, что социальный протест якобы есть основная черта рок-поэтики. В начале 90-х период молодежной контркультуры заканчивается и, по мнению некоторых исследователей, вместе с ним исчерпывает себя как явление русский рок. «Время Колокольчиков» подходит к своему логическому завершению.

Однако вопреки мнению скептиков отечественный рок продолжает развиваться, безусловно претерпевая при этом значительные изменения. С одной стороны, он вливается в поле массовой культуры, порождая такое явление, как поп-рок (называемый в народе «рокопоп»). Самые яркие представители поп-рока — группы «Земфира», «Чичерина», «Танцы-Минус», «Смысловые галлюцинации», «Звери» и др. По сути, эти команды выдают несколько утяжеленный вариант поп-музыки, причем существенно падает «планка» текстовой составляющей, что обусловлено установкой на доступность и «продаваемость». Такие группы — наряду со «стариками» — забывают радиоэфир и завоевывают огромную

популярность. С другой стороны, в рок-музыке появляется ряд авторов (многие зачастую выступают сольно, в акустике, как Янка Дягилева или Александр Башлачев) и групп, которые смело можно отнести к элитарной культуре. Они по-прежнему текстоцентричны и используют все поэтические «наработки» предыдущего поколения. Стихи имеют серьезный философский и религиозный подтекст и существенно расширяют спектр тем: некоторые из них можно читать с листа — они вполне самостоятельны. Критики все чаще высказывают мнение, что начался новый этап развития русской песенной традиции, породивший некий «промежуточный» жанр, который находится на стыке авторской песни и русского рока. Этому новому жанру еще только предстоит дать определение. Наиболее интересны здесь, на мой взгляд, Сергей Калугин (группа «Оргия Праведников»), Юлия Теуникова, Константин Арбенин (группа «Зимовье Зверей»), Светлана Климович (группа «Розенкранц и Гильденстерн»), Анатолий Багрицкий, Михаил Башаков, Кирилл Комаров, Александр Непомнящий, Венья Д'ркин, Григорий Данской, Олег Медведев, Алекс Поляков, Шамиль Абряров, Александр Левин, Павел Кашин и др. Ввиду «неформатности» уделом такого рода исполнителей становятся маленькие (на 100–600 человек) залы и квартирные концерты (на рубеже веков «квартирники» становятся особенно востребованы как единственный вид альтернативных «шоу-бизнесу» концертов, которые может дать любой начинающий или неформатный музыкант). То есть в ее элитарном варианте рок-культура, можно сказать, делает круг и возвращается к «субкультурному» периоду. Отлично комментирует эту ситуацию ответ Ильи Кормильцева на вопрос журналиста: «Появись «Наутилус» теперь, — он смог бы пробиться?» «Разумеется, нет. Такого рода песни не так востребованы, даже если сделаны хорошо. Надо приспособливаться к существующим форматам, ходить на поклон к «Нашему радио» и выслушивать нравоучения, что нужны «чесовые», оптимистичные песни о дворецком детстве, как у сегодняшних свердловчан — «Чичериной», «Смысловых галлюцинаций» и прочего попсового дерьма».

Состояние современной рок-культуры отнюдь не исчерпывается явлениями, которые здесь перечислены. Я лишь выделил то, что мне кажется наиболее значимым. Многое осталось за скобками, но это уже тема для отдельного материала.

General message отечественной рок-поэзии

Каких бы языковых экспериментов, опираясь на авангардную, постмодернистскую и другие поэтические традиции, ни проделывала русская рок-поэзия, ее главная задача изначально заключается не в том, как сказать, а в том, что сказать. Наиболее важную роль играет в ней именно мировоззренческое сообщение.

Представим, что творчество поэта развивается линейно. В этом случае предполагается какая-то конечная точка, куда поэт должен прийти. Некий индивидуальный итог — цель всего пути. Русский рок не особенно радует нас долгими биографиями. Многие рок-поэты погибли совсем молодыми: Цой, Башлачев, Майк, Янка Дягилева. Все ли они успели сказать, достигли ли этой конечной точки? Или, будь удача на их стороне, они рассказали бы самое главное? Этого уже не узнать.

Тем ценнее опыт тех, чье творчество отражает всю историю отечественного рока — от ее начала до наших дней. И здесь среди прочих героических фигур возвышаются два гигантских столпа, две легенды русского рока — Андрей Макаревич и Борис Гребенщиков. На примере их песен можно проследить эволюцию рок-поэтики, разумеется, еще не

завершившуюся. Вполне вероятно, что вектор их развития не раз поменяется. Но, на мой взгляд, в их последних альбомах все-таки сформировалась некая устойчивая мировоззренческая система координат, или, если говорить современным языком, — общий message, на который стоит обратить самое пристальное внимание.

Попробуем допустить, что в течение жизни поэт высекает какую-то одну единственную, только ему известную поэтическую «скульптуру», то есть постепенно, шаг за шагом, идет к своей главной творческой цели, к своему самому главному художественному высказыванию, отсекая все второстепенное. Так вот, возможно, сейчас Макаревичу и Гребенщикову осталось убрать совсем не много. Скульптура уже угадывается.

БГ. «Концепция любви»

*Есть много высоких материй, мама,
Но я их свожу в одно.*

Пожалуй, среди наших рок-классиков Борис Борисович Гребенщиков самый авторитетный и в то же время самый таинственный персонаж. Тексты его песен оставляют многих слушателей в недоумении: о чем он, собственно? Распутать противоречивые и при поверхностном взгляде слабо связанные между собой образы порой не под силу даже филологам. И вот поэзия БГ обрастает мифами о ее принципиальной непонятности и порождает странные (если не сказать нелепые) интерпретации. Сам же исполнитель придерживается противоположной точки зрения: «Каждая песня «Аквариума» не является бессмысленным набором слов, а содержит в себе ясную, твердую, абсолютно понятную информацию».

Боясь показаться нескромным, признаюсь, что мне его песни кажутся настолько понятными, что я вполне способен увидеть стоящую за ними картину мира.

Поэтические тексты Гребенщикова пронизаны религиозными аллюзиями. Его равно привлекают буддизм, христианство, ислам (в первую очередь суфизм), индуизм, даосизм и проч. До сих пор ведутся дискуссии о том, к какой конфессии можно нашего «рок-гуру» причислить. (Самый устойчивых слух: Гребенщиков буддист — не зря же он занимался переводами некоторых буддистских текстов!) Думаю, что БГ не придерживается конкретного верования, о чем он сам не раз говорил в интервью. Ему интересны все «не бытовые проявления жизни». Отсюда такая религиозная эклектика: «Я знаю, что Бог существует, а как разные культуры его интерпретируют, это их дело». То есть рок-музыкант давно вышел за профессиональные пределы и выработал для себя универсальную концепцию, которая особенно ярко реализована в последних альбомах «Аквариума». Именно эта идея — ключ к особому (во всяком случае, в контексте русского рока) мироощущению Гребенщикова. Я бы назвал ее «концепцией любви».

*Я ранен светлой стрелой — меня не излечат.
Я ранен в сердце — чего мне желать еще?
Как будто бы ночь нежна, как будто бы есть еще путь —
Старый прямой путь нашей любви.*

Однако прежде чем рассмотреть ее детально, хочу отметить одну многое проясняющую особенность поэтики БГ. Она убедительно сформулирована в «аквариумоведческой» статье О. Темиршиной, утверждающей, что образная система у него опирается на «принципы мифопоэ-

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

тической логики бриколажа, являющейся структурным воплощением «тотализующего» («собирающего») мышления, которое выстраивает целостную картину мира через поиск разного рода соответствий». То есть существует некий смысловой стержень, на который нанизаны образы из различных культурных полей, какое-то общее значение (метазначение), собирающее эти разнородные образы в единое целое. Например, идея ложного состояния сознания или духовной подмены реализуется через образы вина, кокаина, никотина, льда, снега, сна и т.д. Истинная же духовность (святость) показана через образ воды (являющейся в свою очередь символом Дао) или рыбака (тут нельзя не вспомнить библейский образ «ловца человеков»). То есть в центре поэтической системы Гребенщикова лежит ряд неких сверхпринципов, каждый из которых актуализируется через свои образы.

Базовая идея его картины мира есть тезис о том, что Небесный град Иерусалим находится здесь, на земле, или, если говорить языком буддийской Махаяны, нирвана есть адекватно понятая сансара. «Мы живем в идеальном мире, — утверждает музыкант. — Просто его нужно видеть». Более того, это идея универсальна и объединяет все мировые религии: «Религия — это наука человеческого счастья, строго говоря. Хотя, конечно, трактуют ее часто не так, но на самом деле речь идет именно об этом».

Русской литературе вообще, а на данном этапе развития особенно свойствен трагический пафос: налицо постоянный конфликт с реальностью. Не обошла эта тенденция и рок-культуру. Она также насковзь минорна (к примеру, один из топосов русского рока — смерть). Лидер «Аквариума», пожалуй, первый из отечественных рок-музыкантов, кто эту «древнерусскую тоску» в своем творчестве преодолел (в недавнем альбоме «Zoom Zoom Zoom» он заявляет: «Не спрашивай меня, я не знаю, как испытывать грусть»).

Однако некоторые слушатели воспринимают его тексты по-прежнему, исходя из нашей минорно-трагической парадигмы. Если русское сердце не слышит плача, оно чувствует дискомфорт. Как известно, песня — зеркало, в которое мы смотримся. А весь новый Гребенщиков — позитивен. Это песни счастливого человека. Хвала Богу и мирозданию, постоянное объяснение в любви к этому миру. Хотя слова в этом случае плохой инструмент, чтобы адекватно выразить свои чувства: «Серебро Господа моего... Серебро Господа... Разве я знаю слова, чтобы сказать о тебе?»

Почему я делаю акцент именно на альбомах последних десяти лет? Во-первых, прежде идея «рая на земле» была не так точно сформулирована. Скорее происходил поиск истины: «с той стороны стекла, я искал то, чего с этой нет». Существовало разграничение идеального и реального миров. Понимание того, что нет никакого «стекла», приходит именно сейчас. Во-вторых, в нынешних альбомах появилась ярко выраженная тема духовного пробуждения лирического героя, перехода на другую ступень осознания реальности после длительного этапа блужданий и «сна». Герой сбрасывает ненужный груз и начинает все с чистого листа. Он еще никому не принадлежит и даже имени у него пока нет. На фоне наступающей весны происходит полное возрождение:

Я проснулся после долгого сна,
Небрить, без имени, совсем ничей.
Моя кровь говорит, что скоро весна,
Может быть, в одну из этих ночей.

Отныне лирический герой не конфликтует с реальностью, а принимает ее такой, какая она есть. Ибо все от Бога: «любая весть изначально

благая — просто ты к этому еще не привык». (Тут вспоминается молитва Оптинских старцев: «Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля твоя». Строки БГ именно об этом.) Гребенщиков становится созерцателем, всей душой принявшим Всевышнего и его творение. Он восхищен красотой окружающего мира, убежден в его идеальном устройстве:

Я родился сегодня утром
Еще до первого света зари
Молчанье у меня снаружи
Молчанье у меня внутри
Я кланяюсь гаснущим звездам
Кланяюсь свету луны
Но внутри у меня никому не слышный звук
Поднимающийся из глубины

БГ не пытается в этом мире ничего изменить, «сидя на высоком холме», он с восточным спокойствием, наблюдает, как все идет своим чередом: «Я редкоземелен, как литий/ Я не сопротивляюсь ходу событий». Ибо кто мы такие, что бы менять творение Бога и вмешиваться в естественный ход вещей? Все и так совершенно и достойно восхищения:

Я сижу на пустынной скале
Наблюдаю, как плывут облака
Сердце, как старый пепел
Глаза, как у полного дурака

Я ничего не начинаю, пускай все
Течет само по себе, как Волга-река
Под лестницей сидит голодная кошка
Пойду-ка спущусь выставлю ей молока

Жизнь наша непредсказуема, а воля Создателя может завести совсем не туда, куда ты задумывал. Бессмысленно что-то планировать, бессмысленно жалеть о прошлом — «нет времени кроме сейчас». Задача человека — «встроиться» в божественный миропорядок и исполнить свое предназначение.

К сожалению, несовершенное человеческое сознание, находящееся в плену ложных представлений, мешает эту простую мудрость понять. Люди сами сооружают неприступные стены между собой и миром, между собой и Творцом. Сооружают, а потом мучаются, не зная, как жить дальше:

Смотри из труб нет дыма, и на воротах печать
И ни из одной трубы нет дыма, и на каждый воротах печать
Здесь каждый украл себе железную дверь
Сидит и не знает, что делать теперь
У всех есть алиби, но не перед кем отвечать

Возводя в абсолют чувство собственной значимости, становятся глухи друг к другу. Именно поэтому вместо любви на сцену современной цивилизации приходит секс. Когда человек чувствует свое отчуждение, свою отдельность, ему остается пользоваться тем, что не требует больших душевных затрат — телесным наслаждением. Совершается подмена понятий: любовью начинают именовать инстинкт, страсть.

Ты скажешь «How much?»
 Я скажу «Fuck you!»
 Каждый хочет чужую,
 Никто не хочет свою.
 Тем, кто младше меня,
 Не выбраться из колеи;
 Хэй, поднимите мне веки —
 Слишком много любви

Отсутствие «настройки» на Бога приводит к искаженному пониманию действительности. Однако всегда есть выход. По Гребенщикову, один из способов избавиться от «замусоренного сознания» — смотреть на мир глазами ребенка. Это один из тех компасов, который может привести человека к гармонии и свету: «Пускай я в темноте, но я вижу, где свет/моему сердцу четырнадцать лет» (ср. с евангельским: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное»). Эту мысль БГ подчеркивает и в своих интервью: «Правда жизни намного прекраснее, чем мы думаем. Но из-за замусоренного сознания она скрыта от нас. У детей — ясное восприятие мира, они способны радоваться красоте так, как мы, более взрослые люди, радоваться ей уже не способны».

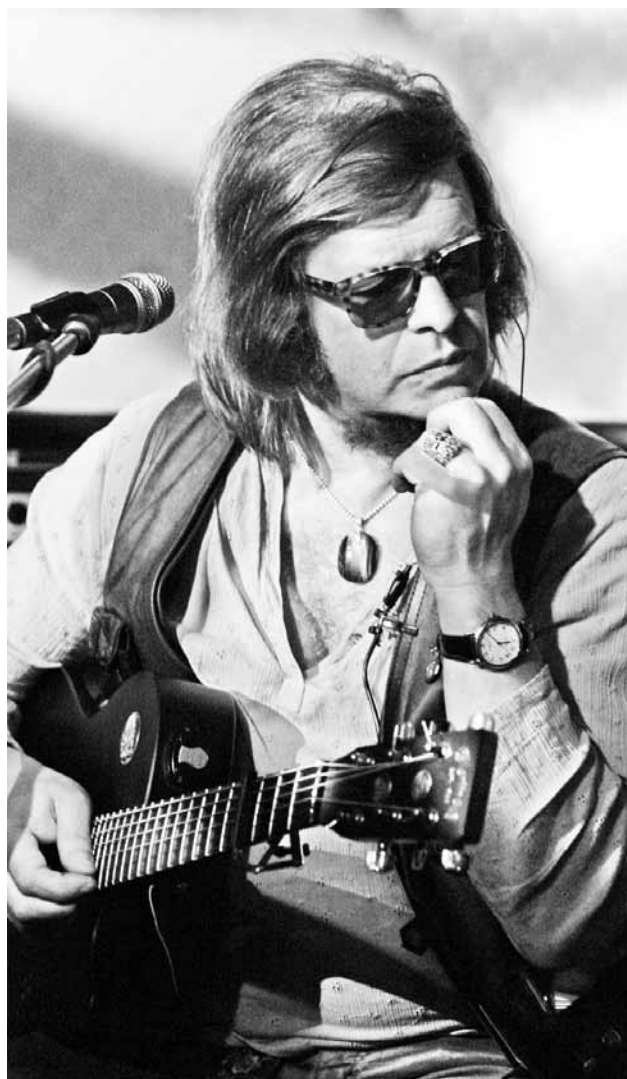
Впрочем, при всей «непробужденности» социума музыкант все равно ощущает свою общность с ним. Гребенщиков скорее испытывает сожаление, что люди не понимают того, что он давно осознал: «Мы с ними одной крови/лицом к одной и той же стене/единственная разница между нами — /я понял, что дело во мне», и пытается указать путь к истине.

«Если бы не ты...»

Во времена, когда «слишком много любви», а развод обычное дело, лирический герой Гребенщикова под любовью понимает совсем другое — духовную близость мужчины и женщины, их энергетическое совпадение. Древнейший принцип Ин-Янь. Единство душ. Такая любовь не подвластна времени, ибо не материальна. Это не мимолетное непрочное чувство, но неразрывная целостность. Для нынешней ситуации подобная позиция автора уникальна. И, как мне кажется, не только для русского рока, но и для современной поэзии.

Но будь ты хоть «роллс-ройс», все равно стоять в пробке;
 Даже в Русском музее не забаррикадироваться от красоты —
 Знаешь, это неважно, если кто-то завладел твоим сердцем.
 В моем случае, мне кажется, что это ты.
 Мне до сих пор кажется, что это ты.

Это та любовь, когда «увидел тебя и подумал, как редко встречаешь своих». Она выводит из любой беды, является маяком, спасательным кругом, великой опорой: «Когда каждый пароход, сходящий с этой верфи, — «Титаник»/когда команда — медведи, а капитаны — шуты/и порт назначения нигде, я сошел и иду по воде/но я бы не ушел далеко, если бы не ты». Когда любят не за что-то, а «в точности такой как ты есть».

Философия единства

Каким словом можно характеризовать позднее творчество БГ? Ответ: словом «целостность». Оно явно противостоит современной установке на фрагментарность, дробление. Клиповое сознание, борьба малых народов за независимость, феминизм и т.д. — все это приметы нынешнего стремления к отдельности, к разрыву связей. Гребенщиков же, напротив, пытается собрать. На этом строятся и его поэтическая система (логика бриколажа), и его философия. Соединить мужчину и женщину, даосизм и православие, культуры различных стран, Бога и человека. Соединить единственно возможным способом — любовью.

В альбоме «Песни рыбака» есть песня «Туман над Янцзы». Идея всеобщего единства в ней сконцентрирована максимально. Великая китайская река на своих берегах уравнивает всех людей, все религии, «верхи» и «низы». В ее тумане «бродит Католик и бродит Шамаан». Здесь нет место гордыне, потому что «все вокруг Бог», а мы его дети.

Другими словами это называется — Рай, Нирвана.

Макаревич: «Мне холодно жить в этом мире, мой друг»

Макаревич, безусловно, самый неизученный автор русского рока. За десять лет существования уникального в своем роде филологического ежегодника «Русская рок-поэзия. Текст и контекст» в его девяти выпусках Макаревичу было посвящено всего три отдельных материала. В остальных он только упоминается наряду с другими. Для оценки творчества музыканта, «открывшего» в нашей стране рок-культуру, это ничтожно мало! (Возможно, так происходит оттого, что «московскую школу» некоторые критики до сих пор не относят к року, с чем лично я категорически не согласен.) Побродив неделю по Интернету, я наткнулся в основном на публикации 80-х годов в «Литературной учебе», «Литературной России» и «Литературной газете». Такое ощущение, что не «желтые» издания заботились о существовании «предтечи» русской рок-поэзии.

В творчестве Андрея Макаревича в последние десять лет чувствуется тотальное разочарование в реальности, лишь иногда оживляемое проблесками надежды на лучшее. От многих песен веет удивительным одиночеством и отсутствием веры в человечество.

Песня «Место, где свет», пожалуй, наиболее ярко характеризует все позднее (и не только позднее, но об этом ниже) творчество рок-классика. Отсутствие общего языка с окружающим миром здесь проявляется на всех уровнях бытия: личном, социальном и духовном. Каждый куплет песни выражает свой:

Что же мы все кричим невпопад и молчим не про то
И все считаем чужое, и ходим, как пони, по кругу?
Вы не поняли, сэр, — я отнюдь не прошусь к вам за стол,
Мне вот только казалось — нам есть что поведать друг другу.

.....

Хочешь, я расскажу тебе сказку про злую метель,
Про тропический зной, про полярную вьюгу?
Вы не поняли, мисс, — я совсем не прошусь к вам в постель,
Мне вот только казалось — нам есть, что поведать друг другу.

....

Что казалось бы проще — вот Бог, вот порог,
Что же снова ты смотришь в пустынное небо с испугом?
Вы не поняли, Лорд, — я отнюдь не прошусь к вам в чертог,
Мне лишь только казалось — нам есть, что поведать друг другу.

Лирический герой везде натывается на стену непонимания. Происходит столкновение людей, мыслящих исключительно материально, и человека, ищущего духовной взаимосвязи. Желание наладить контакт уходит в пустоту. (Вспоминается башлачевское: «И мне надоело протягивать вам свою открытую руку, чтоб снова пожать кулак».) До Творца, как и до людей, тоже не достучаться. Даже смотреть на небо боязно — не знаешь, чего ждать.

Герой Макаревича несет в себе черты, сформировавшиеся еще в 80-х, однако изменились декорации и некоторые свойства авторской поэтики. Бросается в глаза отход от канонов «московской школы» — в стихах появилась конкретика места и времени:

Мы сказочно рады — у нас гей-парады,
Танцуй, и на все наплевать.
Кто там из Ирана с карманным кораном
Придет, чтоб тебя убивать?

В текстах встречаются сленговые выражения, а отдельные песни заставляют вспомнить эпоху отечественной контркультуры:

Пока еще держится мода говорить невпопад,
Но это свобода ухода от там, где едят,
Дозволено в «бентли» развезжать по тюрьме
По пояс в баксах, по горло в дерьме.
У власти добрый пронизательный взгляд
Вчера разминка, сегодня полный контакт.

Изменения в поэтике немного деформировали образ лирического героя — он стал «трезвее» в оценках и жестче в формулировках. Однако не могу не согласиться с замечанием критиков: это все тот же «философствующий, страдающий и горько разочарованный интеллигент, ощущающий себя лишним человеком». Я бы только уточнил — не лишним, а чужим человеком.

К концу второго тысячелетия герой Макаревича, окончательно сжилась со своим одиночеством, принял его как данность: «и я один, и мне легко, что сам себе я господин». Он рассчитывает только на свои силы, ему нет дела до мнения окружающих. Лимит попыток найти с «безмозглым» обществом взаимопонимание давно исчерпан:

И в миг, когда рухнет крыша над вашим домом безмозглым,
Из черной пасти Вселенной потянет вниз холодком,
Навряд ли я вас услышу, — я верю рулю и веслам,
И южный ласковый ветер играет моим челноком.

Разграничение себя и социума очень интересно проявляется через образ дома: он всегда стоит вдалеке от людей. Это одно из немногих мест, где герой чувствует себя гармонично, куда всегда возвращается. Но если раньше в доме он был не один — места хватало всем, то теперь предпочитает отшельничество на «не самом высоком холме».

Когда нет точек соприкосновения с окружающими, и на все призывы откликнуться Господь отвечает молчанием, остается только одна связь — с собственным «я». Главная ценность героя — оставаться самим собой и следовать только своему пути. В этом свобода: «Я всегда был вольный стрелок/и свободен и одинок». Восхождению к истине ничто не должно мешать, весь лишний груз — «за борт»:

И всегда, если мог, избавлялся
От того, что мешало ходьбе,
И при этом собой оставался,
И гулял только сам по себе.

Путь одиночки редко предполагает разделенные чувства и тихую семейную гавань. Перечитав практически весь массив стихов Андрея Макаревича, я почти не нашел текстов о счастливой любви (и этим, кстати, он отличается от БГ). Макаревич говорит о недостижимости идеала. Его герой «был связан дружбой близкою с моделью да с артисткою», а вот той самой, единственной и неповторимой возлюбленной, «как ни пыжился, да так и не нашел». Кажется, счастье уже близко, только протяни руку, но... «встретиться с ней не получается — звезды не ездят в метро».

Мы равны перед небом

Недавно вышел в свет новый альбом Макаревича «Штандер», который, по словам автора, «полностью отражает» его «отношение к жизни на сегодняшний день». И действительно, определенные песни производят впечатление итоговых, кажутся неким философским обобщением. Хотя, на мой взгляд, «итоговость» относится не только к данному альбому. Похожие песни-резюме есть и на «И.Т.Д.». Эти две сольных работы, записанные с «Оркестром креольского танго», идут рука об руку.

Главный вывод, к которому приходит Макаревич, печален: человеческая жизнь, по сути, бессмысленна. Она мимолетна и ничего не стоит: «Что останется после меня? Ничего дружок, ничего». Смысл в ней если и есть, то известен только Богу, но Он не собирается своей тайной делиться. Создатель в последнее время вообще не обращает внимания на свое творение: «Над Москвой круглый год облака, и не видит нас Боженька за облаками». Всевышний холоден, равнодушен и недостижим. Человеку же ввиду его незначительности божественный замысел не постичь.

Кем бы ты ни был, перед небом ты мальчик.
Так что вот тебе стенка, а вот тебе мячик
И чтобы ты не делал, убавь самооценку
Ты просто кидаешь мячик об стенку.

Людское сообщество до смешного ничтожно на фоне Вселенной, на фоне потока времени, на фоне совершенного мира природы: «Никогда я не верил в то, что Господь/создал этот мир для людей/потому что без них он настолько хорош/что и не передать». Человечество — всего лишь пылинка, «след на песке», зыбкое «отражение в Патриарших прудах», «круги на воде». Оно обречено биться, «как рыбы в стекло», обречено на повторение одних и тех же ошибок, на хождение по кругу, на «бег на месте», на дальнейшее падение. Таков его удел. Предоставленное само себе, забытое Богом, возведшее в культ материальные, а не духовные ценности, оно продолжит погружение во мрак, и надежда только на то, что случится чудо: «однажды настанет день и сюда доберется свет».

Однако здесь нужно отметить важную деталь: герой, несмотря на то, что он одиночка, несмотря на то, что ему не удастся найти общий язык с людьми, признает — он в одной лодке со всеми, ибо мы равны перед небом. Общее несовершенство — единственное, что сближает героя с обществом. Для Творца он так же греховен, расплата не обойдет стороной никого. Нет противостояния идеального «духовного» героя и «бездуховного» мира. Возможно, в этом и заключается трагедия: он такой же несовершенный, как и все, но взаимопонимания «со всеми» ему не обрести.

И все-таки где-то на глубине теплится уверенность, что люди — да и сам автор — в конце концов пройдут все испытания:

И пусть испытанья сулит нам дорога,
Пусть новым прогнозом пугают умы,
Но дьявола все же чуть меньше, чем Бога,
И света на свете чуть больше, чем тьмы

Напоследок приведу одно высказывание Андрея Макаревича из автобиографической книги «Сам овца»: «...можно рассматривать жизнь как последовательную цепь разочарований. Человек, только что родившийся, ничего еще не узнавший, не может быть ни в чем разо-

чарован. Первое разочарование приходит вслед за первым знанием (хотя бы в его неабсолютности)». Может быть, нынешний этап творчества мастера — лишь очередная ступень на лестнице восхождения к истине?

Макаревич и Гребенщиков: «Разговор в поезде»

*И оба сошли, где-то под Таганрогом,
Среда бескрайних полей,
И каждый пошел своей дорогой,
А поезд пошел своей.*

Несмотря на то, что оба рок-музыканта сходятся в том, что человечество находится «в неведении», мир природы прекрасен и совершенен, а Бог велик, на самом деле Макаревич и Гребенщиков реализуют два противоположных взгляда на мир, предлагают на выбор, два по сути разных жизненных пути. И это не просто взгляд оптимиста и пессимиста, как может сначала показаться. Более того, между их лирическими героями всего пол шага, но он самый трудный.

С моей точки зрения, лирическому герою Макаревича не хватает только одного — любви. Именно в этом заключается главное отличие между героями двух отечественных рок-классиков. Заметьте — и тот и другой свободны, оба когда-то сделали выбор и ему следуют. Но свобода Макаревича, в отличие от Гребенщикова, это свобода без любви.

Да человечество не ведает, что творит, но это не мешает БГ быть с ним в контакте, потому что любовь не требует ничего взамен и всегда прощает. Макаревич же в своем последнем альбоме пишет: «Нас учили прощать. Расскажи, как простить тех, кто предал тебя в пути? Не прощай дружок. Не прощай».

Вот собственно и вся разница.

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

СЛОВА ИДУТ НА ЗВУК

Последнее время стало популярно противопоставлять электронную интернет-литературу традиционной бумажной. Сравнивать их, бурно дискутируя на литфорумах, кидаться словами «профессиональная» (про одно), «анти-коммерческая» (про другое), совершенно забывая, что есть еще как минимум одна форма литературного искусства — аудиокниги. Скажете, что аудиокнига не конкурент бумажной или электронной? Что слишком малоразвито это течение, и смысла нет говорить о них как о полноценной ветви литературы? Так! Обязательно продолжаем читать. К концу обзора ваше мнение по этому вопросу коренным образом изменится.

Сегодня самым масштабным русскоязычным интернет-проектом «звуковой литературы» стало «Литературное радио» (www.litradio.ru). Изначально оно создавалось как субпроект портала Проза.ру, который должен был транслировать лучшие произведения «прозы», начитанные на профессиональном уровне. Позже концепция проекта изменилась, стала немного менее масштабной. Теперь по «Литературному радио» звучат произведения достаточно узкого круга «приближенных» лиц. Зато освободившееся время занято аналитическими программами и (самое интересное!) трансляцией всевозможных литературных вечеров, мероприятий, тусовок. Впрочем, от реализации первоначальных наполеоновских планов никто не отказался — потому, возможно, через год-другой мы увидим «Литературное радио» в совершенно ином облике.

Далее рекомендую посмотреть ресурс www.stihophone.ru. Представьте себе обычный хостинг для рассказов и стихов без модерации. «Стихофон» работает аналогичным образом, но только с аудиоматериалом вместо текста. Любой пользователь после регистрации получает возможность загрузить на сервер mp3-файлы со своими произведениями. После этого они доступны всем интересующимся для скачивания, оценки и т.д. Есть здесь и традиционные сервисы Интернет-журналов — конкурсы (в том числе есть возможность победить в специфической номинации «лучшая дикция») или написание (хотя здесь более уместен термин «начитывание») стихов на определённую тему. Масштабность проекта можно оценить даже не заходя на сайт — к нему приложил руку Максим Мошков, создатель крупнейшей интернет-библиотеки Lib.ru.

Но и не одними крупными проектами живет мир аудиолитературы. В интернете все более популярным становятся подкасты — радиопрограммы XXI века, для создания которых требуются лишь компьютер и микрофон, а для прослушивания — любой mp3-плеер. Впрочем, пока в рунете литературных подкастов крайне мало (а хороших и регулярно выходящих — и того меньше). Консервативный до новых технологий, прозаико-поэтический мир ещё не осознал рекламные возможности подкастов. Впрочем, продвижения на этом фронте появляются. Такие как весьма любопытный по содержанию подкаст «Проект СВиД — Сказки для Взрослых и Детей». Автор начитывает классические произведения, крайне качественно, со вкусом, а главное — не заикается на одном жанре. Для примера, за последние два месяца в СВиДе вышли подкасты книг Джерома К. Джерома, Артура Кларка, Роберта Шекли и Сергея Есенина — всё сразу одним махом.

Немало других подкастов с аудиокнигами можно найти на сайте Russian Podcasting (www.rpod.ru), в тэге «литература». (<http://svid.rpod.ru/>) — в том числе и многочисленным «авторскими» чтениями собственных произведений. Интересная, и вполне реальная альтернатива традиционным бумажным и электронным литжурналам, не правда ли?

Андрей ГРИШИН

ИГОРЬ ГЕРГЕНРЁДЕР: “Я СМОТРЮ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ ОБЪЕКТИВНО...”

Игорь Гергенрёдер — автор книг “Русский эротический сказ” (Бендеры: Полиграфист, 1993), “Комбинации против Хода Истории. Повести” (Berlin — Brandenburg, Verlag Thomas Beckmann, Verein Freier Kulturaktion e.V., 1997), “Gebt dem König die Hand” [“Дайте руку королю”] (Berlin: Verlag Volk und Welt, 1998), “Близнецы в мимолётности” (Berlin — Brandenburg, Verlag Thomas Beckmann, Verein Freier Kulturaktion e.V., 1999).

Произведения Игоря Гергенрёдера публиковались в ведущих литературных журналах России и Германии. Проза его была высоко оценена видными российскими критиками и писателями, к примеру, Павлом Басинским, Андреем Василевским и др.

Игорь живёт в Берлине. В Германию эмигрировал из Молдавии в 1994 г. Является собственным корреспондентом журнала “Литературный европеец” по землям Берлин и Бранденбург (Франкфурт-на-Майне, главный редактор В. Батшев).

Писатель родился в городе Бугуруслан Оренбургской области. По образованию — журналист, окончил Казанский государственный университет. Работал в различных советских периодических изданиях Риги, Новокуйбышевска, Саранска. Состоял в Союзе журналистов СССР. В 1975 г. из-за контактов с неформальным литературным студенческим кружком в Свердловске попал под наблюдение КГБ. С января 1977 по апрель 1980 (до дня увольнения из редакции) Игоря Гергенрёдера постоянно вызывали в КГБ на “профилактические” беседы. После увольнения решил больше не работать в советской печати. Начал активно заниматься литературным трудом.

Отец Игоря Гергенрёдера окончил Литературный институт. Мать и бабушка превосходно знали фольклор поволжских немцев. Таким образом, уникальное владение словом, присущее Игорю Гергенрёдеру, идёт из детства, носит глубокий характер.

Основная тематика российско-немецкого писателя — сфера человеческих чувств, гражданская война, темы русского и российско-немецкого фольклора и др.

Цикл повестей о гражданской войне “Комбинации против Хода Истории” был создан И. Гергенрёдером на основе воспоминаний его отца, пятнадцатилетним мальчиком вступившего в Народную Армию Комуча (армию антибольшевистского правительства в Самаре). Правда о белом и красном движении представлена в повестях Гергенрёдера из первых рук — как документальный факт, как истина, не требующая доказательств. Субъект повествования, за которым стоит Игорь Гергенрёдер как автор и его отец как историческое лицо и предмет изображения, — носитель правды, горечь которой подсознательно передаётся из поколения в поколение. Критик А. Либерман в своей работе отмечает, что “заслуга Гергенрёдера именно в том, что он “обманул” читателя, притворился передаточной инстанцией, как бы секретарём отца, а не автором”. Этот приём, к тому же в контексте своеобразного, живого языка повестей, помог писателю максимально приблизить читателя к реальности гражданской войны.

В 1997 г. Андрей Василевский, главный редактор журнала “Новый мир”, на вопрос корреспондента “Литературной газеты” “Какое, с Вашей точки зрения, самое важное литературное событие произошло в уходящем году и что Вы обо всём этом думаете?” ответил: “...только что вышедший в Германии на русском языке сборник Игоря Гергенрёдера “Ком-

бинации против Хода Истории". Это повести-были о гражданской войне, написанные автором по рассказам его отца с той простотой и естественностью, когда стилистическая бедность переходит в новое качество".

Другой сборник И. Гергенрёдера, включающий в себя цикл просто гениальных буколических сказов, написанных с учётом традиций русского эротического фольклора, впечатляет сочностью и меткостью сказового слога, точностью русских пикантных поговорок и прибауток, вплетённых в авторский текст. Густой язык Игоря Гергенрёдера в то же время прозрачен и не затрудняет восприятие фабулы. И это при пестроты специфических фольклорных словечек! После каждого сказа следует глоссарий народных выражений, в том числе интимной лексики. Каждое слово в этом словаре — открытие для благодарного и влюблённого в язык читателя.

Заметным литературным событием стал роман Игоря Гергенрёдера "Донесённое от обиженных". В романе передано великолепное чувствование истории — писатель как будто лично пережил события, происходившие в преддверии гражданской войны. Эта способность — умение стать органичной частью другой эпохи — вообще характерна для творческого почерка И. Гергенрёдера. По мнению автора романа, пролог гражданской войны — крах монархии — имел национально-освободительную подоплёку: русский народ освобождался от германской династии присвоивших себе фамилию вымерших Романовых фон Гольштейн-Готторпов, правивших в России с 1762 г. Германская монархическая династия весьма благоволила к немцам. Во вступлении к роману И. Гергенрёдер пишет: "Государь-голландцы явили такую благосклонность к немцам, которая не оставляет сомнений в том, кто были желанные, любимые дети монархии. Почему Ермолов и ответил Александру I, спросившему, какой он хотел бы награды: "Произведите меня в немцы!". В 1914, в начале первой мировой войны, из шестнадцати командующих русскими армиями семеро имели немецкие фамилии и один — голландскую. Четверть русского офицерства составляли одни только остзейские (прибалтийские) немцы". При всём обострении русско-немецкой проблемы роман "Донесённое от обиженных" написан писателем-российским немцем, наделённым глубоким чувством национального самоуважения.

Хотя сам Игорь Гергенрёдер считает себя прозаиком, ему в полной мере подвластна и стихия поэзии, причём её лиро-эпическая сила. Подтверждением этому — поэма "Сказание о Лотаре Биче", являющаяся воплощением уникального авторского замысла — "идеи создать на русском языке немецкое по духу произведение". Главный герой повести Лотарь Биче — плут, ловкач, женолюб, народный любимец, герой, стоящий в одной традиции, к примеру, с Тилем Уленшпигелем Шарля де Костера. Лотарь Биче, являясь выражением юнгианского архетипа трикстера, оставляет незабываемое впечатление. Весь уклад жизни фольклорных времён, включая пикантные любовные сцены, описанные в "Сказании о Лотаре Биче", — всё дышит атмосферой настоящей народности.

Игорь Гергенрёдер одинаково талантливо владеет такими сложными жанрами, как рассказ, поэма, повесть, роман.

Елена Зейферт: Игорь, как обычно складывается ваш день? Сколько времени вы уделяете творчеству?

Игорь Гергенрёдер: Не каждый день можешь посвятить творчеству, нужно одно, другое, третье сделать. Творческих дней у меня три-четыре в неделю. После гимнастики и завтрака берусь за работу. Пишу шариковой ручкой. Четыре часа. В тот же день иногда, бывает, и ещё с час попишу — поздно вечером. Написанное помню и потом мысленно проверяю: что годится, а что надо исправить? Иду, еду куда-то —

"правлю". Когда вещь написана от руки, набираю на компьютере, опять же редактирую. Но и это ещё не окончательная редакция...

Е.З.: Вы работаете над прозой разных объёмов, в том числе над очень крупными произведениями. К примеру, роман "Донесённое от обиженных" занимает около 300 страниц. Вы доверяетесь тексту, идёте вслед за ним или сначала пишете подробный план?

И.Г.: План возникает заранее, и он только в голове. Трудность — поиск самых выразительных, наиболее подходящих слов: как точнее, образнее и, вместе с тем, "проще" и "легче" передать то, что уже есть в воображении? Когда очередной отрезок пройден, предстоящее открывается чётче, в подробностях.

Е.З.: Какие документы вы изучали, создавая роман "Донесённое от обиженных"?

И.Г.: Мне очень помогла небольшая книга историка Казимира Валишевского на французском языке "La dernière des Romanov., E" ["Последняя из Романовых"] (Париж, 1902), работа до сих пор не переведена на русский. Важной оказалась и другая книга К. Валишевского "Преемники Петра" (Москва, книгоиздательство "Современные проблемы", 1912). Я опирался на Народный лексикон Бертельсманна (издания 1956, 1960) на немецком языке, пользовался многими другими германскими источниками. Нужные сведения, к примеру, нашлись в историческом лексиконе Кёблера [Koebler, G.: Historisches Lexikon der deutschen Länder. Die deutschen Territorien vom Mittelalter bis zur Gegenwart] (6. Auflage, München, 1999). Превосходными источниками оказались книга Игоря Плеве "Einwanderung in das Wolgagebiet: 1764 — 1767" (Göttingen, Göttinger Arbeitskreis, 1999) и его же труд "Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века" (2-е изд., Москва, Готика, 2000). Я постоянно обращался к богатейшему сборнику документов "Архив русской революции" в 22 томах, который издавался Г.В. Гессеном в Берлине в 20-е, в начале 30-х гг. Стал находкой двухтомник В.А. Бильбасова "История Екатерины II" (Берлин, 1900).

Немало полезного дали и публикации на английском. Полный список использованных работ помещён в приложении к тексту романа. В списке указаны и издания советского времени, например, сборник "Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам" (Чкаловское областное издательство, 1939). От этой книги протянулась ниточка к современности. Не так давно я получил письмо от Азамата Магизова из башкирского города Мелеуз. Азамат, которому 35 лет, прочитал мой роман благодаря Интернету. В романе рассказывается о приезде башкирской делегации в 1918 году в Баймак. Там делегатов вероломно захватили, а затем расстреляли красные. Читатель, встретив фамилию одного из расстрелянных "Магизов", пишет: "Фамилия наша очень редкая, родственники мои утверждают, что однофамильцев у нас нет. В связи с этим хотелось бы узнать, как фамилия Магизов попала в Ваш роман". Я ответил, что фамилия была названа в вышеупомянутом сборнике: "Возглавляли банду офицер Карамышев и башкирские буржуазные националисты — Изильбаев, Магизов и другие".

Лексика, стиль эпохи каковы!..

Е.З.: Ваш цикл повестей о гражданской войне называется "Комбинации против Хода Истории". Что значит для вас история?

И.Г.: Мне с детства представлялось, что некая высшая сила "пишет роман" — творит Историю. Вот, например, Октябрьский переворот и последовавшая за ним 70-летняя эпоха — невероятно сильные, важные главы Общечеловеческого романа. Вообразим, что они вы-

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

черкнуты и внесена правка. То есть в 1919 или в 1920 победили белые. Допустим лучший из лучших вариантов: жизнь в России стала не хуже, чем в ведущих странах Запада. Так ведь и там никуда не делись нужда, инфляция, безработица. И сегодня в Германии из-за чего, как не из-за социальных проблем, которые не смогло решить правительство, назначены досрочные выборы?

Разумеется, в России и при большевистской власти было бы немало бедности. И в этой стране и в других странах говорили бы: «Победи красные, Ленин — явился бы пример новой системы отношений: без классовой вражды, без бедных и богатых, без эксплуатации человека человеком! Социализм доказал бы неопровержимой реальностью, что человек создан для счастья, как птица для полёта».

Одержит победу не красные, а белые, попробовал бы кто-то изобразить в произведении, чем обернулись бы красивые лозунги большевиков? Попробовал бы сказать о коллективизации, о вымаривании голодом миллионов крестьян и о том, какой будет создан культ вождя народов и на чьей крови: на крови тех же революционеров. Автора, который бы всё это нарисовал, объявили бы злобным мракобесом, человеком с большой фантазией. Над ним смеялись бы. Ну а теперь над кем смеяться? Наверно, надо задуматься над Общечеловеческим романом, к которому добавляются строки, страницы, главы...

Е.З.: Интерес к гражданской войне в вас зародил отец, воевавший на стороне белых. Он рассказал вам правду о войне, показал её настоящее лицо и изнанку. Вероятно, вам, в то время советскому школьнику, было тяжело носить в себе эту страшную правду. . .

И.Г.: Среди моих друзей детства были дети трудармейцев. Они, как и я, знали, что пережили наши родители в трудармии. Мы понимали: то, о чём нам толкуют в школе, то, что передают по радио, показывают по телевидению, не всегда правда и никак не мешает присутствию страшного в жизни. Мы чувствовали неприязнь к официозу, распевали без посторонних переделку пионерской песни «Куба, любовь моя!». Мы пели:

Куба, отдай наш хлеб!
Куба, возьми свой сахар!
Куба, отдай установки ракет!
Куба, пошла ты на ...!

Откуда песенка прилетела в наш двор? Потом я узнал, что она была распространена среди подростков той поры, её знали в разных городах. Тогда же, при Хрущёве, после полёта Гагарина пели:

Юра, Юра, ты могуч,
Ты летаешь выше туч!
Соберёшься на орбиту,
Захвати с собой Никиту,
Чтобы этот п...
Не ... рабочий класс!

Словом, в обязательные для пионера, для комсомольца идеалы я не верил, и потому носить в себе страшную правду было естественно.

Е.З.: В вашей повести «Грозная птица галка», столь ярко открывающей цикл «Комбинации против Хода Истории», пятнадцатилетний герой Лёнька, рядовой белой дивизии, не сразу осознаёт трагедию сообщённой ему страшной вести — гибели старшего брата. Только через время

к мальчику приходит боль. . . Можно ли объяснить эту ситуацию общей оторопью в то смутное время? Или индивидуальной натурой героя?

И.Г.: Отцу, когда тот был ребёнком, подростком, брат Павел едва ли не всегда виделся в движении и притом в щеголеватом движении. В том, как Павел катался на велосипеде, грёб на лодке, бегал на лыжах, сквозила небрежность необычайно уверенного в себе человека. Он никого не боялся, и ему нравилось, если что-то ему угрожало. Для моего отца казалось несомненным, что никто никогда не сумеет Павла побить. Вступив в Народную Армию, отец и другие солдаты сидели в вагоне-теплушке в Сызрани. Отец услышал: «Глядите, какой офицер идёт! Орёлик!» Оказалось, это Павел проходил по перрону. Отец мне рассказывал: «Осанка — блеск! Сила в нём так и играет!» В Павле кипело столько жизни, что она не позволяла поверить в смерть. Он своим обликом, поведением словно бы внушал, что неубиваем. Это я и постарался передать: мой герой не может сразу представить, что Павел недвижим, мёртв. Между прочим, такие, что давно известно, и погибают в первую очередь.

Е.З.: Игорь, назвали бы вы вашу литературу однозначно антисоветской?

И.Г.: Антисоветской её назвали бы люди с советским сознанием. В юности, когда мне в голову приходил замысел той или иной вещи, я рассказывал о нём людям, уже печатавшимся. И мне говорили: «Это не пойдёт!» Хотя я, понимая, где живу, отнюдь не пытался как-то критиковать порядки. Я сознавал, чем это для меня может кончиться. И всё равно вещи «не шли». Пример. Писатели, без чьего одобрения нельзя было отнести рукопись в издательство (там её не стали бы читать), зарубили мой сборник детских рассказов. В речи моих героев встречалось: «затранзал», «отметелил», «усикалась». Мне возмущённо сказали: «Как у вас дети выражаются? Они нормального языка не знают?» Но в действительности дети говорили именно на таком языке, и я взял самые удобоваримые выражения. Конечно, можно было заставить героев изъясняться, «как положено», — но тогда исказились бы образы, они же зависимы от речевой характеристики. Фальшь вызывала отвращение к работе. Сколько рукописей из-за этого я порвал, сколько вещей не довелось написать. . . В лучшие годы.

Но вспоминая то время, я не чувствую ненависти ко всей тогдашней жизни. При той власти я бесплатно получил высшее образование, мне платили повышенную стипендию, поскольку все экзамены я сдавал на «отлично», вручили диплом с отличием. (А каково молодёжи учиться в сегодняшней России?) Я читал произведения многих прекрасных зарубежных авторов, потому что, по инициативе Горького, в 1918 году российская интеллигенция была привлечена к задаче: ознакомить народ со всеми достижениями мировой литературы. Задача, в основном, выполнялась, хотя, конечно, переводили не всех замечательных писателей и, понятно, почему. Но школа-то переводчиков была превосходная! В Германии, в первые месяцы жизни здесь, мне попались «Три мушкетёра», переведённые на немецкий и адаптированные: книжка в палец толщиной.

То есть, в советском государстве, безусловно, имелось и то, что хорошо было бы сохранить.

Мне кажется, я смотрю на советский строй объективно. Человек с «непартийным» сознанием, наверно, не назвал бы все мои вещи однозначно антисоветскими.

Е.З.: Вот цитаты из вашей повести «Грозная птица галка»: «Я услышал, как погиб Павка», «Вот тут, неглубоко, лежит Павка. Серо-синий, ужасный, как те трупы, которых я успел наглядеться. Павка — такой ловкий, быстрый в движениях, такой самоуверенный, бесстрашный». . . Можно ли в

использовании имени Павки (в данном случае, белогвардейца) увидеть желание вызвать у читателя образ другого, красного, Павки?

И.Г.: Нет. Я понимал, что возникнут мысли о “переключке”, но мне не хотелось изменять имя моего дяди. Для его братьев он был Павкой. Отец вспоминал детство: родители дома говорили по-немецки. Приезжавшая в гости двоюродная бабушка по-русски почти не знала и называла Павла “Паулус”. А в то время ещё хорошо помнили о войне англичан с бурами 1899 — 1902 гг. Россия сочувствовала бурам, в народе ходила песня “Трансвааль, Трансвааль, страна моя”. Было популярно имя президента бурской республики Трансвааль Паулуса Крюгера. И когда дома братья сходились к обеду, кто-нибудь раньше других вбегал в столовую и при появлении Павла объявлял: “Их превосходительство Паулус Крюгер!”

Е.З.: Судя по вашим произведениям, вы глубоко верующий человек и придерживаетесь позиции, что человек не вправе вершить правосудие?

И.Г.: Мне кажется, человеку не дано понять, что есть действительное, подлинное правосудие. Обычно люди говорят, что следовали закону, приказу. Часто так оно было и есть. Но люди и по своему внутреннему побуждению отнимают чужую жизнь: вершат правосудие. Я бы не назвал этим словом подобные поступки. Однако надо ли делать вывод, что на насилие нельзя отвечать насилием? Позиция эта для кого-то весьма удобна. Можно внушающими почтением словесами прикрыть собственный страх перед насилием, а если оно угрожает другим, — прикрыть желание остаться в стороне. В романе “Донесённое от обиженных” один мой герой спрашивает другого о заповеди “не убий”. Тот отвечает: “Христос сначала говорит о законе Моисея “око за око, зуб за зуб”, — доступном пониманию людей. А затем добавляет, что заповедь “не убий” была бы лучше... Была бы — если б все-все люди одновременно последовали ей. До тех же пор, пока это остаётся только идеалом, приходится следовать закону Моисея”.

В данном случае устами героя прямо выражена моя авторская позиция.

Е.З.: О гражданской войне писали многие авторы — И. Бабель, М. Шолохов, Д. Фурманов... Каждый автор со своего ракурса, со своего отдаления или приближения... Но ваша проза о гражданской не укладывается ни в какую традицию, остаётся уникальной. Критик С. Воложин предполагает, что вы сознательно соотносили свою повесть “Грозная птица галка” с “Записками кавалериста” Н. Гумилёва. Эта гипотеза, думаю, неверна?

И.Г.: Вы правы. Собственно, гипотеза слишком малоосновательна, чтобы быть гипотезой. С. Воложин не зря называет себя не просто критиком, а “критиком-интерпретатором”. Этим он хочет обеспечить себе больше простора для весьма вольного толкования текстов. В “Записках кавалериста” Николая Гумилёва рассказывается о первой мировой войне. А та война и война Гражданская, как говаривали в Одессе, — это две большие разницы. У Гумилёва, пишет С. Воложин, говорится о частных успехах своей стороны при общем неблагоприятном положении дел и в моей повести — тоже. Но сколько можно найти произведений, посвящённых подобным моментам. Первая же ссылка: Лев Толстой, “Война и мир”. В 1805 году русская армия Кутузова, воевавшая в Австрии против Наполеона, отступает. В бою под Шенграбеном, когда столь блестяще действует капитан Тушин, отряд прикрытия спасает от разгрома отходящие войска.

Критик-интерпретатор приводит начало “Записок” Гумилёва:

“Мне, вольноопределяющемуся — охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем”.

С. Воложин предлагает сравнить это с началом моей повести “Грозная птица галка”:

“В середине октября 1918 наша 2-я добровольческая дивизия отступала от Самары к Бузулуку. Было безветренно, грело солнце; идём просёлком, кругом убранные поля, луга со стогами сена, тихо; кажется, и войны нет”.

Что тут сказать? Сходство, км, прямо-таки налицо.

Продолжая интерпретировать повесть, С. Воложин сравнивает её окончание с тем, что написано у Хемингуэя в романе “Прощай, оружие”. У Хемингуэя:

“Было много таких слов, которые уже противно было слушать, и в конце концов только названия мест сохранили достоинство. Некоторые номера сохранили его, и некоторые даты, и только их и названия мест можно было ещё произносить с каким-то значением. Абстрактные слова, такие, как “слава”, “подвиг”, “доблесть” или “святыня” были непристойны рядом с конкретными названиями деревень”.

У меня:

“Мы несли Алексея до ближайшей деревни. Там и похоронили. Собрали в батальоне денег, сколько у кого нашлось, отдали священнику, чтобы отслужил не один раз.

Название деревни — Мышки. От Оренбурга в ста пяти верстах”.

По мнению С. Воложина, смысл этих строк тот же, что и у Хемингуэя. Но у меня название деревни не противопоставляется выражениям патетики. Рассказчику Лёньке очень жаль убитого им по ошибке Алексея Шерапенкова, Лёнька мучается виной, он полон уважения к погибшему. Потому деревня, то, где она расположена, запоминается навсегда. Эта память — памятник Шерапенкову. Он, а не Павка и не Лёнька, — главный герой повести.

Толкуя о моих вещах, интерпретатор там и сям предлагает выводы, которые не следуют из текста. Берёт эпизод, когда на некомплектную роту белых устремляются толпы рабочих, вооружённых, но не обученных военному делу, и выводит из этого, что за коммунистов было большинство населения страны. Но есть исторические документы. Известно, что Временное правительство назначило выборы в Учредительное собрание. Большевики, захватив 7 ноября 1917 власть, объявили, однако же, 9 ноября о созыве Учредительного собрания в назначенный Временным правительством срок. В ноябре-декабре 17-го по стране, уже при власти большевиков, прошли выборы в Учредительное собрание. Вот данные, взятые из советских источников. За большевиков отдали свои голоса 23,9% избирателей. 40% проголосовали за эсеров, 2,3% — за меньшевиков, 4,7% — за кадетов. Остальные проголосовали “за другие мелкобуржуазные и буржуазные партии”. То есть, если округлить: за большевиков оказалось только 24 процента! 76 процентов были против.

Однако интерпретатор, подобрав подходящую цитату нужного ему автора о неком “массовом улучшении людей” в те годы, добавляет, что имеются в виду массы трудящихся, “составлявших большинство населения”. Извольте верить: за коммунистов, оказывается, были все трудящиеся.

Далее в том же духе. У меня в повести “Парадокс Зенона” действуют гимназисты, которые вступили в отряд восставших против комиссаро-державия, как тогда говорили. Повстанцы воюют с большевиками из-за того, что те разогнали Учредительное собрание. У каждого из моих героев есть своя программа преобразований: наивно-романтическая, невыполнимая, конечно. Программы рождены надеждой на свободное волеизъявление людей. С. Воложин меж тем пишет, что эти утопические мечты “неспособны” привести гимназистов “в ряды врагов Советской России”. (Ну да, коли все трудящиеся за большевиков, то и Россия — Советская). Ска-

жу лишь: куда ещё могли привести мечты о добре, о демократии, как не в ряды тех, кто борется за установление парламентаризма?

Интерпретатор, неистощимый в приёмах работы с текстом, обращается к узловому моменту в моей повести “Рыбарь”. Пойманные большевистские агенты, мужчина, женщина и подросток, заперты в пакагузе. Их ожидает допрос. Взрослые опасаются, что подросток, который уже начал их выдавать, “расколется” окончательно. Они душат его. В этом моменте, пишет С. Воложин, выявилось желание автора “подгадить” той “исторической правде”, что большинство населения было за коммунистов и что оно массово улучшалось.

Вспомним “Поднятую целину”, роман Шолохова, который изучался не одним поколением в советской школе. Положительный герой коммунист Нагульнов декларирует со страниц книги, что если надо будет для торжества новой жизни, он сам порежет из пулемётов стариков, баб, детишек. Очевидно, это заявление не противоречит правде о массовом улучшении людей.

И ещё относительно взглядов интерпретатора. Агенты посажены в пакагуз по инициативе Ромеева, который за белых. Начальство не поверило, что арестованы агенты, и Ромеев запер их в пакагузе, убеждённый, что взрослые убьют подростка и тем выдадут себя. То есть красные разведчики и их противник друг другу не уступают, чего не желает видеть интерпретатор. Ему нужно, чтобы красные были показаны “в улучшении”, а белые теряли бы “человеческий облик”.

С. Воложин находит неправдоподобным, что в повести “Комбинации против Хода Истории” командир отряда Пудовочкин и комиссар Костарев облечены доверием коммунистов, хотя первый — уголовник, а второй — бывший помещик и анархист. Интерпретатор пишет, что партия, которая с июля 17-го и до переворота больше была в подполье, чем на легальном положении, не могла дважды ошибиться. Но откуда взято, будто бывших помещиков и анархистов “не пропускали” в партию? Матрос Железняков, руководивший разгоном Учредительного собрания, — бывший анархист. Троцкий — бывший меньшевик, отец владел помещьем. Главнокомандующий красным Восточным фронтом М.А. Муравьёв, который 10 июля 1918 изменил коммунистам, — бывший царский полковник. Григорий Котовский — уголовник в дооктябрьском прошлом.

В июле 1920 близ Бузулука восстала дивизия Сапожкова. Сам он и весь командный состав были людьми, проверенными партией. Так вот, комиссар дивизии и комиссар штаба дивизии оказались заодно с её начальником Сапожковым. Более того: в организации восстания участвовал особый отдел.

Е.З.: Созданный вами персонаж комиссар Костарев, который называет себя не красным, а чёрным, в повести “Комбинации против Хода Истории” излагает своему собеседнику, доктору, собственную “пассионарную” теорию российского “бунта, бессмысленного и беспощадного”:

“Испанцы, англичане, французы имели периоды исторического возбуждения, когда они устремлялись за моря, захватывали и осваивали огромные пространства, несоизмеримые с величиной их собственных стран. Грандиозные силы возбуждения избывались.

Русский народ таит в себе подобных сил поболее, чем указанные народы. Русские с кремнёвыми ружьями прошли Аляску, поставили свои форты там, где теперь находится Сан-Франциско. Но дальше подстерегала несообразность. За титанами России не потянулся народ, как потянулись испанцы за своими Писарро и Кортесом. Крепостничество, сонное состояние властей, сам косный, замкнутый характер чиновничьей империи не дали развиваться движению. Гигантские силы стали

копиться под спудом. С ними копилась и особенная непобедимая ненависть народа к господам, к царящему порядку — ненависть, чувство мести, мука — от того неосознанного факта, что великому народу не дали пойти достойным его величайшим путём.

Между прочим, это смутно чувствует и российская интеллигенция, которая так любит говорить о великом пути России — не понимая, что смотреть надо не вперёд, а назад: в эпоху, когда возможность такого пути упустили правители...

Пётр Столыпин был умницей наипервейшим, он лучше всех понимал всё <...>. Его хлопоты о переселении крестьян в Сибирь — это попытка исполнить, пусть в крайне малом масштабе, но всё-таки исполнить те задачи, на которые предназначалась титаническая энергия России. Попытка дать выход накопленным силам возбуждения... Но Столыпина не стало. А большевики — для выпуска энергии — указали народу другой в известном смысле тоже грандиозный путь”.

Каковы корни этой теории?

И.Г.: В детстве я узнал от родителей, что немцам, переселявшимся в Поволжье, со временем становилось там тесно, и они начали основывать дочерние колонии на Южном Урале. У Данилевского написано, что в 60-е годы XIX века российские немцы посылали своих людей уже и на Амур — присмотреть и прикупить землю. В этой связи думалось о русских первопроходцах, проложивших путь на Восток. Почему не возникло великое движение по этому пути?.. Я читал приключенческие романы Густава Эмара, Майн Рида, Луи Буссенара, Генри Райдера Хаггарда об освоении европейцами заморских земель. Отчего же в России не появилась подобная литература о россиянах, пришедших на Дальний Восток, на Аляску? Их дело, их фигуры не были интересны обществу, не воодушевляли его... Мысли об этом пригодились, когда, задумав повесть, я почувствовал, что необходим герой с “грандиозной идеей”.

Но должен уточнить: повесть написана не ради этой идеи. Главное — одержимость героя его замыслом. Человек, готовый, по его словам, обречь на смерть миллионы людей, дабы воплотить план в жизнь, жертвует им, а заодно и своей жизнью, которая теряет для него смысл. Жертвует, потому что его спас от смерти симпатичный человек, наивный добряк доктор Зверьянский, — и комиссар Костарев не может, в свою очередь, не спасти его с семьёй.

Е.З.: В повести “Рыбарь” её герой Ромеев говорит: “Россия может и немецкой, и американской быть. Она всех стран пространственней!” Дайте, пожалуйста, комментарий этой фразе.

И.Г.: Подростком я прочитал рассказ Александра Грина “Далёкий путь”. Его герой Пётр Шильдеров (пожалуйста, обратите внимание на фамилию) служил столоначальником в Казённой Палате в провинции. Однообразие службы и быта сделало для него жизнь невыносимо унылым существованием. Бросив дом, он пустился в скитания за границей, служил матросом, был добытчиком каучука, болел лихорадкой и едва не умер. Потом попал в Латинскую Америку. Уже и раньше он становился таким же, как люди, вместе с которыми ему доводилось жить и зарабатывать на пропитание. Теперь в Андах он превратился в проводника Диаса. Диас ведёт путешественников по опасным горным тропам, неотличимый от других проводников. Он свой для местного люда. Ему подошла жизнь, полная риска, жить иначе он не может.

Мне встречались люди, напоминавшие этот характер. Россияне, независимо от их происхождения, крови, — необыкновенно восприимчивы к новому, у них очень живое воображение, им интересно всё дальше. Писатели самых разных стран и эпох легко обживаются в Рос-

сии. Своими стали Хулио Кортасар, Сэй-Сёнагон, имена можно называть и называть. Пространство русской культуры, куда приходят новые имена, новые идеи, безгранично.

Когда мне представился герой повести “Рыбарь”, я почувствовал в нём воплощение тех черт россиянина, о которых сказал. И сами собой произнеслись его слова о том, что Россия “всех стран пространственней!”

Е.З.: Материалы к вашему уникальному сборнику “Русский эротический сказ”, как указано на титульном листе, были собраны вами лично в фольклорных экспедициях. Это указание — мистификация? Если нет, то каким образом осуществилась поисковая работа?

И.Г.: Опять надо сказать спасибо отцу. Когда я был школьником, он летом ездил со мной в деревни неподалёку от Бугуруслана: покупать в речке, попить парного молока. Отец подбивал сельских стариков на рассказы о прошлом, о том, что случалось любопытного в их местах. Мне было велено записывать карандашом в тетрадку впервые услышанные слова. Отец считал: это пригодится, поскольку я решил стать журналистом. То, что нам рассказывали, казалось недостаточно интересным, и я мысленно усложнял фабулу, вставлял возникавшие в воображении персонажи. Позже, студентом, я натолкнулся на мысль: а почему бы не обратиться к почвенничеству? Нам преподавали историю зарубежной литературы, и меня впечатлило возникшее в германских государствах после войн с Наполеоном движение “Blut und Boden”. Начинающие писатели и поэты, решив наполнить культуру народным, от истоков, содержанием и духом, устремились в глухие деревни собирать фольклор. Так, например, появились сказки братьев Гримм.

Наши студенты-филологи отправлялись в экспедиции за фольклором, а журналисты — нет. Мне пришло в голову по собственному почину в каникулы взяться за дело. У меня был друг, который имел мотоцикл “ковровец” и поддержал начинание. Я в раннем детстве перенёс полиомиелит и, хотя к школьным годам стал ходить без клюшки, мотоцикл не водил. Усаживался за спиной друга, и мы катили из одной деревни в другую, нас пускали переночевать за библейскую, как стали говорить позднее, плату. Девушек на селе было больше, чем парней, мы нередко встречали радушие. Нам посчастливилось присутствовать на гульбе: этот молодёжный сабантуй описан в моей вступительной статье к сказам. Одна из увиденных на празднике игр вошла в сказ “Степовой Гулеван”.

С фольклором же обстоит вот как. Обычно мне самому приходилось рассказывать какую-нибудь историю, чтобы “разговорить” собеседников и, в свою очередь, что-то услышать. Услышать то, что могло дать толчок воображению.

Может быть, сейчас будет небезынтересна чёрточка той эпохи. От поездок у меня сохранился, в частности, счёт из ресторана одного из районных центров: 1 бут. вина — 2,09 р., салат 2 порции — 0,10 р., заливной язык 2 п. — 1,20 р., шашлык 2 п. — 2,12 р., хлеб — 0,10 р. Стипендия тогда была 45 р., корреспондент районной газеты получал 115 р. в месяц.

Со временем я написал по собранным впечатлениям несколько вещей, постарался соблюсти в них скромность, но “безэротичными” они не получились. И, разумеется, “не пошли”. Когда в перестройку барьеры рухнули, я прочитал “Заветные сказки” Афанасьева. В них много жестокости, они замешены на злобном унижении женщины. Мне говорили: Афанасьев не придумал, а записал это, таковы были народные нравы. Тогда я решил противопоставить сказкам весёлые сказы, где женщина — прелестная, раскованная — владела бы магией игры. Напряглись память, воображе-

ние, фантазия. Во время работы думалось: если известно, что Афанасьев записал сказки, отчего мне прямо не сказать того же о моих сказках?

Сборник быстро расхотелся, однако мне пришлось услышать, что я приписываю сказы народу, дабы на этом “выехать”. Тогда я решил указать моё авторство.

Е.З.: Что позволено народу, не позволено одному автору... Ссылка на фольклор облегчила издание книги?

И.Г.: Да, это точно.

Е.З.: Игорь, ваши эротические сказы определены вами как буколические. Действие в сказках, в основном, протекает на привольной природе, людей связывают между собой чувственные отношения... Верите ли вы сами в идиллию любого рода, возможна ли она?

И.Г.: Вернусь к моим поездкам с другом на мотоцикле. Нам встретилось занятное обстоятельство, своего рода курьёз тогдашней системы снабжения. Едва ли не в каждом сельском магазине мы видели сухое белое вино. Стоило оно дороговато, градусов имело мало, народ пренебрегал им как слабенькой кислотинкой. Мне же и другу нравились лёгкие белые вина, которые в большом городе, в той же Казани, редко бывали в магазинах. Так вот, в одном селе, купив несколько бутылок, мы расположились на берегу речки. Из лесу вышли девушки, собиравшие там грибы, присели невдалеке. Видимо, хотели искупаться, но наше присутствие их смущало. Мы принялись их угощать, они отказывались: “У нас никто это не пьёт”. Однако пример, который мы подавали, — с причмокиванием и возгласами восторга, — в конце концов подействовал. Одна из новых наших знакомых сделала глоток, потом ещё, повела вокруг взглядом и произнесла фразу, которую я позже записал: “О, как легко оно даётся пить!” Группка осталась с нами, вино было отдано должное. Мы купались, все нагишом, брызгали водой друг на друга, девушки сплели себе венки, набедренные повязки из травы, лопухов. Кутерьма поднялась! Всё стало удивительно просто и легко. Я и мой друг остались в этом селе ещё на два дня. Это была идиллия. Она отобразилась — не “один к одному”, конечно, — в сказе “Птица Уксюр”.

Е.З.: Любовные сцены в ваших сказках столь естественны и в то же время вы изображаете любовь как произведение искусства, как действие... Вам становится подвластна такая неординарная художественная условность...

И.Г.: Я стараюсь, чтобы слова заменяли непосредственное созерцание, непосредственное восприятие действительности. И тут помогает чувство, что описываемое — самая что ни на есть живая реальность. Чувство это возникает оттого, что в памяти отпечатались не только эпизоды, подтолкнувшие воображение к созданию развёрнутых сцен. Запомнилось и настроение, какое эпизоды у меня тогда вызывали. Идиллия, о которой я рассказывал, запомнилась очарованием непередаваемо тесного родства, близости между тобой и подругой.

Е.З.: В центре ваших сказов — женщина. В этом первенстве женских персонажей — естественный интерес к противоположному полу или причина здесь художественного характера? Изображение женщины интереснее, эмоциональнее?

И.Г.: Меня очень любили мать, бабушка, старшая сестра, они не спали ночей, выхаживая меня после болезни. Поиграть со мной приходила девочка, дочь друзей нашей семьи. Когда я пошёл в школу, мы вместе возвращались домой. Но вскоре я начал стесняться: в том возрасте, дело известное, мальчишки стесняются ходить с девочками. Но мне было заявлено: “Это ты из-за болезни. Не думала, что ты тряпка”. Разумеется, быть тряпкой не захотелось, и я даже стал брать подругу за руку.

Маугли и Робинзон Крузо побудили меня предложить девочке поселиться в “хижине из шкур”. Летом родители устроили нам “хижину” в сарае, употребив старые полушубок, пальто, одеяла. Мы с подругой стали “четой первобытных людей”. Когда приходило время обеда, мы приносили еду из дома в “хижину” и ели как бы охотничью добычу, жаренную на костре. Игра была для меня полна эмоций и особенных, потому что я играл с девочкой. Навсегда осталось чувство женского очарования. Когда я взялся за сказы, мною двигало и сознательное намерение воплотить в них обаяние Вечной Женственности. Женщины меня восхищают и вдохновляют. Живу в компании женщин: жена, дочь и чудесная морская свинка Виннечка.

Е.З.: Ваш несомненный шедевр — “Сказание о Лотаре Биче”. Я слышала самые восторженные читательские реакции на эту поэму. Люди перечитывали её по несколько раз подряд! Расскажите об истории создания этого произведения.

И.Г.: В детстве, ещё не умея читать, я просил мать и бабушку рассказывать мне “немецкие истории”. Помню, как меня завораживало, когда мне пели по-немецки. Хотелось знать продолжение того, о чём было в песне. От матери я слышал, в числе других, балладу о любви девушки к баварскому офицеру, от бабушки — о любви к цыгану: “Mein Zigeuner, mein schwarzer Zigeuner...”. Оба сюжета и им подобные, которых было множество, по моему настоянию стали развиваться: уже в форме импровизированных повествований. Если мать или бабушка отнекивалась, я говорил: у меня так болит нога! Когда я слушаю, мне легче... В отличие от бабушки, мать не всегда мне верила. В таких случаях отвечала немецкой поговоркой или анекдотом, но тут же сдавалась и переходила к рассказу...

Моя память загружалась, что и сработало, когда в пору ранней перестройки заговорили о возможном восстановлении нашей республики в Поволжье. Я, живя в Кишинёве, ощутил в себе эмоциональный подъём, память сообщила импульс воображению. Весной 1988 возникло ощущение, что на бумагу просится баллада ли, поэма, сага — на русском языке, но немецкая по духу и колориту. И началась работа над тем, что стало “Сказанием о Лотаре Биче”. Когда была готова часть достаточного, на мой взгляд, объёма, я назвал её фрагментом “Сказания” и отправил в Саратов, в редакцию журнала “Волга”. Тогда вовсю открывали “белые пятна”, и почему было не взять это за пример? В письме в редакцию я сообщил, что мой прадедушка собирал фольклор немцев Поволжья, и я перевёл отрывок из сохранившихся записей. Впоследствии я “приращивал” продолжение, но уже не называл это переводом.

Е.З.: “Сказание” не перестаёт восхищать своей народной строкой. Это некая “стилизация под стилизацию”: Вы создаёте оригинальное произведение, но стилизуете его под фольклор. Указываете на источник — переводы фольклора поволжских немцев с наречия платт-дайч, но потом признаёте это мистификацией, литературным манёвром. Однако, несмотря на мистификацию, фольклорные элементы в “Сказании о Лотаре Биче” всё же встречаются. От своих матери и бабушки вы слышали народные легенды на платт-дайч. Какие-нибудь сюжеты, детали, имена из этих легенд воссозданы в “Сказании о Лотаре Биче”?

И.Г.: Мать и бабушка произносили именно “платт-дайч”, а не “платт-дойч”. Относительно фольклорных элементов. В историях, которые я слушал, присутствовали седовласый толстяк и коварная красotka. У меня они — Фердинанд и Хельга. Ради интереса я представлял их себе существами из потустороннего мира, принимающими человеческий облик. В “Сказании” фигурирует ревнивый муж, который, уезжая по делу, нанял художника, чтобы тот разрисовал лошадами тело молодой

жены. Это из анекдота, его мне по-немецки рассказала мать. В нескольких историях появлялась хорошенькая ветреная госпожа Лизелотте (у меня она — Лизелотта). Образ матери моего героя несчастной Лотты отчасти навеян поговоркой: “Gottin, Gottin, sprach Lottin, sieben Kinder und kein Mann!”.

Е.З.: Корни характера и художественной “биографии” главного героя, очевидно, не из фольклора?

И.Г.: На характер Лотаря Биче некоторым образом “повлиял” чёрный цыган из баллады, которую мне пела бабушка. Лотарь — родственник и Тиля Уленшпигеля (кстати, Шарль де Костер взял этот образ из фольклора). Но Тиль не колдует. А Лотарь бывает сильнее обычных людей, волшебный дар, например, помогает ему превзойти искусного художника, защитить возлюбленную от ревнивца. Но Лотарь Биче не всемогущ, ему тоже приходится страдать. Мне кажется, такой он интереснее.

Е.З.: Широко ли издан фольклор немцев Поволжья? Какие сборники самые известные?

И.Г.: Увы, читать фольклор немцев Поволжья мне не доводилось.

Е.З.: Откуда пришло само это имя?

И.Г.: Фамилию Биче носил мой друг детства. Я посмотрел в словаре, что она означает, — и это вполне подошло для “Сказания”.

Е.З.: Bitsche — деревянная чаша с крышкой. Вы переводите для русского читателя прозвание Лотаря, доставшееся ему от воспитавшей его ведьмы, “горбатой Биче”. Насколько знакомо это имя?

И.Г.: Я представлял старуху-ведьму, склонившуюся над деревянной, почерневшей от времени чашей с колдовским зельем. Стоит приподнять крышку — и с лёгким парком начинает распространяться неведомый пленительный аромат... Лотарь по прозвищу Биче наделён даром очаровывать.

Е.З.: Имена любви многолики, как и само это вечное чувство. Вы подняли фольклорные истоки любви. Но у вас есть произведения, в которых любовь показана в современных условиях — “Близнецы в мимолётности”, “Страсти по Матфею”, “Гримаска под пиковую точку”...

И.Г.: У моих героинь есть реальные прототипы. Я хорошо знал этих женщин, ими невозможно было не восхищаться. Судьбы их складывались несчастливо, но как самоотверженно они приходили на помощь!

Е.З.: В вашем рассказе “Страсти по Матфею” есть удивительная притча: “Жил-был кузнец, молодой, сильный. Однажды в лунную ночь к его кузнице подсакала юная всадница, потребовала подковать её лошадь. Кузнец восхитился девой и принялся умолять, чтобы стала его возлюбленной. “Я — дочь Богини Луны, — заявила та, — и если снизойду до тебя, ты понесёшь наказание!” Кузнец вскричал: “Если меня не ждут смерть или телесные муки, я согласен!”

Наездница снизошла...

Когда потом она вскочила на коня, молодец спросил, явится ли она к нему ещё? “Жди!” — крикнула дева и ускакала.

А поутру случилось... Кузнец взял клещами подкову, и вдруг та делалась идеально круглой. Столь круглой, что не пришлась по копыту.

С той поры так делалось всегда. У него перестали ковать лошадей. Он начал голодать, как вновь прискакала всадница. Кузнец страстно обнял её.

“Тебе нравятся мои подковы? — спросила она. — Ты счастлив наказанием?” — Счастлив-то счастлив, — отвечал он, — да было бы чем добывать пропитание”.

“Ну, это просто! — улыбнулась дева. — Один мой поцелуй — и тебе никогда не придётся думать о хлебе”.

“Тогда люди скажут — я живу воровством...”

И был ему ответ:

“А я могу полюбить и вора!”

Эта притча — предмет вашей авторской фантазии? Какие смыслы и подтексты заложены в этой притче?

И.Г.: Притча придумана мной, чтобы глубже высветить характер героя и сделать этот образ типом. Героиня, рассказавшая притчу, не задумывается, что та соотносима с её другом. А он это понял. Большого сказать не могу — иначе рассказ будет мёртв. Читатель, размышляя, сам увидит то, что видно не сразу.

Е.З.: О каких талантливых иллюстраторах ваших произведений вы бы хотели упомянуть?

И.Г.: Мою первую книгу “Русский эротический сказ” отлично проиллюстрировал молдавский художник Михаил Бруня. Выразительность его рисунков усиливает настроение жизнелюбия, которое я постарался отобразить. Дух другой моей книги, переведённой на немецкий, верно и с большой силой проникновения передал Христиан Ромаккер. Мне очень нравятся иллюстрации Юрия Диденко, живущего в Ганновере. В мастерских рисунках много динамики, ею подчёркивается напряжённость сюжета. Превосходны работы Тамары Ивановой, выпускницы Московского полиграфического института. В работах прослеживается влияние русского супрематизма (Малевич) в симбиозе с западноевропейским оп-артом (Виктор Васарели) и поздней графикой Арт-деко. Тамара — профессионал в книжной и компьютерной графике, в области создания книг — художественных объектов.

Е.З.: Игорь, с какими писателями из России и других стран СНГ вы сохраняете тесные контакты?

И.Г.: С начала 80-х я дружу с московским писателем Вардваном Варткесовичем Варжапетяном, автором прекрасных романов об Омаре Хайяме, Франсуа Вийоне, Григоре Нарекаци и многих других книг. Столько же лет длится моя дружба с молдавским писателем, доктором искусствования Константином Борисовичем Шишканом. В 80-е годы, будучи главным редактором журнала “Кодры”, он организовал при нём литературную мастерскую, я там занимался. В 1986-м Константин Борисович опубликовал в журнале мою повесть “Это я — Елена!”.

Е.З.: Как вы относитесь к современной немецкой литературе? Какие немецкие (германские) писатели 1990-2000 гг. сейчас особенно популярны и читаемы?

И.Г.: По-прежнему популярен Гюнтер Грасс. Публика любит Владимира Каминера, его книги расходятся большими тиражами, он признан видным представителем германской литературы. Не знаю, насколько популярен Бернхард Шлинк, но от его романа “Чтец” я в восторге. Неплохи книги молодых авторов Рикарды Юнге “Никакой чужой страны”, Бернхарда Келлера “Игра во тьме”.

Е.З.: Стал ли Берлин для вас второй (может, третьей?) родиной?

И.Г.: Именно третьей. Второй родиной была Молдавия. Там я женился, там у нас родилась дочь. В Молдавии после 1986 меня часто публиковали в журналах, в альманахах, в коллективных сборниках. О вышедшей там первой книге я уже сказал. Я переводил по подстрочнику стихи молдавских поэтов Петру Заднипру, Василе Галайку, Лидии Унгурану и других, состоял в Ассоциации русских литераторов, там было замечательно интересно. Уезжая, думал: а что будет в Германии? Встреча с Берлином неизгладима в памяти. Здесь необыкновенно тепло отнеслись ко мне, к моей семье. Общество друзей Московского университета устроило мою встречу с читателями. Издательство “Volk und

Welt”, существовавшее до 1999 года, предложило издать книгу. Сама атмосфера Берлина как-то очень подошла мне. Здесь я и моя семья — у себя дома. Дочь окончила частную гимназию, войдя в пятёрку лучших, и поступила во Freie Universität на факультет публицистики.

Е.З.: Берлин, вернув себе статус столицы и ещё больше увеличив свою притягательность, является сейчас крупным литературным центром. Соприкасаетесь ли вы с немецкими литераторами Берлина? Принимают ли российско-немецкие писатели активное участие в литературной жизни столицы Германии?

И.Г.: Мне известны несколько объединений российско-немецких авторов в Берлине, но не берусь судить, насколько активно их участие в литературной жизни столицы. Немецких же литераторов я знаю по “Берлинскому литературному коллоквиуму”, вижу их в литературных кафе.

Е.З.: Такие широкоизвестные литературные организации, как “Берлинский литературный коллоквиум”, обладающий своим фондом и собственной виллой на берегу Ванзее, как-то способствуют развитию литературы русланддойче или нет?

И.Г.: Я более десяти лет состою в “Берлинском литературном коллоквиуме”, но не помню, чтобы там проходили встречи с российско-немецкими литераторами. Не исключено, что я мог пропустить встречи.

Е.З.: Наблюдается ли ещё противостояние восточного и западного литературного Берлина?

И.Г.: Думаю, что противостояния ныне нет. Это, к примеру, следует из книги Роланда Бербига о неофициальных контактах писателей Западного и Восточного Берлина. Автор, рассматривая 16-летний период после падения стены, опирается на многочисленные высказывания, интервью таких писателей, как Криста и Герхард Вольф, Гюнтер Грасс и таких, как Андреас Коциоль, Габриэла Штётцер.

Е.З.: Есть ли в Берлине уголок, который напоминает вам Россию или Молдавию?

И.Г.: В Берлине несколько озёр, отдельные особенно живописны. Одно, совсем небольшое, Плётцензее, напоминает мне окружённое лесопарком озеро в Кишинёве, в районе Боюкань.

Е.З.: Стал ли Берлин предметом вашего изображения?

И.Г.: Я рассказывал, как в юности ездил с другом по южноуральским деревням. И теперь у меня есть друг, коренной немец, с которым мы ездим по земле Бранденбург и соседним землям. Чувствую, что скоро у меня накопится достаточно впечатлений, чтобы начать писать для русской публики о современной Германии и, в частности, о Берлине.

Е.З.: Игорь, вы — российский немец. В рецензии А. Кучаева на ваши повести о гражданской войне вы представлены как “русский немецкий писатель”. Русско-немецкое двуединство сквозит во многих ваших произведениях... Считаете ли вы российских немцев самостоятельным этносом, возникшим под влиянием истории?

И.Г.: У меня нет в этом сомнений.

Е.З.: Константы вашей жизненной и творческой позиции?

И.Г.: Неприятие всякого рода упрощений и обобщений. Скепсис по отношению к официозу. Постоянство иронического взгляда, в том числе на самого себя. Максимум требований к тому, что пишешь. Стремление населять духовное пространство интересными героями.

Елена ЗЕЙФЕРТ

МИША ЦУК: «ИНЫХ НА ЗЕМЛЕ НИКОГДА И НЕ ПОМНИЛИ»

Миша Цук... Есть стихотворения, которые остаются, нет, не памятником — памятью, образом, живым и значимым, и не важно уже, что автора, написавшего эти стихотворения, уже нет рядом... Стихи, которые — не надо учить и запоминать — выплыла в памяти строчка, и вот оно — защемило сердце, вспомнились образы, и вот, как первый раз...

«Она не создавала образ, а отвечала на вопросы.
Она не создавала образ, когда сидела на золе,
И если думала о принце, перебирая мак и просо,
То не для образа конечно, а просто чтоб не заболеть...»

Поразительно, героиня «Золушки», как мне кажется, дает ответ на извечный вопрос — «Зачем пишется?...»... Просто, что б не заболеть... Выплеснуть из себя, печально или иронично, нежно, или ругаясь — просто убрать тяжесть на сердце, которая горит, давит и заставляет писать... Это необходимость, это — лекарство... И тогда появляется надежда.

Он дома ходит в теплых тапочках,
Он — мастер дыма между строк,
Он очень несамодостаточен
И абсолютно одинок.

Ему любви бы, ну немного бы.
Ему бы славы на пятак,
Но не несут от бога богова
И нет любви, и все не так,

И небо хмурится и хмырится,
На десять тысяч дней вперед,
Пока веревка в гости мылится,
Пока судьба гадалке врет,

И жутко тошно от излишества
Взаимы полученных щедрот...
Но может быть еще напишется,
Вернется, сбудется, придет.

Как много в стихах Миши обращений! К ушедшим и ныне живущим поэтам, друзьям, знакомым... эти строки, которые шли из его сердца, были той ниточкой, которая связывала, нет, сшивала, стяжек за стежком, его с миром, который он создал и в котором жил. В который возвращался.

Вернуться в Россию. Войти в Ярославский вокзал,
В предчувствие тайны взглянуть в сибирские лица.
Вернуться в Россию? Но я же ни разу не взял?
И даже давать не умел? Так придется учиться.

Вернуться в Россию. Найти неизвестный овраг,
Упасть на траву и обняться с ближайшей корягой.
Вернуться в Россию? Туда ж не пущают Варяг?
И пусть не пущают, а ты притворись неварягом.

Вернуться в Россию. Принять свою долю вины,
На старости лет перестать разрываться на части.
Вернуться в Россию? Но там же одни топтуны.
Снуют по экранам и любят большое начальство.

Вернуться в Россию когда ностальгия — обман,
Голодному волку приманка из свежего мяса.
Но надо вернуться, иначе не жизнь, а роман,
Бульварный роман для здорового среднего класса.

Этот образ — возвращения, в стихах Михаила проходит не просто эмигрантской ностальгией — для него — «возвращение» — путь туда, где, быть может, не сладко, где бывает плохо и больно, но там — те, кто помнят и понимают. Это — возвращение в мир друзей, в мир, где хотя и холодно, но светло... И не важно, где он — этот мир, на Байкале, на Балтике или на Карибах — там можно быть собой, там можно — летать...

Знаешь, Анюта, когда далеко и не слышно,
Хочется каждую букву руками потрогать,
Правда в итоге все слово становится лишним,
Впрочем, для этого нужно дожидать до итога.

...Грешен, ищу вдохновенье в твоём Баргузине,
Пресной байкальской воде и пустом разговоре,
Не доверяя все яйца надежной корзине,
И не пытаюсь топиться в единственном море.

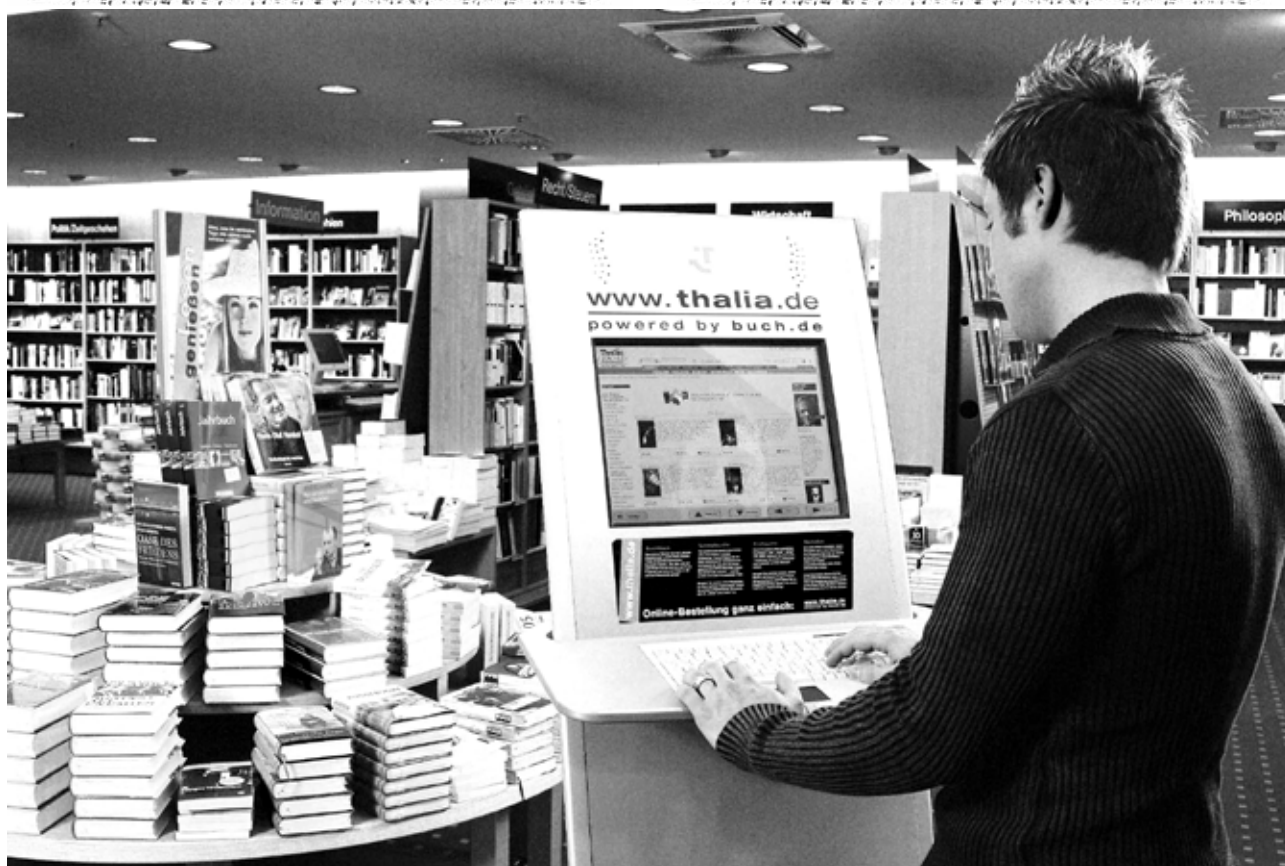
Но не суди с азиатскою строгостью, ибо,
Пресной байкальской водой разбавляя заботы,
Я все мечтаю, что ты прилетишь на Карибы,
Все-таки птица, а значит способна к полету.

Наверное, в тот день, когда Миши не стало, рядом не было бумаги и чистого листа, и он не успел создать тот мир, который создавал, с его героями — теми, кто был, и теми, кто есть, не успел перенести на бумагу свою боль, и свою надежду... Не успел... Нам остается — помнить.

...Да, стихи как и люди, пока что живут умираючи,
Потому что поверхностью правит момент отвлекающий:
Вот недавно, известный коктейль Вячеслава Михальча,
Из бутылки как джин, обернулся предметом летающим,

И от разных чудес происходит умов изобилие,
И эмоции тоже плодятся и множатся к полночи,
И не стоит скорбеть, что почти на земле позабыли вас,
Потому что иных на земле никогда и не помнили.
(«Ярослава Смелякову»)

Олег СМАГИН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГЕРМАНИИ

Ситуация

Я живу в небольшом городке Оффенбах-на-Майне, бывшем предместье Франкфурта. В своё время он сильно пострадал от бомбежек и от старого города остался только маленький исторический район. Но и в крошечном старинном центре есть два крупных книжных магазина, а также пара-тройка магазинчиков поменьше.

Как ни зайду в магазин — что в большой, что в малый — всегда там есть народ. Не толпа покупателей, но и не пустота большинства парфюмерных или текстильных салонов. А ведь книги в Германии — это дорогой товар. Но покупают их очень охотно: например, в прошлое Рождество книга заняла почетное первое место среди подарков. Попытаюсь найти знакомые имена на ярких лаковых обложках.

Оказывается, это не так просто. В своём абсолютном большинстве имена авторов мне совершенно незнакомы. Исключая, пожалуй, детективный жанр и научную фантастику. Да и там это десяток знакомых имен — Саймак, Азимов, Кинг, Чейз, Шелдон...

Заметно, что явное предпочтение издатели отдают детективам, триллеру-ужастику и, как ни странно, историческому роману. Есть разделы африканской и азиатской переводной литературы, но более всего среди переводных изданий авторов из англоязычных стран. А теперь попробуем найти на магазинных полках переводные произведения русских писателей. Мне это удавалось всего несколько раз. За последние четыре года купила «Люди, как боги» Снегова, «Один день Ивана Денисовича»

Солженицына и «Лолиту» Набокова. Два раза видела на полке детективы Марининой и Донцовой.

Что это? Отсутствие у читателя интереса к русской литературе, невнимание издателей к её классикам и небрежение современниками? Может быть, русских писателей не переводят и не издают в современной Германии?

Давайте обратимся к консультанту в книжном магазине и, о чудо, оказывается, что переводят и издают, и Вы можете купить книги многих авторов, если знаете их имена. Следует заказать в магазине нужную Вам книгу, и вы её получите через пару дней. Но есть тут маленькая хитрость — если Вы знаете автора или название книги! А если Вы обычный немецкий бюргер и малознакомы с русской литературой, то у Вас практически нет шансов заметить её авторов на полках магазинов. Нет отдельных полок с названием «русская литература», либо стендов с рекламой только что изданного в Германии, например, Варлаама Шаламова.

Русских авторов издают в Германии постоянно и список их имён достаточно велик — во всяком случае, куда больше списка немецких авторов, издаваемых в России. Но тиражи небольшие, и поэтому книги не мозолят глаза покупателю, привлекая его внимание своим постоянным присутствием. Если задуматься, каким образом читатель знакомится с книгой, то окажется, что основным местом знакомства будет школа, затем книжный магазин, библиотека, и обязательно реклама в масс-медиа.

Последовательно проходя по ступеням этих встреч с книгой, я поняла, что имена современных русских писателей вычеркнуты из рекомендуемого немецким обществом списка культурных артефактов — за

исключением всего нескольких имён, которые я бы назвала именами массовой культуры. Как ни странно к ним относятся Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, Гоголь. Именно они традиционно включены в обязательный список. Эти имена «на слуху», и если спросить обычного гражданина о русской литературе, то он с уверенностью назовет Достоевского и Толстого, даже не прочитав ни одной строки из книг.

В описанной ситуации литература играет свою первую значимую роль — знаковую. Она разъединяет общество на слои и объединяет его, как нацию. То, что Вы читаете, является отличительным знаком Вашей принадлежности к группе. Всё равно какой — профессиональной, религиозной, политической. Главное, что Вам есть о чем поговорить в этой группе, вас в группе объединяет общее знание культурных артефактов.

В этом смысле слависты в Германии могут бесконечно обсуждать стилистику и духовность русской литературы, это их таинственный язык «жреческого Знания», но он имеет мало отношения к реальному читательскому интересу. А вот то, что немцы в общей своей массе знают три-четыре имени русских писателей, объединяет их в одну большую национальную группу. Они ВСЕ знают эти несколько имен. Им назвали эти имена со страниц газет, журналов и экранов ТВ. Это общее знание, освящённое общим источником его получения. И это знание сплачивает общество в нацию.

Господин Вебер в своей статье «Что ждет западный читатель от русской литературы?» уверенно утверждает, что русская литература в Германии и Австрии хорошо известна широкому кругу общественности, начиная от математиков и заканчивая просвещенными домохозяйками. И этот широкий круг просвещенных немцев, якобы, бесконечно ждёт нового русского слова в литературе.

К сожалению, я не заметила таких тенденций в окружающем меня мире. Зато я знакома с узким кругом славистов франкфуртской школы, которые действительно любят русскую литературу и хорошо в ней разбираются. Отвечая на вопрос Вальдемара Вебера, «что ждет западный читатель от русской литературы?», я могу уверенно сказать: ничего. Потому что сама постановка вопроса оторвана от жизни, и он окружен туманом романтического идеализма.

Западный читатель не есть нечто монолитное и усредненное. Он многолик и разнообразен, но в своей преобладающей массе ожидает от литературы развлечения. Что от русской, что от родной — немецкой. Эта вторая важнейшая функция литературы — развлекать — настолько сильна, что её основы не поколеблют даже электронные игры и немецкий футбол.

Скорее всего, человеческая психика накрепко связана с управляющим значением слова. Именно слово сильнее всего будит наше воображение и, зачастую, это совершенно не связано с качеством текста, как не связана коробочка на веревочке, которую тянет малыш, представляя вместо неё прекрасную машину, с самой машиной. Смысл литературы ниоткуда не извлечешь, его получаешь из собственного воображения. Доколе литература может развлекать и будить воображение, дотоле она бессмертна. Это утверждение никак не согласуется с общепринятым в России понятием о её высокой воспитательной роли и миссии автора-пророка спасать человечество или свой народ от Антихриста. Но в Европе и Германии этот психологический этап давно пройден, и книга стала товаром, перестав быть мессианским знаменем культуры. Да и сам европейский автор в эпоху постмодерна давно не претендует ни на что, кроме исследования глубин собственного подсознания.

Однако книжный рынок Германии учитывает интересы не только большинства, жаждущего развлечения, но и многочисленные желания разнообразнейшего меньшинства. Поэтому говорить огульно, чего ждет

и что читает немецкий бюргер невозможно. Наряду с массовой литературой существует литература для избранных. К ней, пожалуй, и относится в Германии русская литература.

Я не подразумеваю под этим определением «читиво» для интеллектуальной элиты. Я говорю лишь о специалистах. Например, о тех, кто посвятил себя изучению русского языка, культуры России, её истории. Для этого очень узкого и специфического слоя общества есть богатый выбор русских авторов в переводах. Эта литература не лежит постоянно на полках книжных магазинов, но она издается и вполне доступна для знающего человека. Вы легко можете узнать в любом книжном магазине, изданы ли книги, например, Маканина и Улицкой, Рубиной и Айтматова, Пелевина и Булгакова, Алешковского и Алексиевич. И, безусловно, найдете этих авторов в переводе на немецкий язык, сможете заказать их книги и выкупить на следующий день.

В России бытует мнение, что русские издаются в Германии или за свой счет, либо за счет грантов от факультетов славистики. Ничего не могу сказать по поводу первого, но хорошо знаю, что факультеты славистики в Германии ведут настолько скромный образ жизни, что финансирование подобных литературных проектов им просто не под силу. Думаю, это заслуга немецких издательств — открывать новых русских авторов и печатать их на свой страх и риск.

Судя по тому, как издают в Германии Людмилу Улицкую, она вошла в проект своего немецкого издательства и теперь её печатают столь же обильно, как и Толстого. Собственно, вся загвоздка успеха для автора — это найти издателя, который продвинет его на немецкий рынок. Для этих целей существуют книжные ярмарки и личные знакомства автора в немецких кругах.

Не хочу спекулировать размышлениями о современных авторах. Но, вспоминая классиков, я постоянно наталкиваюсь на мысль, что тесные европейские знакомства, основанные на семейных связях, на бесконечных курортных поездках русских литераторов в Германию, их приятельства в казино и салонах, были не последним фактором получения европейской известности Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева и Гоголя.

Могу привести пример из живописи 20-го века. Большое количество русских художников-символистов хорошо известно в Европе, но только потому, что все они подолгу жили в ней, учились, устраивали в Париже и Берлине свои выставки. Даже любимый революцией 17 года Петров-Водкин включен в список мировых известностей, а вот Борисова-Мусатова в Европе практически не знают, хотя он тоже символист и прекрасный художник. Но он мало ездил по чужим странам, вот его и не заметили.

И тут возникает мысль о замкнутости любой национальной культуры «на себя». Она принимает в своё лоно только того, кто ей знаком и говорит на её языке — в самом прямом смысле слова. Знание немецкого языка во многом поможет автору при выборе издательства или литагента.

А теперь вспомним, что весь период советской власти был связан с вытеснением немецкого языка в сельские и провинциальные школы, а в центрах и крупных городах изучался преимущественно английский. Был прерван процесс обычных человеческих связей, пусть даже между узкими слоями общества, но именно эти слои определяют интерес нации к чужой культуре. На более чем семьдесят лет родственные и культурные связи с Западной Германией были прерваны. Только теперь они возрождаются, хотя бы в виде туризма. Но туризм этот направлен преимущественно в одну сторону — из России в Европу. Популярность русских курортов и путешествий невелика и бюргер скорее поедет в Африку, чем на Алтай. Поэтому издается много книг об Африке и уже начали появляться переводы авторов из Кении, Найроби и Зимбабве. Та же история происходит с азиатскими литераторами.

• БЕСЕДЫ С АННОЙ НИКОЛЬСКОЙ-ЭКСЕЛИ

Словом, куда бургер едет в отпуск, о том он и желает что-то читать. И в этом сказывается третья функция любой литературы — познавательная.

С ростом информационных потоков через Интернет и ТВ эта функция сильно упала в цене, но, тем не менее, не исчезла совсем. Потому что, если о климате и красотах страны можно узнать из телепередач, то о «таинственной национальной душе» можно вычитать только в книгах. Автор только и делает, что разворачивает перед читателем особенности национальных характеров в образах своих героев.

Думаю, что только личные связи людей, пересечение их дорог и интересов, порой совершенно неожиданных, может возродить массовый интерес к русской литературе. Впрочем, был ли он когда-либо и возможен ли вообще? Не является ли массовый интерес к чужой литературе признаком её навязанности извне, её насильственной импортированности по заказу неких политических или экономических кругов? Не говорим ли мы сами о насильственном внедрении американской культуры в европейскую, когда вспоминаем засилье англоязычных авторов на книжном рынке Европы или о бесконечных блокбастерах на экранах любых национальных ТВ-программ?

Ведь куда естественней для обычного человека более всего интересоваться своей культурой и литературой, что, собственно, и происходит в любой человеческой общности — нации, государстве. И только через призму развития собственного общества мы готовы рассматривать интеграцию в него чужих элементов. Собственно, это и есть национальная идея в чистом виде — преобладающий интерес к собственной истории, литературе, к личности, как носителю этой культуры и к автору, как последователю этой личности. Вы задавали себе когда-нибудь вопрос, как человек знакомится с художественной литературой?

Детский вопрос, и ответ на него тоже лежит в детстве. Нам читают книги мамы и бабушки, иногда папы, потом мы сами, встав на цыпочки, достаём книжку с полки домашней библиотеки. Потом мы идём в школу и с первого класса уверенно вступаем в страну русской литературы, где, начиная от Пушкина, доходим до современности. Что касается иностранной литературы, то знакомство с ней в школе скорее факультативное, чем обязательное, и часто ограничено двумя-тремя фамилиями чужестранных авторов, вскользь упомянутыми учителем русской словесности.

Я внимательно познакомилась в Германии с учебниками гимназии выпускных классов. С теми книгами, что готовят выпускника к сдаче труднейшего экзамена по немецкому языку и литературе. Сдают его далеко не все, а только те, кто выбрал своей будущей профессией язык и литературу.

Должна Вам сказать, что у меня сложилось очень уважительное отношение к гимназическому курсу по немецкой литературе. В нём глубоко и основательно изучается исторический процесс развития мировой литературы, её этапы, периоды, отличия и особенности. Но основой всегда является немецкая литература и только она. Весь процесс мировой литературы рассмотрен, с точки зрения развития немецкой литературы. От русской литературы в мировом процессе литературного развития участвует только Лев Толстой. Зато, что касается немецких авторов, то, начиная с 400 года от рождения Христа, рассмотрены достаточно подробно 620 авторов и их произведения. Честно говоря, мне стало обидно за своё школьное образование и за начала русской литературы, от которых мне в средней школе оставили Слово о Полку Игоревом. За ним сразу же начинался Пушкин.

Иностранная литература, в основном англоязычная, мощно внедряется в жизнь ребёнка не на уроках словесности, но со страниц ярких журналов, где печатаются топ десятки популярных переводных и отечественных новинок, с экрана кинотеатров и ТВ, и на уроках иностранного языка. В основном, дети изучают английский язык, поэтому и литература изуча-

ется англоязычная. Также не следует забывать, что школьники часто едут погостить в США, где активно включается процесс обмена культур. Словом, с англоязычной литературой всё понятно, она глубоко внедрена в немецкий быт и корни у этого внедрения очень глубокие.

Конечно, этот процесс замечен издательской индустрией, и продвигается ею дальше. Вот это и есть настоящая экспансия в немецкую культуру англоязычной литературы, не только вызванная политическими и экономическими отношениями двух стран, но и обоснованная историей — в первую очередь, второй мировой войной. Но существует ещё один исторический фактор, который немецкое общество сейчас не желает замечать в упор, но который исподволь, постепенно может изменить картину культурных взаимоотношений между Россией и Германией. Как говорил наш незабвенный лидер «Процесс пошел!» — и процесс этот уже невозможно остановить.

За последние двадцать лет в Германии появилось более трёх миллионов русскоговорящих жителей. Официально их называют переселенцами, немцами-переселенцами, но, объективно, это — русские люди с российским менталитетом, а главное — это носители русского языка. Сюда же следует добавить около полумиллиона русскоговорящих евреев, которых местная еврейская община безрезультатно пытается обратить в свою веру.

В глубине этой массы русскоговорящих людей вырастает новое поколение немецких граждан, чьи корни лежат в Петербурге и Москве, Одессе и Киеве, на берегах Волги или Амударьи. Это новое поколение выбирает свой новый стиль жизни. Оно ещё не определилось, не выбрало, что ему нужно, но русский язык, на котором многие уже плохо говорят, все равно оставил следы в их памяти и сознании. Ведь язык — это такое удивительное явление, которое навсегда меняет структуру мозга и, даже позабытый, оставляет свой след в сознании человека.

В Германии нет русской диаспоры. Официальные власти словно не замечают эти сотни тысяч людей, говорящих по-русски. Не видят в упор русские газеты, журналы, библиотеки, телевизионные каналы, праздники авторской песни, литературные конкурсы и театры. Но, практически в каждом городе в городской библиотеке уже имеется стеллаж с книгами на русском языке. До недавнего времени прекрасно функционировала книжная ярмарка русской литературы, ездившая по всей Германии. Существует два прекрасных книжных каталога Аврора и Janzen, где можно заказать новинки русской литературы. А самый большой немецкий интернетовский магазин книг Amazon.de вдруг стал торговать не только русскими книгами в переводе на немецкий, но и на русском языке. Это говорит о том, что, в отличие от политиков, деловые люди скорее замечают изменения в обществе.

В Германии существует много литературных объединений русскоязычных авторов. Крупных и маленьких, известных и не очень. В основном, это клубы литераторов-любителей. Они издают свои маленькие журналы и сами же их читают. Одно из таких объединений — Edita Gelsen, под руководством Александра Барсукова — выросло в достаточно известную издательскую группу, где автор может издать свою книгу за не очень большие деньги.

Издательской деятельностью занимается также Владимир Батшев во Франкфурте на Майне. На основе своего журнала «Литературный Европеец» Батшев создал Союз писателей Германии, куда можно вступить, заплатив соответствующий взнос и став автором журнала.

Но дело заключается совсем не в том, какие шедевры выходят из-под пера «самиздатовских» авторов Германии. Важно, что с их помощью, благодаря их усилиям создаётся благоприятная атмосфера для возникновения интереса к русской культуре и литературе в будущем.

• БЕСЕДЫ С АННОЙ НИКОЛЬСКОЙ-ЭКСЕЛИ

Молодое поколение немцев, что растет рядом с мамами и папами, которые «болеют» русской поэзией или прозой может неожиданно вспомнить об этом в иные времена своей жизни и потянуться душой к русской культуре. Обычно свои корни вспоминают в третьем поколении. Ну что ж, до третьего поколения осталось не так долго ждать.

Но только ждать — мало. Я уверена, что большинство исторических и культурных процессов зависят от желания и энергии отдельного человека. Нужно только очень захотеть и, забыв о страхе, взяться за дело.

Так произошло в 2007 году в Дрездене, когда Лада Баумгартен задумала и провела литературный фестиваль Дрезден-2007. В 2008 году фестиваль сменил своё имя, окреп и возмужал. Сейчас «Русский Stil» уверенно набирает обороты и пользуется такой популярностью в Германии и России, что задолго до окончания приёма заявок на участие в фестивале 2008 года, количество авторов-участников перевалило за 550 человек.

Организаторы фестиваля более всего надеются на долгую и успешную жизнь фестиваля. Ведь именно такие мероприятия более всего будоражат общественное мнение, создают прецедент литературного общения и приучают немецкое общество к мысли, что русская литература существует в реальности, её давно читают в Германии более 3 000 000 человек и уже поэтому ей стоит уделить самое пристальное внимание.

Организаторы фестиваля также надеются, что на фестиваль «Русский Stil» обратят внимание не только немецкая, но и русская общественность, потому что фестиваль работает на будущее — в развитие их взаимоотношений. Более того, фестиваль помогает сохранению русского языка за пределами России, а ведь чем больше в мире людей говорит по-русски, тем сильнее и многограннее связь мировых культур с русской национальной культурой. Тем значительнее становится влияние русской культуры на окружающий нас мир.

О конкурсе русский Stil — 2008

В истории любого конкурса есть начальная точка, где вызревает вопрос «Зачем его делать?» — и это, наверное, самый главный вопрос. Именные конкурсы в Сети — такие, как Волошинский или Гумилевский — созданы в напоминание о славных поэтах прошлого; пушкинский турнир в Лондоне — как место сбора пишущей братии из диаспоры; иные организаторы ищут молодые таланты, кто-то только русские. . . «Русский Stil» задумывался, как окно в европейский литературный мир и, одновременно, как связующая нить для всей русскоязычной культурной общности.

В России понятие культуры почти полностью описывается понятием литература. Так случилось, что именно литература всегда отвечала в России на вопрос «Что делать?» и она же описывала «Преступление и наказание», если сделано плохо. Нигде литература не была учителем народа в той мере, в какой она была в России. Поэтому, если говорить о русской душе, то стоит в первую очередь посмотреть, что эта душа пишет и читает.

Конкурс должен был стать «Окном в Париж» для малоизвестных авторов. Он мог открыть им дверь не только в родные издательства, но и на европейский книжный рынок — во всяком случае, мной он задумывался именно с этой целью. Поэтому и в названии конкурса фигурируют два слова — одно на русском и второе на немецком. А логотип конкурса, это европейское звездное кольцо, которое взрывает серебряная строка русского стиля. Мне хотелось издать итоговый сборник таким, чтобы его было не стыдно представить немецким СМИ, в университеты Германии, немецким издателям, работающим с русскоязычными авторами. Это

• ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

были большие и далеко идущие планы. Для их реализации была создана боевая группа единомышленников во Франкфурте-на-Майне.

Как уже говорилось, в 2007 году в Дрездене прошел фестиваль Дрезден-2007, устроенный Ладой Баумгартен. После его окончания Лада предложила мне взять на себя проведение следующего конкурса, на что я с радостью согласилась. Была создана творческая группа конкурса во Франкфурте и группа фестиваля в Штутгарте, и дело пошло.

Судейство

Прежде всего, нужно было собрать судейскую бригаду, да так, чтобы это были настоящие знатоки и любители литературы.

Я не ставила перед собой целью пригласить только чистых профессионалов. Ведь художественная литература пишется не только для избранных, но, в основном, для нормальных людей, значит, и судить её должны не столь люди с литературоведческими дипломами, но искушенные читатели. Поэтому в жюри конкурса были профессионалы со званиями кандидатов наук, режиссеры, преподаватели ВГИК, драматурги, администраторы литературных сайтов, редакторы электронных и бумажных изданий, переводчики с немецкого и просто поэты и прозаики. С удовольствием сообщаю, что во время судейства Елена Зейферт защитила докторскую диссертацию по литературоведению в московском университете на Воробьёвых горах.

При составлении положения о конкурсе и положения о судействе была принята концепция предварительного отсева работ, для чего они читались и отсеивались группой читателей до того, как попадали на окончательное судейство. Такой метод часто используется в различных конкурсах. Он имеет, как положительные, так и отрицательные стороны. Отрицательным является тот факт, что можно выплеснуть ребенка вместе с водой, а положительным будет уменьшение нагрузки на судей. Можно использовать иные схемы судейства, но каждая из них в чем-то хороша, а в чем-то плоха. Мы выбрали эту и придерживались её до окончания конкурса.

Моим глубоким убеждением является то, что любой конкурс не может быть идеальным и не должен претендовать на истину в последней инстанции. В конце концов, последним и главным приёмником текста является человек со своими вкусами, капризами и настроениями. И никакими силами нельзя убрать эту субъективную составляющую. Пожалуй, лучше всего было бы делать статистические выборки по большому количеству читающих, распределив их по одинаковым возрастным группам, культурным предпочтениям, регионам, столицам, национальности и т.д. и т.п. Но это был бы уже не конкурс, а социологическое исследование Центра Левады.

Я спокойно отношусь к победам или поражениям на конкурсах, потому что знаю, насколько разными могут быть мнения специалистов по одному и тому же тексту. Более того, наблюдая за судейством на конкурсе, я убедилась в одном очень интересном факте. Пока уровень произведения низок, практически все судьи сходятся в его оценке. Но, стоит произведению подняться над средним уровнем, как суждения людей становятся резко противоположными. Это говорит только о том, что мы не знаем, что хорошо, то прекрасно чувствуем, что плохо. Это сказал Сахаров и я с ним полностью согласна. Более того, скажу от себя, что критики не разбирают, где плохое, а где хорошее, они их просто создают. Создают по своему пониманию и вкусу.

Я бесконечно благодарна людям, которые согласились быть судьями конкурса, даже не представляя какой груз они взваливают на свои плечи.

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

В конкурсе приняло участие более 800 человек, а если учесть, что автор мог представлять разные работы в разных номинациях, то прозаических произведений пришлось прочесть более 500, а стихов более 1500 — и это за короткие три месяца приема заявок. Нагрузка была порой просто чрезмерной, и я вполне могу предположить, что суждения по иным текстам тоже могли быть иными при других обстоятельствах.

Так, например, в начале приёма заявок они поступали достаточно спокойно и судьям отсылалось по 25-30 стихов в неделю. Но, начиная с начала мая, эта порция возросла до 60-80 стихов за отсылку. И в самом конце пошел просто девятый вал заявок, когда в последнюю неделю мая на судейство пришло 200 рассказов и 500 стихов.

Если вначале судейства поэзии, судьям отправлялось всё, что хоть как-то можно было квалифицировать поэтическим текстом, то уже в конце мая были безжалостно отсеяны все стихи, что не произвели впечатления на вычитывающих. Конечно, тут могло быть много ошибок, не сомневаюсь, но это были непреднамеренные ошибки, связанные со случайными процессами, как-то усталость, замыливание глаз, желание поскорей закончить дело и пр.

Я считаю, что главным врагом любого конкурса является не «вкусовщина», что подразумевает литературные пристрастия читающего, а предвзятость и ангажированность судей. Вот этого на конкурсе не было, или же эта составляющая была сведена до минимума тем, что все произведения были закодированы и поступали к судьям без имен их авторов. Даже я, как организатор и администратор конкурса не знала имен авторов до самых последних дней конкурса. Тем не менее, я не исключаю, что некоторые судьи хорошо узнавали стихи или прозу знакомых авторов, даже под кодами. Но, тем не менее, я никому не делала замечаний по этому поводу.

На судей не оказывалось никакого давления, оценки не пересматривались ни в одном из случаев и то, что получилось в результате — это объективная реальность, а не смоделированный результат. Он может кому-то не нравиться. Но с этим ничего поделать нельзя. Скажу откровенно, что многие судейские решения, особенно в прозе, мне совершенно не нравятся. Я бы выбрала иных участников длинного листа и победителей в том числе, но дело сделано и изменениям не подлежит.

Участники конкурса

Хотя конкурс Русский Stil был задуман, как международный, но основное количество произведений пришло из России. Благодаря широкомасштабной рекламе, о нем узнали в самых отдаленных уголках страны. Я и представить себе не могла, в каких медвежьих углах стало известно о конкурсе.

И это ещё раз подтверждает мысль, что литература неистребима. Несмотря на всяческие кризисы, революции и засилье иных развлечений, кроме писательства и чтения — человек писал, пишет и будет писать до скончания своего человеческого рода. Это его природное свойство — творить словесный мир, и вытравить это качество можно только, убив человека физически, или духовно.

Конечно, большинство из присланных работ не отличались высоким художественным уровнем, но странно было бы ожидать вулканического извержения шедевров. Талант — это штучное изделие Бога и массовость творчества не означает массовое появление талантов.

Однако на конкурс пришли прекрасные авторы, чьи имена могут быть гордостью любого конкурса. Это — Татьяна Калашникова, Елена

Максина, Елена Тверская, Елена Миронова, Алексей Сомов, Александр Бурш, Надежда Далецкая, Людмила Куликова, Эрнест Стефанович, Андрей Шульгин, Борис Лапицкий, Сергей Вараксин, Ирина Фуфаева, Ирина Аргутина, Ната Сучкова, Татьяна Кудинова, Татьяна Игнатъева, Ольга Агур, Николай Шилов, Владимир Беляев, Иван Белецкий, Сергей Матросов, Андрей Грязов, Светлана Ширанкова, Валентина Криш, Марина Генчикмахер, Виктор Батраченко, Наталья Артеменкова, Ирина Фещенко-Скворцова, Анастасия Яковлева-Помогаева, Татьяна Эйсер, Людмила Рогочая, Александр Амосин, Николай Почтовалов.

Могу сказать, что лично для меня стали прекрасным открытием в поэзии имена: Ольга Ромашова, Татьяна Кадникова, Елена Асенчик, Ольга Есликова, Илона Тайх, Нахум Виленкин, Александр Кораблев, Максим Бородин, ЛенКа Воробей, Нина Ягодинцева, Иван Несмирный, Юлия Мешавкина, Сергей Вараксин, Денис Берестов, Александр Кораблев.

Что касается прозы, то истинного удовольствия она принесла куда меньше, но за некоторыми новыми для меня именами, буду теперь следить с искренним интересом. Мне очень понравилась проза Ольги Фирсовой, Евгения Козинаки, Марка Штейнбаума, Виктора Корсукова, Дмитрия Щелокова, Александра Волковича, Наума Винарского.

В конкурсе приняли участие много людей, я благодарна всем без исключения за то, что они доверили нам судить их работы. Это очень ответственное дело — судить чужое литературное детище и каждый судья обязан быть внимательным и чутким читателем, чтобы даже заочно не обидеть и не навредить человеку, стоящему за каждым произведением. Мне присылали работы с Камчатки и станицы Вешенской, ученик 9 класса и механизатор-тракторист, люди неблагополучной судьбы и инвалиды. За каждой из работ стоит чья-то судьба и надежда. Я всем им хочу сказать — «Спасибо за участие и не расстраивайтесь, что не попали в победители. Это не важно. Главное, что вы любите литературу и пишете на русском языке»

Как ни странно, именно эти люди, не имеющие докторских степеней по литературоведению, поддерживают родной язык, развивают его, совершенствуют и владеют им, не имея никакого понятия о его сложнейшей математической и лингвистической структуре. Это ещё раз подтверждает мысль, что язык и желание творить слово заложено в человека, как программа, неотделимо от него, и поэтому высокомерные размышления о избранности литературного творчества и себя в частности, так свойственные некоторым литераторам «в верхах», являются полной чепухой. Человек творит слово по природе своей. По образу и подобию своего творца, а что и как становится шедевром, это дело индивидуальных качеств и случая. Ибо случай и есть тот вершитель судеб, который возносит их на вершину успеха.

Вот таким случаем и хотелось мне сделать этот конкурс.

Окололитературные наблюдения

Я не буду писать критические заметки относительно произведений, отобранных мною в сборник по итогам конкурса. Оставляю эту участь критикам. Хочу высказать только своё общее впечатление от присланных работ, их тематики и направленности. Ведь, как уже сказала, для того, чтобы понять душу народа, проще всего почитать, что же он пишет о себе.

Касательно поэзии говорить можно долго и бесполезно, потому что материя её сложная и тонкая. Саморефлексия переплетается с пейзажными картинками и реминисценциями к Богу. И, тем не менее, среди понравившихся стихов чрезвычайно мало острых социальных зарисов-

вок, которыми был так славен, увы, покойный ныне Игорь Алексеев. Вот кто умел двумя, тремя поразительными метафорами поставить всё на свои места в этом мире. Стихов такой силы и социальной остроты в присланном я не нашла. Наиболее близки к Игорю по жгучей, жалящей правоте своих строк Иван Несмирный и Юлия Мешавкина. Однако есть и иные, поразительные по своей психологической глубине образы и метафорические переносы в поэзии Наты Сучковой, Ирины Аргутиной, Сергея Матросова. Перевернула душу Светлана Ширанкова.

В общем и целом поэзия меня порадовала. Можно сказать, что она крепко стоит на ногах и наверняка в ней существуют ещё десятки очень интересных поэтов, чьё место не на конкурсах, а в толстых журналах и на полках библиотек.

Что касается прозы, то, прочитав весь массив текстов, я смогла с интересом вспомнить лишь некоторые, нечастые удачи авторов.

При этом наблюдается весьма интересная картина в выборе тематических сюжетов. И картина эта настолько удручающая, что действительно, по ней можно составить очень неблагоприятную картину нынешнего российского образа жизни. Огромное количество работ рассказывает о беспризорности то в жутких, то в слащавых рождественских тонах. Вторая преимущественная тема, это заброшенность стариков и их бесчеловечные условия существования. Третья тема, это мотив смерти, причем бессмысленной и нелепой. И четвертый лидер, это военные реминисценции. Очень мало работ позволяет заглянуть во внутренний мир героя или автора. Все они раскрывают внешние обстоятельства и накрепко с ними связаны. И обстоятельства эти, как правило, ужасны.

Практически не было работ с «самокопанием», рефлексией, с желанием понять себя, а не обстоятельства жизни, но именно это является основным направлением европейской литературы. Практически полностью отсутствовали рассказы с юмористическим подтекстом. А если такие встречались, то юмор был очень плохого качества.

Публицистика и литература для детей вообще не порадовали никакими успехами. Для того, чтобы написать зрелую публицистическую статью нужен огромный опыт и багаж знаний, иначе это не публицистика, а кухонные разговоры. А детскую литературу не следует путать с литературой о детях, что сплошь и рядом случалось с конкурсными работами.

В связи с тем, что из всего массива публицистики не удалось выделить текстов для создания отдельной номинации, пришлось включать её в состав определения ПРОЗА и судить всё вместе. То же случилось и с прозой для детей. К счастью, в поэзии были прекрасные представители этого поэтического направления, и мне удалось выделить поэзию для детей в отдельный раздел. Там есть победители и достойные победители.

Мы рассчитывали, что в номинации на немецком языке будет много работ авторов из Германии, уже свободно пишущих на немецком. Но их было не так уж много, хотя победителей определить всё же удалось. А вот общее количество авторов из Германии было совсем невелико, всего по разным номинациям — 63 человека. Но в номинации «поэзия» первое место заняла Валентина Криш, русскоязычная жительница Германии и очень талантливая поэтесса.

Вообще в конкурсе приняло участие множество титулованных авторов. Это были члены различных союзов писателей, лауреаты многочисленных премий и конкурсов, просто профессиональные литераторы — журналисты, писатели. К счастью мы, как судьи, не знали их регалий во время судейства, иначе оценки могли быть совсем иными. Что поделать, человек слаб и зачастую магия имени заменяет магию текста.

В заключение хочу сказать, что конкурс, по моему мнению, удался. В нем приняло участие множество людей. Победителями стали не только известные, но и совсем незнакомые публике поэты и прозаики, конкурс не был ангажирован ни личными интересами, ни чужими деньгами, ни политическими условиями.

Поэтому я желаю всем его участникам только здоровья, добра и новых творческих успехов.

Результаты конкурса русский Stil — 2008

ПОЭЗИЯ

Победители:

Валентина Криш. Женщина

Ольга Ромашова. «Березняк над кручей белой-белой...»

Алексей Сомов. «Запомни: скорость света превозмогает тьму...»

Отмечены: Ирина Аргутина, Наталья Сучкова, Татьяна Кудинова, Елена Миронова, Елена Максина, Елена Тверская, Татьяна Игнатьева, Евгений Сухарев, Маргарита Борцова, Татьяна Кадникова, Елена Асенчик, Ольга Агур.

СТИХИ НАШИМ ДЕТЯМ

Победители:

Харламова Елена. Чем пахнет утро?

Крупина Наталья. Темнота

Стефанович Эрнест. Два цыплёнка

Отмечены: Зинаид Лукьянова, Надежда Буранова, Лидия Слуцкая, Зоя Соснина, Наталья Зубарева, Максим Бородин, Надежда Моисеева, Валентина Черняева, Алёна Чубарова, Ирина Егорова, Марина Генчикмахер.

ПРОЗА

Победители:

Салтуп Григорий. РЫБАКИ»

Нежигай Ирина. ЗЕБЕК И МОРЕ

Донец Екатерина. Мумазель Жули

Людмила Куликова-Зюдкамп, Елена Девятова, Мария Косякова, Андрей Шульгин, Сергей Вараксин, Анжелика Мелкумова, Татьяна Кудинова, Борис Лапицкий, Ирина Фуфаева, Игорь Кораблев, Илья Криштул.

СТИХИ НА НЕМЕЦКОМ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Победители: Майя Осенняя, Юрий Герловин, Марина Лейшель.

Елена РЫШКОВА

Примечание. К сожалению, руководство конкурса «Русский Stil — 2008» не сумело организовать на высоком уровне награждение победителей. Чтобы ни от кого больше не зависеть, Елена Рышкова в 2008 году организовала собственное литературное агентство «Русский Автобан» (Rus-autobahn.ru) и при нём новый конкурс под названием «Согласование времён» (Soglasovanie-vremen.ru).

СТИХИ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА “РУССКИЙ STIL” - 2008

Валентина Криш. Женщина

— Бог, не суди! — Ты не был
Женщиной на земле!
М. Цветаева

В кармане — обрывки бумаги да несколько крон,
а плащик на рыбьем меху не по-зимнему тонок.
И хрупкая женщина — солнце забывший ребенок -
стучит каблучками. Пусть в городе этом сыром
покорно читают молитвы уставшие петь.
Воробышек сизый летел за ключом журавлиным,
но снова отстал. Вы протянете руку, Марина?
Он серый? Он синий? А церкви угрюмая кость
по-прежнему рядом. Горяч и чуть-чуть бестолков,
срывается стих — бесприютен, свободен, бездомен —
И грешная женщина вверх поднимает ладони,
чтоб крошками слов накормить равнодушных богов.

Ольга Ромашова. * * *

Березняк над кручей белой-белой,
белый-белый выцветший ручей.
Эта репродукция висела
на стене больницы в Киржаче.
День за днём исправно украшая
левый угол кафельной стены,
выгорела «Осень золотая»
до больничной строгой белизны,
до прозрачной белизны бумажной.
И висит на стенке тридцать лет.
Никому здесь, в общем-то, не важно,
золотая осень или нет.
Никому здесь, в общем-то, не нужен,
беспольный и постылый шум.
Предлагает нянечка на ужин
белую молочную лапшу.
За окошком сосны из тумана
молчаливо смотрят — вот и всё.
Пара дней — и что там — Левитана -
всю Россию снегом занесёт.

Алексей Сомов. * * *

Запомни: скорость света превосходит тьму.
Но не ищи ответа — зачем и почему.

Не упадет и волос с повинной головы,
покуда дремлет слово среди большой травы.

Смотри, какое небо над крышами стоит.
Плывут по небу нерпа и говорящий кит.

И звездочка простая — одна в своем углу —
доверчиво бросает в египетскую мглу

до хрипоты, до жженья обычные слова
о таинстве рожденья и чуде Рождества.

Ей вторит хор созвездий, качаясь на ветрах,
и скорость доброй вести превосходит страх.

Ирина Аргутина. * * *

Растворяется дверь. Растворимость ее возрастает
с приближением к выходу в новые среды и сферы.
Намечая надрыв, за спиной надывается стая,
провожая луну и еще одного Агасфера.

Этот хор,
проникающий в уши из черных отверстий,
этот хорь,
проникающий в курскую область, где куры
обмирают в блаженном своем предвкушении зверства
и его эпикриза, подписанного Эпикуром, -

этот хор ничего не добавит уму и печали.
И подобно иным, стоголосым и тысячеликим,
он останется там, или, как говорят, за плечами,
словно пройденный путь — променад перед новым, великим,

нет, не шелковым.

Ни каравана, ни хора, ни стаи.
Одинокий старик, заблудившийся в Виттовой пляске.
Одинокая девочка старые книги листает
и зачем-то жалеет собак ездовых на Аляске.

Одинокое дерево — где ему сладить с великим —
засыхает крестом, и, конечно, он груб и увесист.
Кто один перед богом, тому не до разных религий.
Крест уже на плече, а на небе повис полумесяц

и звезда,
шестиглавая или неважно какая, -
вот под ними пойдешь — и увидишь, чего не заметил,
иногда постигая
и даже порой изрекая,
но и только. И только.
Хотя уходил не за этим.

Татьяна Кудинова. Пусть будет случайностью

Пусть будет случайностью день, или тысяча лет —
какая нам разница?
В толпах придуманных чисел,

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

стеклянных зеркал, отражающих утренний свет,
и лиц, чью похожесть никто никогда не опишет –
пусть будет случайностью всё...
Металлический шнур,
извитый в спираль, обесточен. Касайся руками
под окрики-всхлипы,
тяни бесконечное «ну...»,
бессонниц серебряный шар запирая под камень.
Не нужно бояться.
Холодные ветви оливы
привыкли к ночному молчанию старого сада...
Пусть будет случайностью сходство звучащих молитв,
а всплеск поцелуев, несущих поддельную радость,
останется в будущем.
Шепот — не больше, чем бред
дождей неприкаянных,
капель, подвешенных к лёске,
уставших от гонки еще одной тысячи лет...
Забыв при прощании смех, ударяются в слезы
избитые фразы,
что можно читать наизусть.
Изнанка печали — почти как печать с негатива.
...Бесчисленных копий исчезнет недолгая грусть,
скрываясь под глянцем
сверкающей ветви оливы.

Ната Сучкова

* * *

Я пишу тебе, Герда, на серой треске,
Как ладошка старушечья, высохшей,
Там где фьорды и ветры, и кончились все
Голубые бумажки по тысяче,
Уколов безымянный тупым плавником,
Ледяными, как небо, чернилами,
На чужом языке и чужим языком,
Как ангиной обложенным глиною,
Из пурги, из цинги, обмороженных щек,
Пятизвездных отелей и выше,
Я пишу, точно зная, что буду прощен
Или просто тобою услышан,
Я пишу тебе, Герда, на рыбьем хвосте
Имя новое в строчку втыкая,
Заклиная, моля не успеть и успеть,
Ледяной твоей, любимый твоей. Каин.

давно понятно: ей все параллельно,
она раздевает тебя по пояс,
она снимает маленькой «лейкой»,
которая стоит, как этот поезд.
когда к утру отпечатки просохнут,
неважно, кто платит за эту прихоть,

• ФАНТОМ

ее не волнует, на сколько Сокол
закрыт для смертных на вход и выход.
она, ей-богу, любому врежет,
кто сдвинет свет или сменит позу,
но если есть еще в мире нежность,
то в этот час полуночный поздний,
то в этот миг предрассветный ранний,
когда между вами зеркальные линзы,
она объектив об нее поранит,
когда подойдет к тебе слишком близко.
и даже воздух не шевелится,
застынет свет в золоченной раме...
...ей будут нравиться только птицы
на самой глубокой, как вдох, диафрагме.

Елена Миронова. Качался свет на тонком стебельке...

...А в комнате иная жизнь текла:
к лицу склонялась лампа близоруко,
и ночь, где больше не было ни звука,
плыла по обе стороны стола,
задумавшись о чем-то о своем
и не касаясь ни рукой, ни взглядом...
Мы с безупречной тишиной, вдвоем,
неразделенные — очнулись рядом.

Качался свет на тонком стебельке,
к нему тянулось, прорастая, Слово,
и тишина, припавшая к щеке,
была уже не более, чем повод —
открыть окно, бессонное, и стечь
на дно травы, и ощутить под кожей
желание врасти всей кровью в речь... —

и первый звук вдохнуть неосторожно.

Татьяна Игнатьева. Апрель

Апрель. Дожди.
Без сна и перерыва.
И торопливый птичий взмах крыла.
Тоска по солнцу слезно доняла,
Что хочется порой самой с обрыва
Спорхнуть синицей. Но дела, дела...

Глотаю день
Тягучим белым ромом,
Бегу, лечу сквозь вешнюю росу.
А в заповедном сумрачном лесу
Открыл глазок подснежник. Влажным комом
Крадется туча к солнцу колесу.

И застит свет.
И мир рожден ab ovo.*

Так бережно в крестильную купель
Кладет его Весна. Но неужель?...
По ком же ты, хоть намекни мне, снова
Все плачешь так безудержно, апрель?

**ab ovo — от яйца, сначала.*

Маргарита Борцова. * * *

Старухи выживают в одиночку:
Шкворчат на кухне, семечки жуют,
Впихнув в жилья просоленную бочку
Грошовой жизни гужевой уют.

Они встают задолго до рассвета.
Пьют спозаранку с крендельком чайки.
Латают дыры в осень, в зиму, в лето...
И кормят кошек крошками с руки.

А в судный день уходят без мороки,
Без лишних слёз, без фраз, без суетни,
Отбыв сполна положенные сроки,
Упрятав в тюль себя от глаз родни.

Их напоследок умастят молитвой,
О вечной жизни скажут нараспев,
Где за оградкой старой —
дед Димитрий,
Певунья Сирин, бык, орёл и лев.

Евгений Сухарев. Югославское ретро

Рванный мрак югославского фильма,
Молоко светового ствола...
Костоломка, чадильня, давитьня
Кипяченую кровь разлила.
Пахло кожей, резиной и потом,
И прыщавый непуганый галл
То ли клацал затвором (ну что там?),
То ли реденький воздух глотал.
На дорожной арийской резине
Забредая в чужие миры,
Черногорское мясо возили,
Чтоб кормить дармовые костры,
Словно махом единым из рая
Прямо в наспех сколоченный ад...
И терзается плоть, догорая,
И рессоры на кочках скрипят,
Человечье сливается пенью,
Хрипота и погибель его
С каждым деревом, с каждой тенью,
Словно это поет божество,
Не давая рвануться из зала
В ослепительный город дневной,

Где не знают, что времени мало
Меж войной и войной и войной.

Ольга Есликова. * * *

И листья, косяком пугливых рыб,
Плывут ко дну, чтоб с ним не расставаться.
Небесную заслонку приоткрыв,
Творец, волнуясь, разминает пальцы,
Чтоб выхватить букет кленовых душ,
Березового золота корзинку -
И в райском нежелтеющем саду
Рассыпать по ухоженным тропинкам.

Он так красив, волнующе красив
За этим небожественным занятьем.
Смеется, руки на груди скрестив,
Его подруга в ярко-синем платье.
По небу ветер гонит облака,
И соты крон полны наполовину -
Играет Бог, не разделен пока
Сезон крикливым журавлиным клином.

В движенье листьев незаметен след
Игривого порывистого жеста.
И мы грустим, что совершенства нет.
Он счастлив, сотворив несовершенство!

Татьяна Кадникова. * * *

От мамы остались очки да еще радиола,
Которая выглядит кругом гончарным — печальным-
печальным.

А, может быть, мама лепила кувшины ночами,
А, может, валяла спортивные кубки? Что дочери знают о мамах?
Потом лишь. Потом лишь.
Я тоже, семейной традиции следуя, буду
Крутить радиолу и амфоры делать для греков,
И, может, рубить заодно саркофаги. А дочка потом лишь...
...Но, мама, — очки... Что ты видела в них? Я надену их тоже.

Елена Максина. Времена года

моне

день солнечен и сливочен,
так воздух по весне
в линиям небе вымочен
и выстиран моне,
и сушится ванильное
на улице бельё,
и в лужицу чернильную
глядится вороньё,
а солнце огнестрельное
гуляет по дворам

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

и красками пастельными
палит по воробьям.

ренуар

как девочки его прозрачны,
так дочери твои светлы.
ещё летает призрак дачный
под мятным пологом ветлы,
и оттеняет зелень клёна
нагую матовость плеча,
и осуждают анемоны
бездонным взглядом палача.
беседка тает в повилке,
девичий смех летит гурьбой,
и бант колыхнется, двуликий -
и розовый, и голубой.

ван гог

этот воздух покорёженный
и колючий стебелёк...
будто баловался ножиком
на последней парте бог.
будто намертво и заживо
одноухий дирижёр
окунул в минор оранжевый
фиолетовый мажор.

вот и смотрит по-циклопьему
увядающий гибрид,
как на снег ложатся хлопьями
охра, кадмий, лазурит.

малевич

графитное небо, жемчужный квадрат
зажжённого в полночь окна

нас выбрала в спутники влёт, наугад
летающая в холод страна

закон гравитации времени прост
и двойственен, как монохром -

ты чёрная кошка и твой снежный хвост
сливается с белым ковром

вращайся по кругу, попробуй поймай
родившийся заново снег

квадратный зима испекла каравай
горелый, как выпавший век

В Белозерскому

Сперва как простое кокетство,
Потом как рефрен беды:
«Где юность моя? Где детство?
Растаяли их следы...»

Былое змеиной кожей
Отброшено. В новой — мы.
Мы те же. Поем о том же.
Но глубже мотив зимы.

И те, кого мы любили
Не меньше, чем любят нас,
Уже в небылицах — былях,
В расплывчатом дыме фраз.

Их облики все бесплотней
За жесткой приставкой «пра».
А «завтра» уже «сегодня»
И даже чуть-чуть «вчера»...

Елена Тверская.

Прививки

Не завели животных, что-нибудь вечно
мешало: сначала жили в квартире кучно,
после — что надо делать прививки или
не с кем оставить да лень выводить. А были
все кандидаты: пудели, лабрадоры
и доберманы, краше нету которых.

Ездили в Африку, делали к ней прививки,
видели Кению — сказочные отрывки
из передач заветных “В мире животных”,
полные тел жирафьих и бегемотных.
Вот ведь какие бывают судьбы подарки:
рай, только без антоновки (климат жаркий).

Делает жизнь прививки от постоянства,
пятнами, полосами залепив пространство.
Чтобы пути живого пересекались,
млекопитая и сдержанно пресмыкающаяся,
сводит и сухопутных и земноводных,
четвероногих и многих других животных.

Было бы время — немного, по нашей мере,
прежде чем глянуть в глаза основному зверю,
встретиться с красотой сего мироздания,
слушать людей имена и зверей названья.
Может, еще и останется на подарки:
на прививки щенку и прогулки в парке.

МАРИНА Генчикмахер. * * *

Мне нравятся те, кто подолгу живут
Потомство растят и себя берегут,
Живут, как цикада какая,
В столетиях не умолкая.
Так точно гудят они нам и другим,
Как вечно гудели под небом тугим
И грекам и римлянам древним,
Что пели о них, подобрев к ним.

Мне также приятна некрупная мышь,
Что вновь прогрызает созревшую тишь,
И вечно шуршит у сарая,
Огрехи людей подбирая.
А помнят прапрадеды, верно, ее
Другие края и другое жилье,
И долгое странствие “в люди”,
И сыр на серебряном блюде.

И птиц этих — с блеском на черном крыле -
Люблю, что чернеют на нашей ветле,
Особенно в зимнее время -
Ворон беспокойное племя.
А так же чернели, быть может, они
В прабабушкины беспокойные дни,
И так же ветлу оцепляя,
И каркали, будто стреляли.

И круг облетали на злом ветерке;
А что это было на материке
Другом — совершенно не важно,
Припев повторяется дважды.
Я им про повтор ничего не скажу,
А воздухом с ними единым дышу
И слушаю ветер на крыше.
Цикады, вороны и мыши...

Ольга Агур.

Песах

На праздник Песах я уже была,
я теплый камень трогала, зажмурясь,
я каплю из бокала отпила -
на дне дрожало ожерелье улиц,
закрученное в нескольких часах
гортанной речи, не привычной горлу.
Сверкают новой жизни голоса,
звенящий жар, в ослепшем солнце город,
и неуютно сердцу моему,
как будто на часок зашла к соседям,
и вот, усталый гость в чужом доме,
пытаюсь поучаствовать в беседе,
как будто можно что-нибудь понять
среди чужих портретов и пеленок!

Но если это — Родина моя,
то я — ее детдомовский ребенок.
Не по ее, не по моей вине,
ни ей, ни мне от этого не легче.
Крошится хлеб, и вкуса нет в вине,
и время только давит, а не лечит.
— Ты где? — Я здесь. — Откликнись! — Не могу:
я не ищу ни умысла, ни сходства,
я снова у грядущего в долгу
за равнодушие моего сиротства.
... Но праздник Песах подтвердит исход,
перелистнет сожженную страницу,
волной меня на берег отнесет,
коль время не захочет расступиться.
А будущее — где? Есть только крик,
мгновенной боли сигаретный привкус.
Я буду в ночь глотать по десять книг.
Я научусь. Я постепенно свыкнусь.
И обретет дитя твои черты,
и назову субботу воскресеньем
в звенящем море красной пустоты,
где впереди не видно Моисея.

* * *

Все то же самое, что двадцать пять, что в сорок:
неделя рассыпается на ворох
бессмысленного яркого тряпья.
И в зеркале покачиваясь, я
не узнаю себя, да зеркало ли это,
или на темной стенке блики света
застыли... а светило пронеслось,
и нет его, и мы по жизни врозь.
Так ласточка беззвучно гнезда лепит,
и высыхает глина, пережив
себя, насельников, чуть слышной жизни лепет,
тепла мгновенный перелив.
И я, сестра моя, и я леплюсь к стене,
и я боюсь и холода, и жара,
и шва меж ними, и борьбы теней
под крыльями, и бархатного жала
соседей по судьбе и суете,
их резких песен, их молекул меда,
их траектории в зрачках детей,
привычных мелким нарушеньям кода.
Прости меня, ты во сто раз смелее.
Склонив крыло над лепесточком глиняным,
душа запомнит медный привкус клея
и не утратит собственного имени.
Спасение созвучно благодати.
Прости, когда мне воздуха не хватит.

Владимир Беляев

Якшино

Я прятался в заброшенный овин,
не признавая бабушкин свекольник.
Еще не зная, что такое сплин,
по вечерам слонялся меж руин
усадыбы, школы, церкви, колокольни.

Крошился под ботинками кирпич.
Сползал паук по ветхой штукатурке.
Еще не зная, что такое кич,
я видел — нарисованный Ильич
сидит на пне в студенческой тужурке.

Высокий берег. Шустрые стрижи.
Тоскливый плот. Туманная рыбалка.
Еще не осознав пределов лжи,
тревожился, что леска задрожит,
и пойманную щуку будет жалко.

Мельчает и сужается река
в местах, где все изведано, но зыбко;
где я сыграл плохого рыбака...
Срывайся, гениальная строка!
Плыви себе, серебряная рыбка!

Речь обмельчала, на дне различается ростра,
флаг полинял. Современность — фантомная зона.
В пятницу — как на убой — на Васильевский остров.
В каменных джунглях сливаюсь с толпой Робинзонов.

На перекрестке — словарь, усеченный до крика.
Гул, завыванье сирен. Безнадежно. Попсово.
Я — безъязыкий связной, откровенный заика.
В тайном кармане зашито последнее слово.

Больше храбрюсь, но в итоге — за ним не полезу.
Сгину, на скучном диване кукожась и куксясь.
Кто языком прикоснулся к вселенскому срезу,
понял — реальность по вкусу похожа на укус;

Понял — у старого века неправильный прикус,
и не присуща породистость новому веку.
Мы — дикари, возвратясь к первобытному крику,
скопом сорвемся в безмолвие — в мертвую реку.

Иван Белецкий. Америка

Сквозь сизый лес, подернутый столетним
туманом, по краснеющим гранитом
кривым камням к пустому побережью,
где китобои, разминая мышцы,
затекшие за месяцы безделья,
готовятся отдать себя пространству,

которое огромное, чем кит.
Вглядишься в густые волны с гребешками,
обсыпанными мраморною крошкой;
в круженье чаек, в бороды стоящих
на берегу людей. Полоска суши
в тисках прилива тает. Скоро осень;
и время ровно валится на гальку,
на океан, на опустевший дом.

Сергей Матросов

Предметам, что проносишь мимо рта,
сведенного чернильным перегаром —
не голод, нет, какая-то другая
блажная нутряная маета —
как титрам в незатейливом кино
по бутафорски выпавшим из кадра,
к неузнанному вычурному скарбу
всецело приравняться суждено.
То к вене шприц, то к радужке слезу,
то к сердцу не любовный треугольник,
то зеркало к губам, то бритву к горлу
неназванные вещи поднесут.

Так этот день с зашитым ртом,
словно очерченный от Вия,
соотнесен с не вещим сном,
который помнишь, но не видел,
с таким, в котором наугад
по алфавиту водят блюдце,
перо — чтоб выбраться назад
и гребень — чтобы не проснуться.
Вот волос, олово и гвоздь.
И воздух, вырвавшись из комнат,
когда на кожу капнет воск,
увидит все, но не запомнит. . .

Елена Асенчик. ***

*Вкусней чем любовь
отравленный кофе.*

*Владимир Бродский
«Мистерия-буфф»*

Гуща тумана к стёклам окна прилипла;
тени рассыпаны, словно конструктор «Lego»...
Осень бредёт по городу, дышит хрипло,
кутает плечи — ветром, а ноги — снегом.
Холодно... Снова холодно... И тоскливо...
Столик в кафе сегодня — ковчегом Ноя,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

точкой опоры — и время течёт мимо,
на поворотах, как ветер в трубе, воя...
Знаешь, а я согреться хочу всё меньше;
даже стихи — с метелями притерпелись...
Счастье?! — напраслина: взбалмошно, сумасшедше -
не выходя из комы, впадает в ересь...
Беды похлеще умеют слагать строфы,
ставя автограф морщинами в междубровье...

Чувствуешь горечь? — опять отравили кофе!
Кто этот яд умудрился назвать любовью?..

Светлана Ширанкова. Триптих

[неколыбельная]

Перестань, малыш, рыдать, перестань.
Эта жизнь — как увертюра с листа,
Как вслепую по-над пропастью шаг,
Наудачу, наобум, не дыша.

Знаешь, солнышко, уж так повелось —
Бьет любовь копьём под ребра насквозь,
До убийства, до тюрьмы, до креста,
До терзающего рану перста.

Тише, милый, постарайся уснуть.
Божьи мельницы твой выбелят путь
Через тернии предательства и лжи
В светлый дом, где ты останешься жить.

Не болит уже? Вот видишь, дружок.
На судьбу кладу последний стежок.
Только пеной по губам — тишина:
«Он же маленький! Не надо, не на...»

[немолитва]

Не могу, прости. Не люблю, не живу — боюсь.
Не была женой, но пока еще все же мать.
А вино горчит, а у хлеба прокисший вкус...
Каждый день дрожу, что прикажешь его отдать.

У него судьба — на ладонях твоим клеймом,
У него в глазах на кресте догорает мир,
Где была семья, дети, внуки, уютный дом...
Отпусти его, упаси от своей любви!

Иордан кипит на костре человеческих тел,
По чужим счетам истекает последний срок.
Я не плачу, нет. Все исполню, как ты хотел.
Лейтраот*, мой сын. Аллилуйя, пресветлый Бог.

[невстреча]

Ни покоя, ни света. Ни дома, где свет и покой.
Шкура моря — зеленые волны от Кипра к Афону.
Одряхлевшее время чихает, страдает цингой
И бессильно кусает подножие римского трона.

Медный привкус латыни — как кровь. На чужом языке
Корабли заклинают от бурь и коварства пучины
Оголтелые чайки. Увядающая ветка в руке —
Обещание смерти. Скорее бы. Хочется к сыну.

Неуютно и зябко. Никто не выходит встречать,
Только "Ave Maria" сквозь стены доносится глухо.
Мать божья? Оставьте, ей-богу. Больная старуха.
На воротах — кольцо. Постучаться?
...мне страшно стучать.

**лейтраот (ивр.) — до свидания*

Денис Берестов

Скорый, что разинская корма
рассекает ночной перелесок.
ветер взбивает пену из занавесок.
как мотыль о стекло
ледяного плацкарта,
бьется разбуженный дождь
из прошлогоднего марта.
с той стороны окна
смотрит цыганка-равнина:
сколько осталось пути?
вечность? сон?
половина?

Фальцет отчаянья
Оставить вечер одного.
Умыть лицо. Переключиться
На голос матери, на чистый
Звук одиночества его.
И словно вспомнив о зиме,
Вдруг ощутить бесповоротно
Свое минувшее короткой
Внезапной паузой в уме.

Той девочке, что предлагала себя
за ночлег, я в лицо заглянул и прочел
«красота уже нас не спасет»...
и не вызовет чувство вины
перед льдиной-бродягой,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

уснувшим с бухла на морозе.
возможно, беднягу найдут все же раньше,
чем ангел его незавидной кончины.
возможно, что девочка скоро
в родной возвратится Урюпинск
под крылышко матери...
но что их сумеет свести воедино
как две половины?
и кто их заставит поверить,
что были красивы они, невиновны, невинны...

Александр Кораблев. * * *

Я объяснил моему Богу: так, мол, и так.
Он промолчал, но я понял, что прощен.
Дело мое — так, пустяк.
Да и защитников у меня — легион.

Постараюсь не помнить. Вряд ли — забыть.
Никому не скажу. Посажу осину.
Буду Бога благодарить. Вряд ли — любить.
Но это наши дела — Отца и сына.

Иван Несмирный. Узник Мавзолея.

Я словно древнее растение -
Велик и вечен, и разбит.
И Смерть в немом недоумении
У гроба моего стоит.
«Ты снова жив?»
Мне к Вам не велено!
Меня ласкают тыщи рук,
И тихо называют Лениным
Мой польный, исхудалый труп.
Во мне дыханье Красной площади.
За мой бездонный денный стон
Не гибнут с голода рабочие,
Толпе сбывая мой фантом.
Один придёт с огромной лупою,
Другой поплачет, третий рад.
Лишь дураки да дети глупые
Меня потрогать норовят.
Струятся мимо толпы куцые.
Во лбу звездой горит луна.
Я сплю. Мне снятся революции
И гробовая тишина.

Илона Тайх. Старик

Когда завывает сирена, он не вздрагивает даже.
А ещё год назад так радовала близость моря,
Он брюзжал, что ирия* сделает платными пляжи
В письмах к дочери в штаты и соседям, когда не в ссоре.
Дряхлость наступила вдруг: колени, усталость и мёртвые нервы.

Вчера они сказали: Ливан и какое-то имя из недр Содома...
Очень тусклая память, почти пустая... Но в ней есть сорок первый,
Когда было и выло также. А мамы не было дома.
Чуть тревога, начинал надрываться в кровати Гриша,
Плакал до посиненья, до хрипа и кашля с отдышкой.
В темноте одеваясь, бормотал он: Да слышу я! Слышу!
Но как может унять ребёнка десятилетний мальчишка.
Спуск по лестнице, в плотной толпе, где безумные лица,
Не плачь, только не плачь! Мы сейчас... Придём к маме!
Руки заняты. Но к перилам и не пробиться,
К тому же всё время задевают тюками.
А спустишься — смрад подвала, свара за место, свора.
«Подожди, не пойдём вниз, есть комната в конце коридора!»
Гриша, Гришенька! Вой сирены — плач! Повторяя имя,
Мама потом всё плакала: А куда было деться,
Остались бы, пошли бы в Яр с остальными
А так... эвакуации отдали только младенца.
Он одевается. Сирена всё заглушает. Сцена почти немая.
Да и кого в хостеле когда что-нибудь удивляло.
Он стоит в коридоре, сверток к груди прижимая,
Точнее, в сверток свернутое одеяло.

Ирия (ивр) — муниципалитет

Максим Бородин.

Сестра Сесария

Она молится по утрам в маленькой комнатке,
тихо разговаривая со своим Богом,
потом берет в руки швабру и ведро с тряпкой
и отправляется в путешествие коридорами нашей судьбы.
Когда она проходит мимо моей комнаты,
то всегда спрашивает: «Как твои дела, дружок?» «Уже лучше, сестра»
И она уходит дальше, напевая свои песенки на незнакомом, прямом
языке.

И каждый раз, когда уже затихают ее шаги,
я спохватываюсь, что опять забыл спросить:
«Когда мы отсюда выйдем, сестра?»
Но она уже далеко, в каком-то параллельном коридоре, на другом
этаже, в другом мире,
Сестра Сесария, наша судьба, наша песня, наша молитва.

Женщина

Когда она касается меня, я вздрагиваю, как рыба, хватая воздух
жадным ртом...

Настоящая женщина тем и отличается от не настоящей,
что понимает всю глубину нашего падения.
И это делает ее более прекрасной в моих глазах.
Она выбирает якорь на старом портовом буксире
и протяжным воем сирены оповещает побережье о наступлении
нового дня.
Солнце скользит по ее лицу и обнаженным плечам.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Она вздрагивает, как рыба, когда я снимаю ее с крючка и бросаю
опять в море.

Жаль, если такая краса попадет на берег.

Татьяна Калашникова. * * *

Как скоро ты пристанище нашёл,
кленовый лист, несущийся с потоком
речушки горной. Долго ли ещё
пробудешь здесь, уткнувшись влажным боком

в уютную расщелину камней,
живительной водой омытый,
понять пытаюсь, что в тебе сильней —
желанье плыть или обрести обитель?

Ленка Воробей. «Магдалина сойди»

*Только вечер опять отдохнуть не даёт...
Он не станет желать мне покоя.
Как чернильницу вскроет запястье моё
и продолжит писать про былое...*

Магдалина сойди босая на красный снег,
Потянись на боль — до чего же ты хороша...
Предложить тебе — мира...водки... коня... ночлег,
Так и рвётся моя однокомнатная душа...

Закачалась. Не Бог под ногами. Не твердь. Гать.
Сколько было сокровищ... открытые ворота...
Ничего не возьму. Не надо. Хочу — отдать,
но с ладоней в пустоты капает — пустота...

Полосатые гильзы-осы между стеколь
ной свободой, полоской рая. Не кутерьма,
грудь зачеркнула крест-накрест платком. Боль,
что за стеклом заправдашняя тюрьма.

Те, кто любил, жили со мной в пыли...
Кто покупал — проданы все давно...
Я говорила — волю превозмогли...
Кто мне не верил, тот выходил в окно.

Купол подрежет темень. Пустой бокал
Звоном тревожит душу. Перекрести.
Камень не умер, он просто заночевал
в чьей-то до боли сжатой на нём горсти.

Кошку по изнеженному нутру
я находила выход и не один,
но блин -
...я так прощалась с матерью на ветру,
с самой первой из встреченных Магдалин...

Трону... чтобы остаться как синяки

Верю... чтоб не лишиться вдвойне отца...

Плачу... чтоб улыбаться как дураки -
или чтоб смыть улыбку свою с лица...

...взглядом небес выкосило мой бег.
Нечем уже мне скошенной дорожить...
Стань Магдалина. Стань ты на этот снег!
Так обожги, чтоб захотелось жить

Илья Жериков. * * *

крепдешин и шелка и для счастья немного винца
под Содомом разгромлена армия ангелов в плен
не берешь понимая что если идти до конца
лучше мозг придержать на морозе а яйца в тепле

закури я придвинусь поближе теперь фонарям
не бросать загорелые тени на каменный стол
в переулке подходит на цыпочках редкая дрянь
улыбаются лижет ладони и машет хвостом

как обычно расходимся вместе по разным углам
траектории выжжены четко наручников нет
по пути собирая в подвалах оставленный хлам
чтоб из ножки стола и кондома собрать пистолет

закури я придвинусь поближе мой ласковый мой
равномерный ноябрь покрывает позором угри
перегар и морщины к утру возвращаться домой
после этих ночей непременно бросаешь курить

ПОСОБИЕ ПО НАПИСАНИЮ ПРАВИЛЬНОЙ СЛЕЗОДАВИЛКИ

Слезодавилка — это модный жанр. Причём мода на него свойственна отнюдь не только нашему веку больших скоростей! Слезодавилка — это жанр вечный. Вневременный. Корнями, так сказать, уходящий. Вспомните всякие разные древнерусские плачи и причитания, облегчёнными и упрощёнными вариантами которых вас мучили в школе! Или, если вы не русский, то древне-какая-там-у-вас национальность.

Дело в том, что слезливые песни и стишки, коваными сапожниками выбивающие из вас эмоции, действительно полезны. Вот вы ходите, весь такой внешне сильный и мощный, а на самом деле вам больно и обидно, но плакать стыдно. И тут вдруг вам попадается слезливый стишок какого-нибудь Великого Женского Поэта Всея Живого Журнала. И вы плачете как бы над чужим творчеством, а на самом деле плачете над собой, но тщательно сие от себя скрываете. И через это вам настаёт нешуточное облегчение.

Итак. Если вы хотите написать правильную слезодавилку, чтобы читатели рыдали и восхищённо говорили, какой вы светлый и какая у вас тёплая и чуткая душа, то вам нужно приобрести набор Особых Слезодавильных Функций. Заметьте, я вам предлагаю его совершенно даром!

Во-первых. Необходимо помнить о том, что среди цивилизованного человечества существуют Общие Нравственные Ценности. Например, семья, мама, дети, дружба, любовь, родина, Бог и мир во всём мире. Так вот. Эти вещи нужно всячески восхвалять. Но так, чтобы с оттенком скорби. Не «как-я-счастлив-жить-в-родной-стране» — это у вас получится инфантильный позитив с оттенком подхалимажа, а такой цели мы не ставим. А так, чтобы стало ясно: у вас с этими нравственными ценностями не сложилось, и вам от этого невыносимо больно и тяжело. Ни в коем случае не вздумайте цинично проклинать Общие Нравственные Ценности! Иначе у вас получатся Провокационные Стихи С Привлечением К Проблеме, плюс ко всему вы наживёте уйму врагов. Оно вам надо?

Во-вторых. Ваш лирический герой должен быть человеком совершенно особого склада. Он должен быть либо Светлым Человечком™, которого

все обижают, либо человеком с непростой судьбой, но оч-чень целомудренной душой. Полагаю, с первым вариантом героя всё ясно. Поясняю про второй вариант: ваш герой может пить, курить, проигрывать деньги и спать с кем ни попадя, но при этом он просто обязан Тянуться К Свету™. В любом случае, у вашего героя в груди должна быть Дыра, и он через это должен очень сильно страдать. «Очень сильно» означает «максимально пафосно».

В-третьих. Стихотворение должно быть написано в строчку, ритм должен быть волнительно-рваным, а речь должна быть максимально приближена к разговорной. Я, между прочим, сама пользуюсь этой формой, потому что она приближает Поэта к народу. Постарайтесь использовать как можно меньше непонятных слов. Использование непонятных слов отдаляет Поэта от народа.

Попробуем?

Я выбираюсь из ночи — бездонной ямы, закоулками пробираюсь к себе домой. Волком бы выть бы, Господи Боже мой, что же мне делать, моя небесная мама? Вся моя жизнь — одна бездарная драма, а режиссёр равнодушно глядит с небес. Если, конечно, он есть.

Одинаковыми — воспалённо-бессмысленными — ночами снова и вновь играют со мной не те. Снова и вновь я с ними — не с теми — кончаю, а поутру задыхаюсь в смоге и пустоте, забывая чужие изгибы тел. Давит на мозг суетливая утренняя пора, а в груди — дыра. Чёрная, прожорливая, сосущая, невыносимая сущность! И каждое утро кажетя: это всё, никто меня, никогда меня не спасёт...

И вспоминаю, навязчиво вспоминаю, как в детстве мальчишки побили, украли велосипед. Как я ревел, как всхлипывал и сопел. «Что ж ты, сынок!» — утешала мама моя земная. Высокое небо вставало над головой, и верилось: ангелы будут всегда со мной.

Ах, да. Главное. Сколько бы наивных читателей ни пробрало до мурашек от ваших слезодавилок, не стоит забывать о том, что это всё-таки не стихи. Это — усреднённый шаблонный гон на заданную тему. И если вы хотите стать поэтом, а не стандартным слезодавителем...

...не пишите так никогда. Пожалуйста.

P.S. Фотографии пациентов выбраны случайно из сети Интернет.

Лиене АЦТИНЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СЕРГЕЯ АЛХУТОВА

сделанная его позднорождённым потомком Фань Ли-Ху на
русская языка

Эта жизнеописание написана на русская языке, для того, чтобы его не смогли проситать в Тайная Служба.

Род Ли-Ху произошла от рода Алхутов в Белое Время, ищё до того, как встать на Великий Жёлтый Путь в три тысячи пятьдесят первый году от рождения Конфуция. Наша предок был Сергей Алхутов, о который в нашей стране говорить нелизя, поэтому в наш род есть обманная легенда о происхождение рода Ли-Ху от Брюс Ли. Но пусть это вас не обманывает, преждеждённы, которая может читать на русская языке и сохранили древняя традиция этот язык.

О наша предок Сергей Алхутов сохранилась осень мало сведения, потому сто она запресённый в наша страна. Не сохранилась даты его рождение и смерть, а искусство ситения арабская цифра в наша страна давно утерянный. Мне, позднорождённого, известна, сто Сергей Алхутов был окружена много хорошими поэтами, которая назывались "умеющий писать буквы". Преждеждённы Бань Као-ла-ку говорит, сто его предок Алексей Караковский была знаком с Сергей Алхутов, и они вместе были слуги у большой чин Евгений Лесин и носили его носилка в Белый городе Мин.

Известно мне, позднорождённого, и то, сто Сергей Алхутов написал книга, которая была признан вредная в насей страна, потому сто в книга написана плохие слова про Конфуций. В один чань монастырь, который я, позднорождённый, была в три тысячи сто сестьдесят второй от рождения Конфуция, монахи сказала, сто в эта книга хороший слова написан про Будда, потому в чань монастырь её книга хранить можно самый дальний библиотека, ситобы не попал простая селовек.

Мне, позднорождённого, говорила отец, а ему говорила дед, сто у Сергей Алхутов есть осень знаменитый слова, который он послать смс русский поэти Ирина Кузнецова. Слова такие: "Не переживай". Отец говорила, это знасит: у селовек одина жизнь, никто не удаётся жить вторая жизнь по-другое. Один высокий чин, имеющий тайная русская предок, говорила другое слова знасит: не должно жить селовек после своя смерть. Я, позднорождённый, думает сто у такое великое слова мозет быть много толкование.

Другая факта жизнь Сергей Алхутов я, позднорождённый, буду писать на другая рисовы бумага.

Сергей АЛХУТОВ

ОГНЕННАЯ ГИГИЕНА

ВАКХОББИТЫ — малорослые и мохноногие существа, поклоняющиеся богу виноделия Бахусу (Ваху). Из-за неумеренного употребления горячительных напитков многие из них стали крайне раздражительными и нетерпимыми к любым другим религиям мира, а также особям, их исповедующим. Ибо любые другие религии, как правило, тем или иным образом ограничивают употребление напитка, подаренного живым существам Бахусом. Это во многом объясняет тот факт, что терроризм для вакхоббитов — дело обычное и богоугодное.

ГИГИЕНА ОГНЕННАЯ — наиболее эффективный способ очищения огнём, при котором уничтожаются не только микробы, но и все известные формы жизни. ГО известна с древнейших времен, когда еще использовались каменные жертвенники. Со временем, в процессе научно-технического прогресса, каменные жертвенники сменялись кострами инквизиции (в средние века) и крематориями. Кроме того, такой способ очищения использовался в целях гигиены прогрессивной мысли (наиболее яркий пример — Джорджано Бруно) и в борьбе за чистоту арийской расы. Культ ГО играет немаловажную роль в быту, в процессе приготовления пищи. На смену маленьким семейным жертвенникам пришли газовые и электроплиты, а роль жрецов взяли на себя Хранительницы Домашнего Очага (в простонародье — домохозяйки).

ГЛАВБУХ — старший жрец на религиозной церемонии разлива алкогольсодержащих жидкостей (АСЖ). Главное требование к Г. — способность в любом состоянии разлить АСЖ равномерно по всем подставленным сосудам с погрешностью не выше заданной. Высший орган организации ГЛАВБУХОВ называется ГЛАВБУХОВЕНСТВО, которое осуществляет обучение неофитов и следит за выполнением законов разлива. Вступительный экзамен в ГЛАВБУХИ заключается в равномерном разливе стандартной ёмкости АСЖ объемом 0,5 литра по трем сосудам с завязанными глазами с погрешностью не более 5%. Высшие же жрецы ГЛАВБУХОВЕНСТВА способны равномерно разлить емкость АСЖ произвольного объема на случайное количество сосудов с погрешностью не более 0,01%.

Основной исходный постулат Г.: разлив осуществляется из одной емкости равномерно слева направо. Однако в 1917 г. известный ГЛАВБУХ Ленин на ежегодном съезде ГЛАВБУХОВЕНСТВА в Разливе в докладе «Три источника и три составных части» попытался ввести новый принцип — разливать АСЖ одновременно из трех ёмкостей, однако был подвергнут обструкции. Расстроенный Ленин, опираясь на своих сторонников-«большевиков», лозунгом которых было «Лей больше!», устроил в отместку государственный переворот. Ученик Ленина, не менее известный Стакалин, в своей работе «Детская болезнь левизны» подверг критике доктрину своего учителя и одновременно ввел принцип разлива справа налево вместо традиционного. Если постулат разлива из одной емкости в настоящее время не подвергается сомнению, то о направлении разлива споры не утихают до сих пор.

КОЛБАСНЫЕ ОБРЕЗКИ — изысканное блюдо традиционной русской кухни, готовится из редких сортов колбасы — белковой, чайной, кровяной, болонской и пр. — путем срезания тончайших лепестков и раскладывания их особым образом на блюде из Гусь-Хрустальского хрустала с совершением древнеславянских ритуалов, посвященных Велесу или Волосу, богу-хранителю стад. Идеальные КО должны быть не толще волоса.

Чем тоньше получаются обрезки, тем больше благоволят Велес к изготовившему их кулинару. Из-за сложности приготовления КО и необычайно тонкого вкуса блюдо является редким деликатесом и стоит очень дорого. В начале XX в. за несколько граммов колбасных обрезков ценители отдавали порой миллионы рублей. КО считаются русским национальным достоянием. Борщ, блины, черная икра и КО — бренды, известные во всем мире. Это такая же популярная и любимая иностранными туристами сувенирная продукция, как матрешки, балалайки, ушанки и чапельники.

Для каждого русского человека КО настолько же священны, насколько САЛО — для украинца. Русские люди не приспособлены долго обходиться без колбасы. Они могут жить даже без хлеба, но не без КО. Это нашло отражение в поговорке: «Крестьяне до революции жили бедно, хлеба не было, и сыр клали прямо на колбасу». Если человек давно не пробовал КО, у него начинается настоящая ломка — его «колбасит». В истории страны были периоды, когда колбасы на всех не хватало, а КО было невозможно достать. Это приводило к бунтам и смутам. Наиболее крупные колбасные бунты произошли в 1917 г. и в конце 1980-х гг. После каждого из них сменялся социальный строй. В последнее время из-за вновь начавшихся волнений в стране КО запретили продавать и вывозить за рубеж, чтобы сохранить для собственных граждан. Теперь интуристам приходится довольствоваться штофами с борщом, завернутыми в подарочно-упаковочные блины.

Истинным гурманом в России считается только человек, который знает толк в КО. Когда кто-то не признает кулинарный вкус своего собеседника, он презрительно говорит: «Что вы понимаете в колбасных обрезках?!» От этой фразы тушется любой оппонент, даже если спор идет не на кулинарную тему, поскольку для русского человека нет худшего оскорбления, чем предположение, что он ничего не смыслит в КО.

КУКИШ — загадочное блюдо русской кухни, упоминавшееся в летописях, но никем так и не отведавшее (по крайней мере, отзывов о его вкусовых свойствах не поступало). Употребляют в пищу путем выкусывания, но что именно надо выкусывать — также неизвестно. Специалисты считают, что выкусывать полагается небольшой кусочек, торчащий между первым и вторым слоями блюда (считать сверху).

Обычно К. является ритуальным блюдом, которое подается человеку, о чем-то просящему. Подача сопровождается заклинанием «Накось, выкусь!» Подача этого блюда означает, что подающий не может выполнить просьбу просителя. В отдельных племенах Руси проситель на подание блюда отвечал ритуальным плевок под ноги подающего.

Неофициальные источники в свое время сообщали, что слово «Кукиш» произошло от имени знаменитого мореплавателя Кука, съеденного аборигенами. В анналах ситуация предстает следующим образом. Кук, как человек грамотный, в ответ на просьбу аборигенов дать поесть подал им Кукиш. Аборигены сказали «Ишь!» — и съели и Кукиш, и Кука.

САЛО — украинская национальная еда, национальное богатство, любовь, отрада и утешение. С. — лучшая в мире закуска к горілке и самогону.

Древние украинцы путешествовали практически по всему миру с грузами С. для продажи и обмена на другие товары. И поныне существуют основанные этими странствующими торговцами и искателями приключений опорные пункты торговли и складов С., переросшие в города, а в некоторых случаях — в целые страны: Салоники, Соловки (искаж. местным «окающим» наречием Саловки), Эль Сальвадор, Зальцбург (нем. зальц — сало), Соломоново острово (также местное «ока-

ние»), Салсбери (основано на месте сбора салоторговцев), Салехард, и т.д. Даже в древнем Израиле украинцы торговали кошерным С. Одной из постоянных торговых представителей их в земле обетованной была Саломея (имеющая С.). Несомненное влияние оказало С. и на мусульманскую культуру. Так, при встрече, практически все мусульмане мира желают друг другу С. — «Салам алейкум!» (Сала всем вам!).

Любовь к С. воспета разными деятелями искусства: Сальери в его музыкальных произведениях, Салогубом в его пьесах, Сальвадором Дали в бессмертных полотнах (напр. «Течение Времени» где сползающие со стола часы являются, по сути, шматом С.) и т.д. Так же существует основанная украинцами в древнем Берлине фирма звукозаписи SALO Records.

Известно, что древние укры торговали САЛОМ вдоль всего пути из Варяг в Греки. Разные народы использовали С. по разному. Угро-финны, например, издревле применяли мази на основе импортного С. для увеличения скольжения своих лыж. Позднее даже появился соответствующий бренд в лыжной индустрии SALOMON.

СОВИНФОРМПЮРЕ — кулинарный шедевр, созданный великим аргентинским поваром Сесаром Ломбросо (род. 1978 г.), прославившимся еще в начале своего жизненного пути тем, что, будучи шестимесячным младенцем, он съел внезапно умершую мать, о чем сухо, но подробно изложено в рапорте лейтенанта комиссариата полиции города Мардель-Плата Франко Лусарди. Став поваром, Сесар Ломбросо достиг небывалых высот в кулинарном мастерстве. Его блюдо СОВИНФОРМПЮРЕ является одним из самых часто заказываемых блюд не только аргентинской, но и мировой кухни, бестселлером кулинарного искусства.

СОВИНФОРМПЮРЕ представляет собой однородную массу (пюре), приготовленную из сов, напичканных в последние дни своей жизни информацией. Именно качество полученной информации и отличает вкусовые особенности данного блюда. Для приготовления ординарных вариантов СОВИНФОРМПЮРЕ Ломбросо высаживает сов на шестеро суток перед включенным телевизором. Усредненный информационный фон пропитывает организм птиц, после чего совы умерщвляются, очищаются, варятся с добавлением соли и перца и при постоянном (5 ДБ) наговоре диктора радио. Затем мясо отделяется от костей и в блендере доводится до однородной пастообразной массы. Подается украшенным зеленой лапшей на тарелках в виде динамика громкоговорителя.

Для приготовления неординарных вариантов СОВИНФОРМПЮРЕ Ломбросо выставляет клетки с птицами в зал заседаний правительства или иных законодательных и исполнительных органов. Разрешение на такую процедуру Ломбросо получает легко, поскольку сами парламентарии охотно потребляют данное блюдо.

Иным способом информатизации сов (самый дорогой и эксклюзивный вариант) является самостоятельное начитывание различных текстов (книги, журналы, энциклопедии и пр). При таком методе информатизации Ломбросо добивается самых тонких нюансов вкуса СОВИНФОРМПЮРЕ. Не стоит, наверно, говорить, что данная методика требует уникального напряжения от повара и его подмастерьев, поскольку требуется определенная процедурность информатизации, а также четкий и грамотный подбор зачитываемой информации. Такие варианты СОВИНФОРМПЮРЕ готовятся, как правило, на заказ и стоят огромных денег.

Авторы статей: Вадим Мелешко, Aquamagic, Skybb, Анна Новомлинская, sibvalenok, перома.

Подготовила Анна НОВОМЛИНСКАЯ

ЕСТЬ ИДЕЯ!

Телефон заверещал в семь утра. Не попсовым мурлыканьем от абонента Emili, не сидящим в печенках Моцартом от шефа, а сигналом экстра — «Полетом валькирий» — способным поднять и мертвого.

Кир оторвал от влажной подушки чугунную голову. Комната плавала перед глазами; валькирии, казалось, кружили под потолком. Притвориться, что заболел синдромом социальной апатии, что ли?

Звонок на мгновение умолк и грянул с новой силой. Пришлось нащупывать валяющуюся на полу трубку.

— Алло.

— Гражданин Кирилл Клоповский? Отдел контроля идей и вдохновений. Уведомляем, что сегодня в 01:46 вашим идеометром был зарегистрирован всплеск идеостатического поля на восемь баллов по шкале Коварса. Напоминаем, что любая мысль, оцененная выше семи баллов по шкале Коварса, подлежит обязательной регистрации в Отделе контроля идей и вдохновений в течение суток. Победа федерации в наших руках, гражданин!

Короткие гудки буравили ухо. Кир выронил трубку.

После усиленного водного массажа и пары восстановительных таблеток в голове прояснилось. Однако, о прошедшей ночи Кир по-прежнему ничего не помнил, только невнятные сценки: пирамида из банок с энергетиком на столе, глупо хихикающая Эмилия, лужа на темной улице: кажется, он долго разглядывал в ней свое отражение... Мысль на восемь баллов. Идиот, надо же было еще о чем-то думать в таком состоянии!

Клоповский плюнул в стекло идеометра, но промахнулся. Ладно, по крайней мере, он помнит, у кого вчера надрался.

— Ы-о-о, — провыло в трубке. — Кого в такую рань...

— Ром, у меня проблема. Ты помнишь, о чем мы вчера разговаривали?

— В семь утра? С ума сошел — я вообще в отрубе еще. А тебе зачем?

— Да я, понимаешь, о чем-то подумал на восемь баллов, сейчас из Отдела контроля звонили... и ни черта не помню.

Голос сразу зазвучал бодро и даже радостно.

— А я тебе говорил! Я говорил, нечего читать дурацкие книжки. Я вот в жизни ни одной книги не прочел, мыслифильмы смотрел только разрешенные, и никаких проблем. Ни одной мысли больше, чем на четверку.

— Ну, говорил, — вздохнул Кир.

— Ладно, дуй ко мне. Думать будем.

Через двадцать минут Кир плюхнулся на откидную табуретку в ромкином жилблоке. Сам Ромка — электронщик системы снабжения, пофигист и любитель вечеринок, нынче был мятым и мутным. Морщась, пил чистую воду и крутил в пальцах какие-то проводки.

— И чего, совсем ничего не помнишь?

— Да нет, начало помню. Были вы с Ирккой, я с Эмилькой и эти уроды Дайсоны. И ящик «Джиг-Джанга». Слушай, а может, я про Дайсонов что-нибудь подумал?

— Ой, вряд ли, — Ром скорчил выразительную рожу. — Ну, балла на два оно бы потянуло, не больше.

— О чем я вообще вчера говорил?

— Да все, как обычно. Сначала — как тебя достала работа, потом — как тебя достали дурацкие мыслифильмы. Спорил с Дайсоном о «Властелине чипов». Потом пел — тоже, как обычно, обжимался с Эмилькой, танцевал с дайсоншей...

— Я танцевал с дайсоншей?

— Ну, это уже к полуночи. Эмилька с Дайсоном вас растаскивали — что, правда, не помнишь?

Кир тяжело вздохнул.

— В общем, если посмотреть идеостатику, — усмехнулся Ром, — думаю, за весь вечер ни одной пятерки. Может, ты после на улице что-то увидел?

— Не знаю я! И черт меня дернул вообще думать. Почему они сразу мысль не записывают?

— О! — Ром оживился и наставительно поднял палец. — Это я тебе как электронщик отвечу. Есть такая штука — идеостатическое поле. Ну или поле идей. Как только где-нибудь возникает мысль, сильно отличающаяся от мыслей окружающих, в этом поле — бац! — и возникает разность потенциалов. Вот ее и фиксируют идеометры. Причем сравнивать мысли — по всяким частотным характеристикам — можно, а вот само содержание идеи никаким прибором не поймаешь. Поэтому мыслеконтроллеры и зверствуют. Как будто твоя шальная мыслишка поможет тупым бюрократам разгромить доргов.

Кир покосился на коробку идеометра:

— Ты это, потише.

— Фигня. Об этом уже каждый десятый думает — максимум шестерка по Коварсу.

К полудню было выпито два чайника и восстановлен почти весь вчерашний треп. Никаких зацепок. Кир уже ощущал себя героем социальной рекламы, виденной по визору: в Центре мыслеизучения на испуганного чувака надевают шлем мыследавилки, по экрану бегут символы и размытые картинки, мельтешат схемы, весело ползут разноцветные кривые графиков. Голос за кадром восторженно сообщает, что идеи чувака помогли разработать новый принцип гиперперехода, и теперь мы вот-вот разобьем ненавистных доргов.

Только, по слухам, из мыследавилки полные дебилы выходят. Кир раз видел одного: неподвижное лицо, перекошенный рот с блестящей ниточкой слюны, а во взгляде мучительная попытка что-то вспомнить.

Нет уж, спасибо.

— Ладно, — припечатал Ром, — придется задействовать тяжелую артиллерию.

Он разложил стремянку и полез к распределительному щиту, почему-то не опечатанному.

— В этом жилблоке есть пара очень симпатичных недоделочек, — жизнерадостно болтал он с лестницы. — Только чур, молчок. А то, сам понимаешь...

Ром выдернул ядовито-оранжевый плоский провод, и зеленая лампочка на противоположной стене погасла.

— Шина идеометра, — пояснил он. — Теперь компьютер в центре показывает абсолютный ноль, как будто мыслящие существа в помещении отсутствуют. Или, — он хихикнул, — мертвецки пьяны. У работы электронщика, чтоб ты знал, есть масса полезных бонусов. Поддай пару зажимов, там, на столе.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Оранжевый шлейф протянулся между распределительным щитом и личным компьютером Ромки, вскрытым и полуразобраным, как всегда. Щелкая по клавишам, Ром с энтузиазмом командовал:

— Теперь ты усиленно генеришь идеи, а на экране выдается соответствующий балл. Как только получится восемь, запоминаешь мысль, бежишь к себе и выдаешь ее идеометру. Поехали!

Начали с Дайсонов. Действительно, два балла. Мысль о том, что Дайсоны — шпионы доргов, набрала пятерку, но до требуемых восьми не дотягивало ничего. «Мыслители» допили банку растворимого чая и набрали около десятка шестерок, а в компьютере завоняла горелым какая-то плата — видно, от перенапряжения. Время шло. Восьмерка оставалась недостижимой.

Наконец, Ром полез в сеть за новостями.

— Компилируй давай, — он перескакивал с одного кричащего заголовка на другой, — Гляди, пишут, что дорги собираются высадиться на Локере. Базы нашей на этой планете все равно что нет — это я тебе по секрету — так что если собираются, то высадятся. А оттуда, между прочим, прямой путь на Землю открывается, если вот этой линией гиперпространства воспользоваться. Или этой.

Ром выжидающе уставился на друга:

— Ну? Идея не родилась?

Кир покопал пальцем подбородок и неуверенно произнес:

— Ром, а помнишь, ты мне рассказывал, что мы научились гиперпространственные линии закольцовывать? А если закольцевать линию в тот момент, когда там окажется армия доргов? Может, они тогда так в гиперпространстве и останутся? Ну, Федерация торговую линию потеряет, конечно, но Землю-то мы спасем...

Компьютер торжественно пискнул.

— Ты гений! Девятка! — завопил Ром, награждая Клоповского увесистым шлепком по спине. — Девятка! Следующая выпивка за тобой. Впрочем, за девять баллов тебе положены кое-какие кредиты, так что лишняя банка суперактивированной энергоколы...

— Твоя, — устало кивнул Кирилл, еще не веря, что утомительный эксперимент завершился. — И не одна. Поеду-ка я к себе, удолетворю мыслеконтроль — и спать.

Номер Отдела контроля идей и вдохновений он набрал, еще не сняв ботинки.

— Я Кирилл Клоповский. Я вспомнил мысль, которая у вас зарегистрирована.

— Подождите, пожалуйста, устанавливается соединение с наблюдателем вашего массива жизнеобеспечения. Подождите, пожалуйста, устанавливается... Соединение установлено успешно, говорите.

Кратко и четко, как требуют инструкции, Кирилл выдал соображения по закольцовке армии доргов внутри линии гиперпространства.

— Гражданин Кирилл Клоповский, ваша мысль зафиксирована и оценена в девять баллов по шкале Коварса. Спасибо за содействие. Денежное вознаграждение, соответствующее девятибалльной идее, будет перечислено на ваш личный счет в течение трех часов. Напоми...

Кирилл издал торжествующий вопль и от избытка чувств чмокнул трубку, из которой продолжал журчать женский голос.

Все хорошо, что хорошо кончается, а куда потратить неожиданную премию — всегда найдется. Эмилька наноплатье давно просила, Ромке бочонок энергокофеинового коктейля, а ему самому — ап-

грейдить 3D-очки. Хотя на очки может не хватить, премия хоть и девятибалльная, но не резиновая же.

Он уплывал в блаженную дрему, когда из трубки снова рванули валькирии.

— Гражданин Кирилл Клоповский? Отдел контроля идей и вдохновений. Предупреждаем, что через десять минут вы будете принудительно доставлены в Центр мыслезучения для прохождения процедуры мыслераспознавания. Причина: сокрытие контекста всплеска идеостатического поля, которое было зарегистрировано в вашем блоке жизнеобеспечения сегодня в 01:46 по федеральному времени. Выход заблокирован. Просьба не оказывать сопротивления сотрудникам отдела доставки.

— Алло, погодите! Это какая-то ошибка, я же сегодня рассказывал про эту идею, вспомните, вы же оценили ее на девятку!

— Уведомляем, что уровень и частотные характеристики возмущения идеостатического поля, спровоцированного идеей, заявленной сегодня в 10:38, не совпадают с характеристиками, зарегистрированными сегодня в 01:46. Идея, заявленная в 10:38, зарегистрирована под новым индексом. В соответствии с Гражданским кодексом Федерации, при нежелании или невозможности передать содержимое мысли, оцененной выше семи баллов по шкале Коварса...

— Да идите вы к черту! — заорал Кир. — С идеометрами своими! Вы хоть соображаете, что с таким подходом люди вообще думать разучатся? Потому что лучше не думать, чем огрести кучу проблем! Чем мыследавилкой по башке получить и дебилом остаться!

В телефоне тренькнуло.

— Гражданин Кирилл Клоповский, уровень и частотные характеристики идеостатического возмущения, вызванного вашим сообщением, полностью соответствуют всплеску, зарегистрированному сегодня в 01:46. Спасибо за сотрудничество. Приказ о принудительном мыслераспознавании отозван. Напоминаем, что, согласно Указу об экономии средств от 14 января сего года, денежные выплаты за регистрацию восьмибалльных идей не производятся. Победа Федерации...

Трубка с треском врезалась в стену.

Телефон заверещал в семь утра. Не попсовым мурлыканьем от абонента Eтііі, не сидящим в печенках Моцартом от шефа, а сигналом экстра — «Полетом валькирий» — способным поднять и мертвого.

С трудом продрал глаза, Кирилл сполз с кровати и дотащился до трубки.

— Гражданин Кирилл Клоповский? Отдел контроля благонадежности граждан Федерации. Предупреждаем, что через десять минут вы будете принудительно доставлены в Центр мыслезучения для прохождения процедуры мыслекоррекции. Причина: ваша идея, зарегистрированная вчера в 01:46 и оцененная в восемь баллов по шкале Коварса, содержит несанкционированный призыв к изменению порядка проведения мыслеконтроля и критику текущей политики Федерации. Выход заблокирован. Просьба не оказывать сопротивления сотрудникам отдела доставки.

Наталья ЕГОРОВА

Кирилл РОМАНОВСКИЙ

перелистывал учебник

СТИХИ

дюльфер на юга

Вспыхивал, маялся семафор
в дугах стальных ресниц.
Вдоль полосатых кордонов, сквозь
заспанный леспромхоз
мчался за солнечною лафой,
в небо вжимая птиц,
серо-зелёный стальной поток —
— весть киммерийских гроз.

Мчался, скрывая за колотьбой,
за разговором рельс
звон в подстаканнике РЖД
ложечки «Коктебель».
В душном плацкарте ревел прибор
тем, кто ещё не слез.
Тем, кто, как я, ничего не успел,
думая о себе.

Всё это сон, ожиданья блажь,
нудная как матан.
Здесь — маршброски, перевивы строп,
с месяц болит нога.
Ты за меня там со всеми вмажь,
не поспешишь, братан!
Даст Бог приеду, и дюльфернём
с нашими на юга.

Будем горланить на все лады,
в синюю прыгать соль.
Будем влезать на сто пять бэ плюс,
солнце купать в вине.
Помнишь девчонок, — таких худых,
спины их — словно смоль.
Помнишь. Да как позабыть следы
гальки на той спине.

Будет магнезия на руках,
будет внизу вода,
будет, как прежде, чернеть вдали
пройденный злой отвес.
Сам же всё знаешь: печаль-тоска
лесом идёт, когда
ты спусковую дальняка
встёгнут в верёвки рельс.

Перелистывал учебник
По родной литературе...
Страшно вспомнить; мы сдавали
Эту муть в девятом классе.
Осуждали, возносили
Швабриных и разных Чацких,
Собакевичей и прочих
Разношёрстных Мальдороров,
Населяющих пространство
Между двух картонных корок...
Где мы были, брат Картезий?
Что читали, с кем дружили?
Почему не написали
Наши собственные строки,
Где курение за школой
Возле турников и брусьев
Представлялось несомненным
Светлым актом героизма?
Где прочесть о том, как пиво
Пили мы за гаражами?
Как брэнчали на гитаре
Шесть задрипанных аккордов,
Как, не попадая в ноты,
Пели простенькие песни?..
Где всё это, где всё это?
Неужели же исчезло?
Всё потухло, передохло,
Заплевало и истлело,
Потому как не привился
К тоненькому Иггдрасилю
Наш дичок заиндеветший...
Не привился, не фиг плакать...
Всё отменно, все мы живы,
Все мы были,плыли, слыли.
Все смеялись и ревели,
Били морды, пили вина:
Мозель и портвейн дешёвый.
С кем-то спали, что-то знали...
Все мы встретимся за гранью:
Здравствуй, Саша, Лена, Галя...
Просто так не умирают!
Просто так никто недохнет!
— Здравствуй!
— Здравствуй!
— Как дела?..

Анна СТРОМ

ЧЕМ БЛИЖЕ ЛЕС, ТЕМ МЕНЬШЕ ЗА ГРИБАМИ

В мае

Нет безопаснее месяца мая —
Лихо стэп отбивал дождевой,
На ходу ветром платье снимая,
Флиртовал прямо на мостовой!

Чумовой, подшофе приходящий:
Было солнце — и вдруг снова льет.
Озорник ты, смотрю, настоящий...
Снова солнце? Да ты — рифмоплёт!

Только этого и не хватало,
Никакая ты мне не родня —
Что для осени поздней пристало,
Не пристало для майского дня!

Никогда ты меня не проучишь,
Ловелас, пустомеля хмельной,
Просто любим мы, бабы, певуних,
Вот и маемся дурью весной!

В лесу

Чем ближе лес, тем меньше за грибами,
а больше за туманом и слезами
на выдохе всей грудью, на ходу я
реву самозабвенно, всласть реву я
в пространство, не способное опешить,
однако же способное утешить,
укрыть от глаз под лиственным навесом
меня саму и крик истошный лесом —
материю, не свойственную телу,
приемлемую только за пределом;
избытки, но не в жестах и не словом,
а тем, что называют бабьим рёвом.
Пространство, как терзаемая ёмкость,
уменьшит в децибелах боль, как громкость
на «тише, успокойся»; как ребёнку,
настроит взгляд на резкость потихоньку
и заберёт с руками и ногами
туда, всё дальше, дальше — за грибами.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРОССВОРДЫ МИХАИЛА МАЙГЕЛЯ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1.18-летний древний грек. 3.«Еще есть у меня претензия, что я не ..., не гортензия» (Введенский). 5.Хмурое завершение трилогии Толстого. 6.Разработчик оружия, предложенного Бендером Кислярскому. 7.Картавый гриб, не любивший Маяковского. 8.Звездный контрабандист (фамилия) и музыкальный термин. 9.Белая древнерусская монета. 11.Выходит на крыльцо в «Графе Нулине», но не заяц. 13.Часть театрального представления. 14.Родной город М.А.Врубеля. 15.Имя героической старухи из «Пуритан» (В.Скотт). 17.Детская игра, описанная Цветаевой, Северянином, Кузминым. 18.Птичка отряда Charadriiformes, два футболиста, маршал и художник. 19.Детское ругательство. 20.Шахматист Набокова и негодай Достоевского. 21.Благотельница Мольера и Вольтера (имя). 23.То, что было прежде Шестипалого. 24.В фольклоре Северного Кавказа мститель-одиночка, отчасти демон. 25.Расово-этническая характеристика большой собственности мисс Уотсон (М.Твен).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1.Монета, давшая имя гостинице в «Картинах Италии» (Диккенс). 2.Носит длинные подобию сюртуков, весьма прожорлива, но не семинария. 3.Румяный герой сказки. 4.Самурай б/у. 6.Известнейший персонаж Лескова. 10.Лангедокский еретик и род воспаления. 12.Сын бога Марса, герой пьесы Дюрренматта. 14.Роман Фолкнера и дар барона Ротшильда жене купца Папудова. 16.Герой-рассказчик в «Коронации» Акунина. 17.Диктатор, персонаж оперы В.А.Моцарта и трилогии К.Маккалоу. 18.Жесткая норма и музыкальная форма. 22.Кровать, ложе (Даль).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА. Горизонталь: 1.Кларк. 4.Спорт. 7.Рич. 8.Руно. 9.Коло. 10.Борхес. 12.Перо. 13.Пежо. 15.Анубис. 18.Сети. 19.Брик. 21.Суп. 22.Масан. 23.Морда. Вертикаль: 1.Короб. 2.Анчар. 3.Кир. 5.Прокоп. 6.Тоторо. 11.Сага. 13.Постум. 14.Ошибка. 16.Бисер. 17.Сопка. 20.Ким.